

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7 2020 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

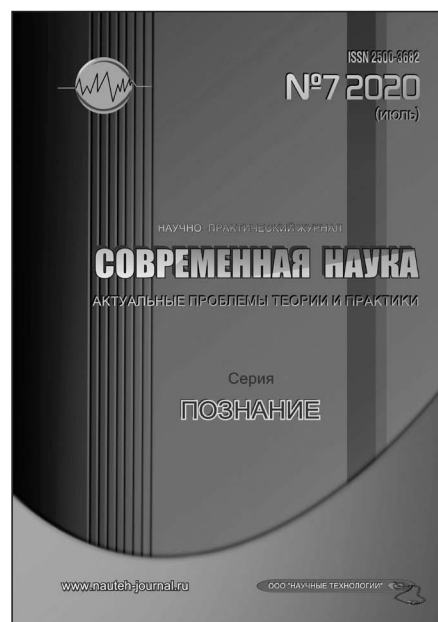
Подписано в печать 25.07.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 7 (июль) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусств.н., профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусств.н., профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Бухтояров А.А. – И бездны мрачной на краю... (к проблеме интерпретации Сонаты для фортепиано Леоша Яначека)

Bukhtoyarov A. – And at the edge of a dark profound... (an aspect of interpretation of Leoš Janáček's Piano Sonata) 5

Ветров Д.Н. – Атрибуты дегуманизации культуры в контексте динамики «бегства от свободы»

Vetrov D. – Dehumanization of culture and its attributes through the dynamics of the "escape from freedom" 13

Деревцова Е.А. – Воздействие электронных СМИ на социокультурное пространство региона

Derevtzova E. – Effect of electronic media on the socio-cultural space of the region 20

Чжан Хунли, Хэ Цян – Культурное строительство в сельской местности России

Zhang Hongli, He Qiang – Cultural construction in rural areas of Russia 25

Психология

Акопова М.А., Фурсова Д.В. – Психолого-педагогические проблемы применения интерактивных технологий в дистанционном преподавании психологических дисциплин студентам педагогического вуза

Akopova M., Fursova D. – Psychology-pedagogical problems of using interactive technologies in distance teaching of psychological disciplines to students of a pedagogical university. 29

Ахметгалиева Э.И. – Эмоциональное выгорание сотрудников современной организации: диагностика и профилактика

Akhmetgalieva E. – Emotional burnout of employees in a modern organization: diagnostics and prevention. 34

Белоус О.В. – Психологическое здоровье в аспекте экологии личности

Belous O. – Psychological health in the aspect of personality ecology 38

Белюсов М.В. – Приоритеты в современном развитии ценностных ориентаций безработных в период ненормативного кризиса занятости

Belousov M. – Priorities in the modern development of value orientations of the unemployed during the non-normative employment crisis 43

Бобровская Е.Ф. – Стресс и копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман

Bobrovskaya E. – Stress and coping test R. Lazarus and S. Folkman. 48

Булаш Н.В. – Психологические особенности карьерного консультирования женщин после длительного перерыва в трудовой деятельности

Bulash N. – Psychological features of career counseling for women after a long break in work. ... 53

Воронин А.Н., Горюнова Н.Б. – Психологические характеристики ситуации как детерминанты эмпирического исследования

Voronin A., Goryunova N. – Psychological characteristics of the situation as determinants of empirical research 58

Кудрявцев В.А., Карасева Л.А. – Формирование навыков социального взаимодействия у младших школьников с умственной отсталостью	Распопин Е.В. – Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы
<i>Kudryavtsev V., Karaseva L.</i> – The formation of social interaction skills in visually impaired primary school students with mental retardation 63	<i>Raspopin E.</i> – A study of the causes that hinder successful resocialization of persons released from prison 90
Максимова М.В. – Психофизиологические аспекты тревоги в соотношении с психическими процессами возбуждения и торможения	Трофимова Н.Б., Гончаренко Е.С. – Нравственное поведение современной молодежи в ситуации кризиса
<i>Maksimova M.</i> – Psychophysiological aspects of anxiety in relation to mental processes of excitation and inhibition 67	<i>Trofimova N., Goncharenko E.</i> – Moral behavior of youth in a crisis situation 95
Наличаева С.А., Ткаченко А.А., Борисенко З.В., Терентьев Б.И., Лукина Е.М. – Ментальность как компонент жизнеспособности молодежи города Севастополя	Усольцева В.В. – Мотивация выбора профессии представителями разных поколений в России (на примере представителей сферы образования)
<i>Nalichaeva S., Tkachenko A., Borisenko Z., Terentyev B., Lukina E.</i> – Mentality as a component of the resilience of youth of Sevastopol 71	<i>Usoltseva V.</i> – Motivation for choosing a profession by representatives of different generations in Russia (on the example of representatives of the education sector) 99
Новикова М.С., Щербакова Н.Е. – Арт-терапия как метод коррекции тревожности старшеклассников в период подготовки к ЕГЭ	Философия
<i>Novikova M., Shcherbakova N.</i> – Art therapy as a method of correcting high school students' anxiety in preparation for the unified state exam 78	Евсюк А.В. – О некоторых проблемах использования элементов искусственного интеллекта в образовательной и научной деятельности в современной России
Поленова О.А., Лещенко С.Г., Пешкова Н.А. – Модель психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза	<i>Evsyuk A.</i> – About some problems of using elements of artificial intelligence in educational and scientific activities in modern russia 102
<i>Polenova O., Leshchenko S., Peshkova N.</i> – Model of psychological and pedagogical support of interpersonal relationships of students with disabilities in the educational environment of the university 84	Костецкий В.В. – На «пути к языку» (М. Хайдеггер): анти-лингвистика
	<i>Kostetckii V.</i> – «The path to language» (M. Heidegger): anti-linguistics 108
	Информация
	Наши авторы. Our Authors 117
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 119

И БЕЗДНЫ МРАЧНОЙ НА КРАЮ... (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОНАТЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ЛЕОША ЯНАЧЕКА)

Бухтояров Андрей Алексеевич

заслуженный артист РФ, доцент,
Государственный музыкально-педагогический
институт им. Ипполитова-Иванова
imeza@yandex.ru

AND AT THE EDGE OF A DARK PROFOUND... (AN ASPECT OF INTERPRETATION OF LEOŠ JANÁČEK'S PIANO SONATA)

A. Bukhtoyarov

Summary: The article says about Leoš Janáček's Piano Sonata, its origin, its form, images, structure, and interpretation problems. The author underlines the importance of this work in the whole Janáček's heritage, the influence of expressionist aesthetics on the imagery of Sonata, philosophic elements of the music, the speech intonation as an important part of composer's idea.

Keywords: interpretation, piano sonata, expressionism, rhythm, distancing.

Аннотация: В статье говорится о Сонате для фортепиано Леоша Яначека, истории создания, особенностях формы, образности и проблемах исполнения. Подчеркивается важность этого сочинения в творческом наследии композитора: влияние эстетики экспрессионизма на образный строй Сонаты, философская составляющая музыки, речевая интонация как основа музыкального языка Яначека. Отдельно рассмотрен аспект интерпретации как важная составляющая композиторского замысла.

Ключевые слова: интерпретация, фортепианная соната, экспрессионизм, ритм, остранение.

Чешского композитора XX века Леоша Яначека с полным правом можно назвать трагической фигурой. Его объемное творческое наследие – инструментальные и вокальные сочинения, произведения для музыкального театра, хоровые и оркестровые партитуры – долгое время оставалось в тени не только для европейской музыкальной общественности, но и на родине композитора. Так, одна из лучших опер Яначека – «Енуфа» – была наконец принята к исполнению директором Пражской оперы спустя четырнадцать лет унижительных отказов, когда автору было уже шестьдесят два года. Вся жизнь композитора – напряженная внутренняя работа мысли и духа, борьба за право оставаться самим собой и отрицать свою принадлежность к национальной музыкальной школе, выходя за рамки этого узкого определения.

Один из самых глубоких исследователей творчества Яначека, его соотечественник, писатель и мыслитель Милан Кундера посвятил Яначеку несколько литературно-философских эссе, вошедших в сборник «Нарушенные завещания». На этих страницах Кундера неоднократно упоминает, насколько трудно складывался творческий путь Яначека. Он как будто не вписывался в свое время, будучи, с одной стороны, старшим современником последних великих романтиков – Малера, Штрауса, Пуччини, с другой – будущим представителем эстетики модерна: «Он вечно неудовлетворен, и разорванные партитуры, словно вехи, отмечают его жизненный путь;

только к концу столетия он находит свой собственный стиль. В двадцатые годы его сочинения занимают место в программах концертов модернистской музыки наряду со Стравинским, Бартоком, Хиндемитом; но он на тридцать — сорок лет их старше. В юности консерватор-одиночка, в старости он становится новатором» (3, 67). Именно этот трагический парадокс жизни Яначека – его мучительный путь к собственной уникальности – подчеркивает Кундера в своих заметках о Яначеке.

Среди многочисленных точных и метких замечаний писателя о творчестве Яначека можно встретить весьма необычные суждения, касающиеся особенностей стиля композитора. Некоторые звучат особенно полемично и при этом крайне любопытно, ведь Кундера не принадлежит к когорте музыковедов-историков-критиков, он судит о музыке с позиций просвещенного эрудита, чей кругозор и взгляд на искусство вызывают наше восхищение. Так, примечательна следующая цитата Кундера о стилистической принадлежности сочинений Яначека к экспрессионизму: «Хотя Яначек и не причислял себя к таковым [экспрессионистам. – А.Б.], на самом деле он единственный великий композитор, к которому можно было бы применить этот термин целиком и в его буквальном значении: для него все экспрессия, и ни единая нота не имеет права на существование, если она не есть экспрессия. [...] Еще одно уточнение: немецкий экспрессионизм отличается предпочтительным отношением к избыточным душевным состояниям, бреду, безумию. То,

что я называю экспрессионизмом, у Яначека не имеет ничего общего с этой одномерностью: это богатейший веер эмоций, противопоставление без переходов, тесное до головокружения, противопоставление нежности и грубости, ярости и успокоения» (3, 68). В этом определении Кундеры сконцентрирована самая суть музыки Яначека, и справедливость подобного утверждения мы попробуем доказать на примере одного из немногих сочинений Яначека для фортепиано – его Сонаты «С улицы».

«Разорванные партитуры, словно вехи, отмечают его жизненный путь», - пишет Кундера. Подобная печальная участь не миновала и Сонату для фортепиано. Драматична сама история ее создания: на первый взгляд, это программное сочинение, в основу сюжета которого легли реальные события, произошедшие в городе Брно 1 октября 1905 года - тогда состоялась молодёжная демонстрация в поддержку открытия в городе национального университета. Демонстрация была разогнана немецким магистратом, при этом погиб двадцатилетний рабочий. Впечатленный этим событием, Яначек немедленно принялся за сочинение и в январе 1906 года закончил сонату в трех частях: «Предчувствие», «Смерть», «Похоронный марш». Она была сразу же исполнена в Клубе друзей искусства пианисткой Людмилой Тучковой, но перед самым концертом композитор сжег третью часть, а после уничтожил и ноты оставшихся двух частей (точно так же он поступил и со многими другими своими сочинениями). Только в 1924 году, по случаю 70-летия композитора, Тучкова призналась, что у нее сохранилась копия двух частей сонаты. Так, само Провидение, кажется, спасло прекрасную музыку от уничтожения, и в этом факте видится некий мистический смысл. Конечно же, Соната Яначека вобрала в себя намного больше, чем исторический эпизод, который фактически стал лишь отправной точкой для создания подлинного музыкального шедевра новой эпохи – эпохи экспрессионизма.

Какие же черты экспрессионизма мы находим в Со-

нате Яначека?

Прежде всего, это эмоциональная насыщенность музыки и наличие скрытого смысла, своеобразного «второго дна», в самом замысле сочинения. Программность его намного шире, чем пресловутая демонстрация рабочих. Композитор говорит здесь о самом себе, о своем бесконечном одиночестве, о скитаниях души в поисках понимания и покоя. Это смятение, предчувствие надвигающейся катастрофы, потеря чувства безопасности, сгущенно-мрачные краски – весь тот спектр настроений, которыми изобилует начало XX века.

Основной принцип музыкального развития первой части – контрастное сопоставление противоположных образов, причем данное как по горизонтали, так и по вертикали. Контраст во всем: частое чередование различных, подчас противоречивых элементов на протяжении короткого фрагмента музыки; разнообразие темпов и размеров, не менее частое; неожиданное соседство эмоций на очень ограниченном пространстве, которое, по мнению Кундеры, создает оригинальную семантику: «Сосуществование эмоций горизонтально (они следуют друг за другом), но также (что еще более непривычно) — вертикально (они звучат одновременно как полифония эмоций)» (3, 69).

Несмотря на контраст эмоций, музыка Яначека предельно лаконична. Так, экспозиция первой части занимает неполных две страницы, но в этих тактах в сжатом и концентрированном виде предстает настоящий конфликт смыслов. С одной стороны – предчувствие смерти и невозможность противостоять ей, с другой – утешение, которое дарит красота и гармония мира, с третьей – страх перед неизбежным, отрицание и попытка вырваться из когтей смерти. Все это – в одновременности, в моменте «здесь и сейчас».

Примечательна главная тема первой части (собственно мелодия, легко узнаваемая в дальнейшем). Она на-

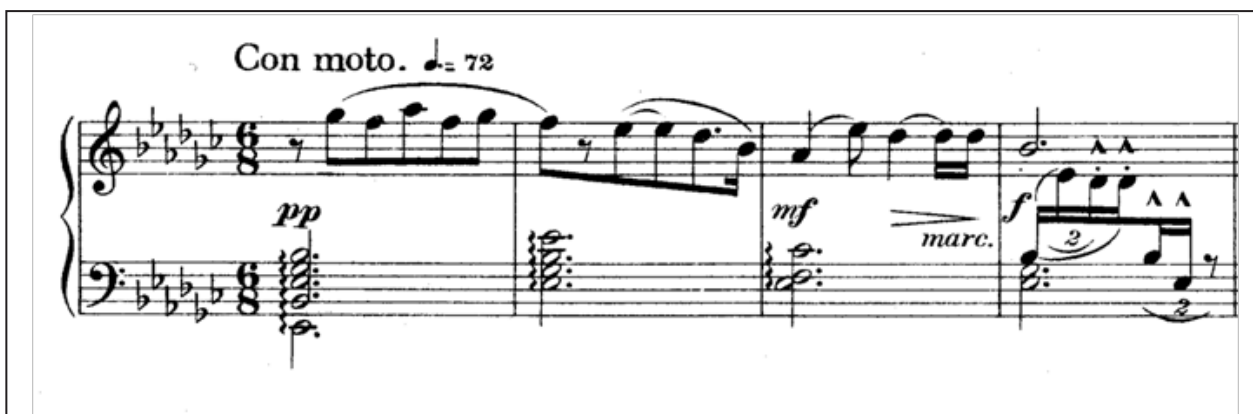

Рис. 1.

поминает оборот человеческой речи, в котором звучит одновременно горестная мольба и страстный порыв (Рис. 1).

Три элемента главной партии соотносятся не как мелодия-аккомпанемент-бас, а как равноправные полифонические пласты, каждый из которых равно значим и неотделим от смыслового музыкального центра.

Нелишним будет вспомнить, как именно Яначек находил свои мелодии. На протяжении всей жизни композитор вел своеобразный музыкальный дневник, записывая нотами услышанные и подслушанные интонации человеческой речи, за которыми он буквально охотился, не расставаясь с нотной бумагой. В результате долгих лет ведения этих записей появился настоящий каталог эмоций, кладезь музыкальных формул, которые композитор затем использовал в работе над своими операми, но и не только над ними. Буквально каждая музыкальная фраза Яначека пронизана этой живой, яркой человеческой интонацией.

Вот как эту способность Яначека омузыкаливать разговорную речь характеризует Милан Кундера: «Поиски утраченного настоящего; поиски мелодической правды мгновения; желание застать врасплох и поймать эту

ускользающую правду; желание проникнуть таким образом в тайну непосредственной действительности, постоянно уходящей из нашей жизни, которая поэтому и становится одной из самых малоизвестных вещей на свете...» (3, 68). Трудно высказаться точнее!

Первая тема Сонаты для фортепиано представляет собой квинтэссенцию мелодической выразительности у Яначека. Поначалу тема звучит одногласно, лишь позже обрастая дополнительными оттеняющими ее элементами, о которых Кундера справедливо пишет: «... мы слышим одновременно ностальгическую мелодию, под ней — яростный мотив *ostinato*, а выше — другую мелодию, похожую на крики. Если исполнитель не поймет, что каждая из этих линий имеет равную семантическую значимость и что, таким образом, ни одна из них не должна превратиться в простой аккомпанемент, в импрессионистский шепот, он пройдет мимо структуры, присущей музыке Яначека» (3, 69) (Рис. 2).

Остинатный мотив звучит каждый раз иначе: в нижнем регистре – настойчиво, почти исступленно, в верхнем на левой педали – призрачно и загадочно. Выплывающая из него побочная тема, несмотря на свою хрупкую красоту, вбирает в себя этот мотив, как зерно горечи, без которого невозможно просветление (Рис. 3).

Рис. 2.

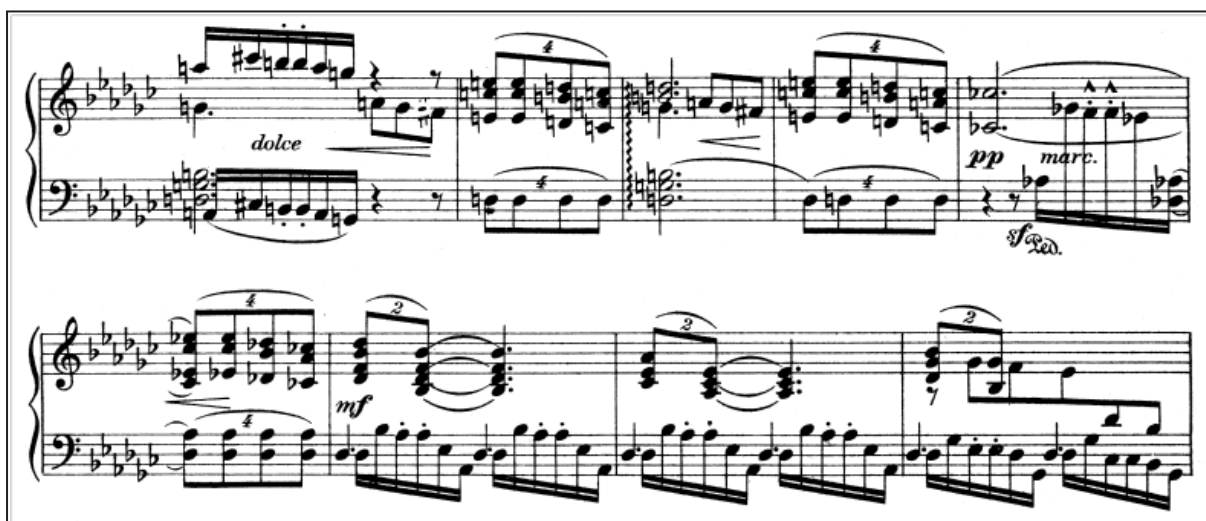

Рис. 3.

Обращает на себя внимание монотематическое родство главной и побочной тем. Мажорная побочная партия так же полифонична, насыщена интонациями остинато, как и главная. Именно она начинает разработку, постепенно сливаясь с контурами главной партии, когда они фактически становятся продолжением и наполнением друг друга (Рис. 4).

Разработка предельно компактна, при этом крайне насыщена и драматична. Вообще, в том, что касается соотношения музыкального объема и смысла, Яначек идет по пути сжатия объема и одновременного углубления содержания. В отличие от поздних романтиков, с которыми его роднило многое, прежде всего стилистика музыкального языка, Яначек не стремился к грандиозным формам и «божественным длиннотам», которые вслед за Шубертом унаследовали Малер и Брукнер. Наоборот, его стихией становится символика кратких мотивов, из которых складывается диалог настроений и образов. Разработка первой части Сонаты – поток разноречивых чувств, которые в своей одновременности искажают, дополняют, отрицают и воспевают друг друга. Заложенное в главном мотиве ядро противоречий полностью оправдывает себя в разработке, когда из этого ядра прорастают противоположные по смыслу и заряду импульсы: светлое воспоминание, скорбное разочарование, гнев, страх, ожидание. Патетический взглас главной партии, важный элемент темы, звучит в конце разработки выпукло и драматично, подчеркивая связь всех частиц воедино (Рис. 5).

Реприза утверждает основное настроение первой

части – смятение души. Главная и побочная тема еще сжимаются в объеме, что стремительно направляет музыку первой части к своему завершению.

От предчувствия – к смерти.

Еще раз повторим, что смысловое содержание сонаты намного шире заявленного сюжета о смерти рабочего во время забастовки. Событие, послужившее импульсом для композитора, вызвало к жизни музыкальные страницы, проникнутые очень личными переживаниями. В этом смысле вторая часть Сонаты (ставшая волею судьбы последней) звучит как тайная исповедь Художника перед самим собой и перед Богом.

Перед нами похоронный марш, странно искаженный ритмически: отсутствует сильная доля, основной однотактный мотив каждый раз завершается остановкой, что вызывает ассоциацию с неверной тяжелой поступью сраженного горем или болезнью человека (Рис. 6).

На этом мотиве строится вся музыка первого раздела. Он же становится основой дальнейшего динамического развития музыки во втором разделе, где первоначальный характер постепенно меняется: долгие остановки на длинных выдержанных аккордах уступают место взволнованному тремоло в партии левой руки и возгласам в правой. Душа как будто пробуждается от смертного сна (Пример 7), сначала наполняясь надеждой и верой (Пример 8), затем низвергаясь в пучину отчаяния и гнева (Пример 9) и, наконец, вновь возвращаясь в первоначальное скорбное состояние (Рис. 7).

Рис. 4.

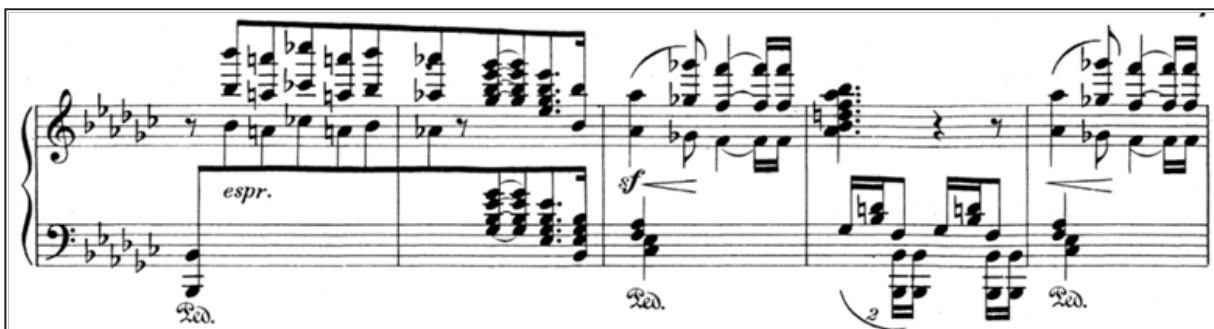

Рис. 5.

Эта метаформоза кажется тем более удивительной, что едва ли не полностью отдана на откуп исполнителю. Во власти интерпретатора наполнить музыку предельной экзотичностью романтического толка (именно таким образом трактует образ Андраш Шифф) или сохранить отстраненность и нерушимость «бездны мрачной» (подобную трактовку предлагает, к примеру, Иван Моравец). Трудно говорить о «правильности» того или иного решения, ведь любая исполнительская концепция может быть убедительна.

Заключительный раздел второй части – сокращенная динамизированная реприза, в которой звучат отголоски пронесшейся душевной бури (Рис. 8).

Несмотря на то, что изначально Соната была создана

в трех частях, вторая часть «Смерть» носит совершенно явный заключительный характер. После этого скорбного монолога любые слова были бы излишни.

От краткой характеристики структуры и внутреннего содержания Сонаты Яначека мы переходим непосредственно к проблеме интерпретации этого сочинения, все чаще звучащего в самых разных исполнениях (так, на известном сайте классической музыки можно найти порядка десяти с лишним записей сонаты разных лет в исполнении русских и западных пианистов).

Невольно задаешься вопросом: в чем состоит главная сложность исполнения этой музыки? На наш взгляд, прежде всего – в необходимости услышать и воссоздать ту самую «полифонию эмоций», о которой неоднократно

Рис. 6.

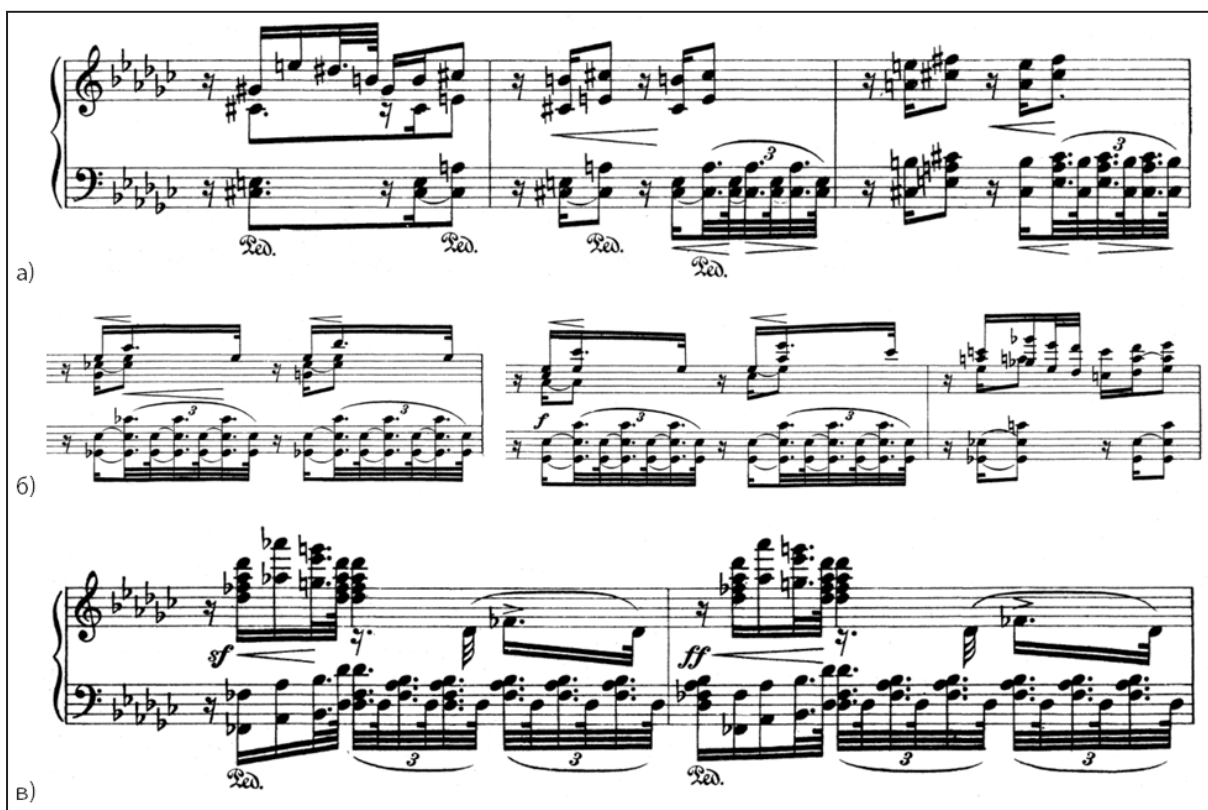

Рис. 7.

упоминает Кундера. В музыкальном тексте первой части Сонаты она выражена различными средствами: ритмически, гармонически, темброво, регистрово. Несмотря на кажущуюся романтическую фактуру с ее объемными басами и парящей в верхнем регистре мелодией, исполнитель имеет дело с четко отделенными друг от друга полифоническими пластами, которые в то же время постоянно наслаиваются друг на друга и проникают один в другой.

Это несовпадение мелодических линий и гармонических планов непостижимым образом сочетается и с раз-

нообразием ритмических рисунков, звучащих одновременно в разных голосах. Уже в первых тактах сочинения поочередно звучат основные ритмические элементы, которые в дальнейшем сольются в общую взволнованно пульсирующую ритмическую ткань: мелодия в верхнем голосе, выдержанные аккорды в нижнем регистре и лихорадочный трепет шестнадцатых (гармоническое заполнение), звучащий как непрерывный «ток крови» в сердце поэта (Рис. 9).

Примечательно, что, даже сливаясь в едином потоке мелких длительностей, ритм не утрачивает своей по-

Рис. 8.

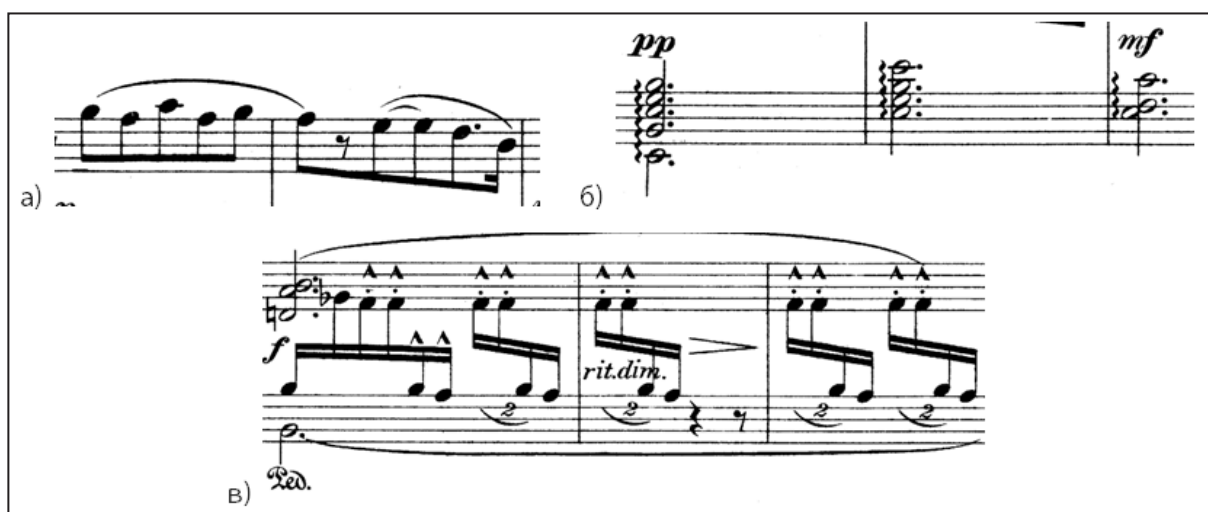
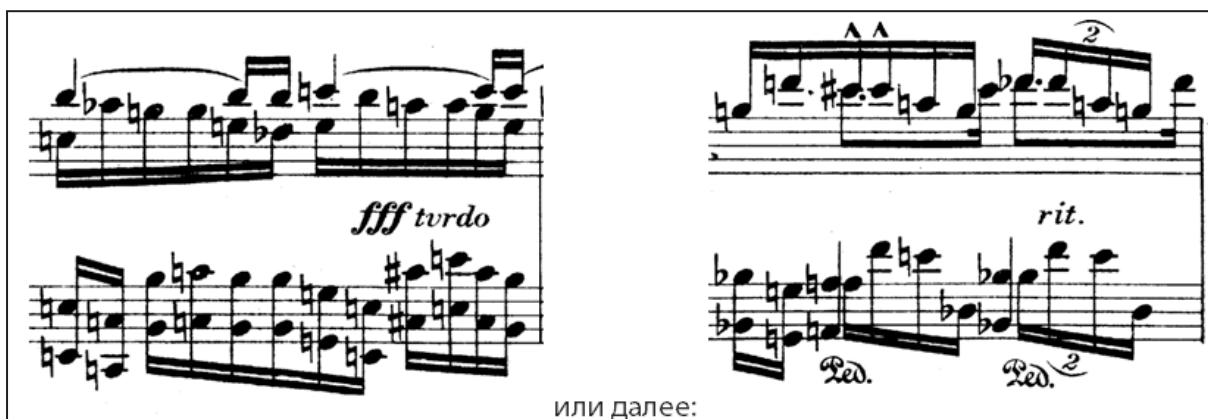

Рис. 9.

или далее:

Рис. 10.

лифонической природы: в нижнем и среднем голосах шестнадцатые сгруппированы по-разному, на что исполнитель обязан обратить внимание (Рис. 10).

Все это многообразие мы встречаем всего лишь на первой странице Сонаты в теме главной партии. Побочная партия изложена не менее прихотливо с точки зрения ритма. Перед нами дуэт двух голосов в правой руке, перекликающихся на фоне «весенних вод» левой: один голос растворен в среднем регистре, обьятый со всех сторон непрерывным потоком шестнадцатых (характер музыки тут совершенно меняется – бурные волны уступают место нежно шелестящим струям), другой звучит в верхнем регистре (Рис. 11).

Перед исполнителем стоит задача: темброво «разве-

сти» эти сплетающиеся голоса и придать всей фактуре иное по сравнению с главной партией звучание.

Разработка вбирает в себя многообразие ритмических паттернов экспозиции и становится своеобразным символом душевного смятения, где ритм, без сомнения, играет главную роль (Рис. 12).

Ритмическая «партитура» этого раздела первой части даже визуально являет собой бурный поток чувств, вырвавшихся на свободу. В этой лавине, обрушивающейся на слушателя, исполнитель не должен терять изначальную данность мгновения. Очень заманчиво было бы предаться сметающей все на своем пути буре звуков – но нет, задача здесь иная: сохранить тембровую полифонию, напоминая слушателю, откуда берет начало тот

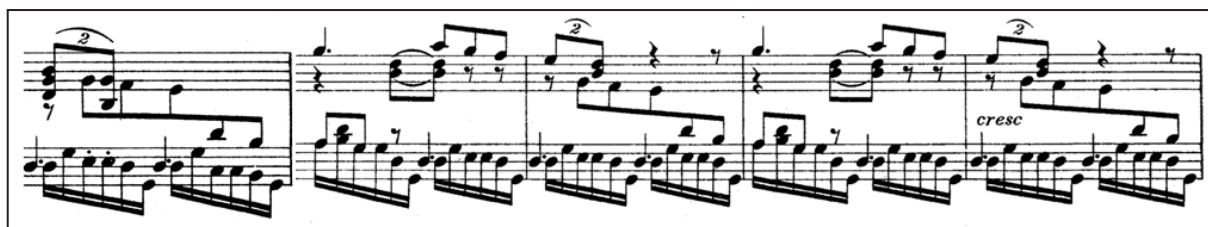

Рис. 11.

или:

 Musical score for Figure 12, showing two staves. The top staff has a treble clef and the bottom staff has a bass clef. The music features complex rhythmic patterns with many sixteenth notes. There are several slurs and accents. A 'cresc' marking is present in the lower right of the score.

или еще:

 Musical score for Figure 12, showing two staves. The top staff has a treble clef and the bottom staff has a bass clef. The music features complex rhythmic patterns with many sixteenth notes. There are several slurs and accents. A 'cresc' marking is present in the lower right of the score.

Рис. 12.

или иной мотив. Это действительно сложная художественная задача, которую не всякому пианисту удастся убедительно решить.

В репризе вновь на первый план выводится основная идея первой части – фатальная предрешенность, страдание как единственная возможность бытия, познание себя через скорбь и катарсис. Однако основные темы первой части проводятся очень кратко, от них остается только воспоминание, намек. Само звучание здесь отличается от экспозиции – оно мыслится более эфемерным, бесплотным, призрачным: грань между жизнью и смертью стирается.

Вторая часть Сонаты Яначека ставит перед музыкантом не менее сложные задачи. И вновь ритм становится проводником в мир внутреннего смысла и содержания этой музыки. Выше мы уже упоминали о необычности ритмического рисунка второй части, который, с одной стороны, прямо указывает на жанровый источник – похоронный марш, с другой – деформирован и искажен. В этой связи стоит упомянуть часто встречающийся в творчестве художников, литераторов, музыкантов XX века прием «остранения».

Термин, пришедший из теории литературы (введен литературоведом Виктором Шкловским в 1916 г.), объясняется как «литературный прием, имеющий целью вывести читателя из “автоматизма восприятия”, сделав для этого предмет восприятия непривычным, странным» (З, 704). Уместно использовать этот термин в отношении не только литературных, но и музыкальных и художественных произведений. (Так, этот прием часто упоминается И.А.Барсовой в ее монографии «Симфонии Густава Малера»).

В музыке Яначека остранение происходит прежде всего на уровне жанра. Знакомые черты похоронного марша – медленный темп, размеренность ритмической пульсации, минорный лад, аккордовый склад – в музы-

ке Яначека показаны как бы сквозь призму измененного сознания. Это некая альтернативная реальность, иное измерение, которое, подобно осколку зеркала андерсеновского Тrolля, искажает настоящее и меняет восприятие. Яначеку удалось добиться подобного эффекта минимумом средств: шестнадцатая пауза вместо сильной доли; прозрачная фактура вместо тяжелых аккордов; *pianissimo* и *una corda* вместо литавр и меди; тремоло, постепенно проникающее в фактуру и насыщающее ее несвойственным похоронной процессии волнением.

Композитор постепенно выстраивает этот незаметный переход от знакомого к странному, и именно этот переход, это «расщепление сознания» (термин И.Векслера) исполнителю необходимо особо подчеркнуть: оттолкнуться от несуществующей первой доли, чтобы начать свой *via dolorosa* в пучину вознесения, от решения и смерти.

По мере этого движения к «бездне мрачной» меняется сам ритмический рисунок. В нем мало-помалу прорастают ритмические элементы первой части: изломанность и наслоение друг на друга двух голосовых линий, лихорадочный пунктир *ostinato* в среднем регистре – и общее впечатление насыщенности и пресыщенности ритма, которое не покидает слушателя на всем протяжении первой части Сонаты. Ритм соединяет предчувствие и смерть, сковывает навеки. Полиритмия внезапно обернулась «моноритмией», объединив столь различные по художественному замыслу части Сонаты.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод: во главу угла исполнительской трактовки Сонаты Яначека следует ставить ритм в его первооснове. Вся полифоничность и многоязыкость Сонаты исходит прежде всего из полифонии ритмических моделей. Подчеркивая разнообразие ритма с помощью тембров, исполнитель сможет добраться до истинного смысла этой прекрасной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсова И.А. Симфонии Густава Малера: Монография. – М.: Сов. композитор, 1975. – 496 с.
2. Векслер И. Малер и Достоевский. – <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer17/Veksler1.php>
3. Кундера М. Нарушенные завещания. – М.: Азбука-классика, 2004.
4. Остранение // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. — СПб. 704 — 1596 с.

© Бухтояров Андрей Алексеевич (imeza@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АТРИБУТЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ «БЕГСТВА ОТ СВОБОДЫ»

Ветров Дмитрий Николаевич

Аспирант, Институт кино и телевидения (ГИТР);
преподаватель, Московский государственный
лингвистический университет
vetrov.interprete@mail.ru

DEHUMANIZATION OF CULTURE AND ITS ATTRIBUTES THROUGH THE DYNAMICS OF THE "ESCAPE FROM FREEDOM"

D. Vetrov

Summary: The article aims at redefining the dehumanization of modern Western culture to produce and describe the specific attributes of the phenomenon and various aspects of its functioning through revisiting the nature of humanism, based on the notion of a free subjective reason. An attempt is made to delve into the history of humanism and functioning thereof in various cultural contexts, so as to analyze its relations with anti-humanism (be it described in terms of "closed society" or "escape from freedom") and dehumanization of culture. In the frame of this research are listed and described such attributes of dehumanization as: mechanicism of life, mythology and myth creation, and intransitive media, which contribute to infiltration of myth.

Keywords: anti-humanism, corporatism, dehumanization, humanism, individualism, media, mechanicism, mythology, open society, subject.

Аннотация: В статье рассматривается возможность выдвинуть последовательное определение дегуманизации культуры и описать атрибуты функционирования дегуманизации, которые проистекают из определения гуманизма, основанного на понимании субъективного разума свободного индивидуума. Автором предпринята попытка рассмотреть исторический контекст понятия гуманизма и условия его функционирования в различных социокультурных контекстах, чтобы описать, каким образом гуманистические основания Западной культуры оказываются вовлечены в диалектические отношения, связанные с их отрицанием: антигуманизмом (описанном в терминах «закрытого общества» или «бегства от свободы»), лежащим в основе дегуманизации культуры и её атрибутов, среди которых в рамках данного исследования, выделены и описаны: механистичность жизни, мифотворчество и медальность нетранзитивных средств массовой коммуникации, в том числе выступающих как катализатор мифологии.

Ключевые слова: антигуманизм, гуманизм, дегуманизация, индивидуализм, корпоративизм, медиа, механицизм, мифология, открытое общество, субъект.

Для того, чтобы дать определение дегуманизации культуры, нам представляется необходимым про- извести экскурс в историю явления, описанного в литературе как гуманизм, и неотделимых от него тенден- ций.

Как пишет Хабермас, во второй половине XIX века идеалы ложной объективности, носителем которой призван был стать историзм (сила традиции, «власть истории») посредством наук о духе, чтобы компенсировать кризис субъективного разума, «нейтрализуют необходимые для жизни критерии и распространяют парализующий релятивизм» [Хабермас, 2008, с. 95]. «Антигуманизм Ницше выраженный в желании сломать рамки западного рационализма представляет собой подлинный вызов для дискурса о модерне» [там же, с. 80].

Ницше осознает модерн не как венец рационализма, но как «всего лишь последнюю эпоху в долгой истории рационализации», берущей начало с распада мифа (более конкретно, с европейского монотеизма, утвержденного Сократом и Христом). Но поскольку модерн видит непосредственный возврат к мифическим первоистокам как недопустимую регрессию, Ницше находит выход в нивелировании «контраста истока и цели» (лежащего в телеологии христианской культуры) за счет успешной

попытки представить модерное искусство «как сферу, в которой модерн соприкасается с архаическим» [там же, с. 96-97].

Следуя за мыслью Шеллинга, Ницше обращается к романтизму в поисках искусства («поэзии», «музыки»), которое бы, в отличие от спекулятивного разума модерна, стало новой мифологией, обладающей объединяющей силой (утраченной) религии. Лучше сказать, философия должна была, по мысли Шеллинга, уступить место искусству посредством мифа. Того же жаждал Ницше, который сперва воспринял идеи романтиков о новой тотальности, но вынужден был отбросить романтизм, чья трактовка образа Диониса была ему принципиально чужда: в то время как «новая мифология романтиков должна была бы вернуть пропавшую солидарность, но не отказываться от эмансипации ... индивидуализированных перед лицом единого Бога личностей», Ницше постулировал такого Диониса, который «радикально избавляет от проклятия идентичности и тождества, который отменяет принцип индивидами.» [там же, с. 101-102].

Дух декаданса русского «серебряного века», в ходе которого также принимались попытки примирить объективно-исторический и субъект-центрированный разум («...ницшеанский дионисизм своеобразно транс-

формирован Блоком в концепцию истории» [Паперный, 1979, с. 95]), способствовал восприятию идей Ницше на волне интереса к античности и стремления, помимо прочего, «в случае символистов построить новую русскую культуру как возрождение античности» [там же, с. 90]. Однако принцип дионисийской оргиастической тотальности, внушал, с одной стороны, воодушевление (так, Вяч. Иванов трансформировал антиномию дионисийского и аполлонического в антиномию соборности и индивидуализма, что связано с его «стремлением найти адекватное истолкование драматизму предреволюционной эпохи со свойственным ей широким развитием массового народного движения» [там же, с. 92]), с другой же – отчаяние. Как указывает М.В. Паперный, статья и доклад Блока «Крушение гуманизма» (1919) выражает историческое мироощущение, отмеченное «крайним духовным радикализмом и трагическим самоотречением» [там же, с. 103]: ведь допущение, что «на арене европейской истории появилась новая движущая сила – не личность, а масса, что означает наступление кризиса гуманизма» [Блок, 1962, с. 95] – означает и конец собственной индивидуальной работы Блока-гуманиста, который вынужден принести себя в жертву стихии масс, повинувшись объективной (телеологии) истории.

Здесь нам важно указать на другой, помимо Ницше, источник, реакцией на который, вероятно, стал доклад Блока. Это работа Николая Пунина и Евгения Полетаева «Против цивилизации».

Как указывает А.В. Рыков, «трактат Пунина как и «Крушение гуманизма» Блока 1919 года, посвящен обоснованию дихотомии культура/цивилизация» [Рыков, 2016, с. 179]. Оба произведения сходны и другими чертами: милитаризм Пунина и Полетаева перекликается с идеей эстетики войны у Блока, проистекающей из его понимания духа музыки; роднит их и естественно-биологический принцип возникновения человека нового типа, и расизм [там же, с. 180-181].

В контексте дискурса о гуманизме как движении, в основе которого лежит принцип индивидуализма свободной человеческой личности [Блок, 1962, с. 94], важно подчеркнуть некоторые ключевые положения авторов, касающиеся непосредственно личности и гуманизма: 1) «индивид – лишь носитель энергии, а не ее источник» (источник – общество); 2) «индивидуальное творчество – такой же миф, как индивидуальное сознание; эра лирического индивидуализма миновала»; 3) «существует только народ и благо народа и расы. Отдельные индивиды могут, конечно, пострадать или погибнуть, но это необходимо и гуманно» [Полетаев, Пунин, 1918, с. 37]. Иными словами, в трактате постулируется национальный монизм (холизм, в терминологии Поппера) и примат корпорации над индивидом.

Что также немаловажно, авторы «Против цивилизации» указывают, что моделью для их проекта служит Древняя Греция [там же, с. 2]. Между тем, эвокация (или же радикальная апология) досократовской эпохи Греции в трактате Пунина-Полетаева интересна тем, что апеллирует не к реально существовавшему образованию, но к утопическому конструкту, подробнейшим образом изложенному в «Государстве» Платона. Для нас не столь важно устанавливать, были ли Пунин и Полетаев прямыми эпигонами Платона, однако между двумя текстами есть немало схожего, что позволяет отнести их к манифестам антигуманизма, лежащего в основе дегуманизации культуры на современном этапе.

Прорабатывая текст «Государства», Платон преследовал цель, которую весьма просто сформулировать, и даже достаточно легко обосновать, если иметь представление об историческом контексте политической борьбы, наблюдавшейся в Греции с начала V по середину IV вв. до н.э. Как пишет Карл Поппер, социальная инженерия Платона проистекает из стремления «избежать гераклитовской текучести» и противостоять историческому распаду за счет социальной революции, которая бы привела к установлению такого государственного порядка «который был бы настолько совершенен, что уже не принимал бы участия во всеобщем ходе исторического развития» [Поппер, 1992, с. 56]. Иными словами, «в социальной области теория форм и идей открывает путь для создания определенного вида социальной инженерии, позволяя открыть средства задержки социальных изменений путем построения “наилучшего государства”, очень близкого к идее или форме государства, которое не может подвергаться распаду» [Поппер, 1992, с. 63].

Наглядной моделью платоновского идеального государства послужил, очевидно, Лакедемон, целью которого было «остановить всякое изменение и вернуться к племенному строю» [там же, с. 227]. Однако Спарта, как не могла быть для Платона идеальным образованием, не могла служить таковым и в глазах его читателей: к середине четвертого века, когда была написана работа, оно к уже дискредитировало себя «нравственным нигилизмом» и «политикой силы» своих тиранов, которые в оказании своей поддержки лаконофилу Критию, надеявшемуся на фактор поражения Афин в Пелопоннесской войне, проявили жесточайшее насилие и тем самым «оскорбили чувство справедливости у граждан Афин». «Государство» – это не что иное как «эвокация» мифического (а по Платону – идеального) Золотого века, основанного «на убеждении, которое вновь утвердило бы старые ценности племенного строя, противопоставив их вере открытого общества» [там же, с. 242]. Любопытно, что для последующих поколений утопистов все идеальные государства преследовали цель не остановки прогресса, но химерической идеи всеобщего счастья или блага, которое у Платона является лишь вуалью для ис-

тинной цели удержания развития).

Идеи Платона очевидно повлияли и на Н.А. Бердяева, который интерпретировал Платона как провозвестника «грядущей ночной эпохи», наступившей после заката эллинизма [Бердяев, 2012, с. 516]. В своем сочинении «Новое Средневековье» (1924) философ транслирует популяризированные Шпенглером предположения о закате цикла Нового времени, или о закате «рационального дня новой истории» [Бердяев, 2012, с. 512], выступая апологетом новой эпохи, в которой «воля к культуре» станет доминировать над «волей к жизни». Бердяев постулирует отказ от «ереси гуманизма» [там же, с. 519-520], оперируя главным образом новозаветными ценностями, в связи с чем выдвигает принцип отказа от свободы (бессмысленности свободы), обосновывая его указанием на онтологическую пустоту устремления к освобождению от внешних по отношению к индивиду целей: «Свобода духа есть неотъемлемое и вечное достижение. Но для чего, во имя чего должно было совершаться освобождение? Этого не знает дух Нового времени. Он не имел или не знал своего *во имя*. Во имя человека, во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человеческого. Но тут нет никакого ответа. Нельзя освободить человека во имя свободы человека, не может быть сам человек целью человека. Так упираемся мы в совершенную пустоту» [там же, с. 523].

Здесь Бердяев задает вопрос, более рациональный ответ на который дал спустя почти два десятилетия Фромм, анализируя флуктуацию феноменов, которые он назвал «негативной» и «позитивной» свободой. Негативную свободу Фромм, как и Тойнби, иллюстрирует ветхозаветным мифом о грехопадении, метафорически транслирующем «возникновение напряжения цивилизации» (о котором говорил Поппер), связанным с утратой уз с природой и с обретением свободы от физической зависимости от собственного (непосредственного) окружения: «Социальная история человека началась с момента его перехода из состояния единения с миром к осознанию себя как существа, отдельного от окружающей природы и людей. Однако ... индивид продолжал быть тесно связанным с физическим и общественным миром, из которых вышел. Нарастающий процесс освобождения личности от изначальных уз, ... который мы можем назвать индивидуализацией, достиг, по-видимому, своего пика в современной истории в века между Реформацией и настоящим временем» [Фромм, 2018, с. 34-35]. Эту свободу Фромм называет негативной по её характеру «свободы от», о чем говорит здесь Бердяев. Эта свобода, согласно выводам, самого Фромма, ведет к чувству одиночества, которое в свою очередь приводит к неврозам, лежащим в основе социальных потрясений.

Описывая современное общество как «абстрактное», в противовес конкретным традиционным обществам за-

крытого типа, Поппер пишет: «картина абстрактного общества при котором биологическое устройство людей, издревле живших в соответствующих этому устройству органических первобытных обществах, изменилось незначительно, и оставшиеся социальные потребности не могут быть удовлетворены при разрыве непосредственных личных связей, что ведет к анонимности, одиночеству и несчастью фиксирует только одни потери большинство социальных групп современного открытого общества (за исключением некоторых счастливых семейных групп) не создают действительных условий для общественной жизни и не обладают никакой реальной функцией в жизни общества в целом. Однако есть и несомненные приобретения. Личные отношения нового рода могут возникнуть только там, где в них можно вступить свободно, где они не определяются случайностями рождения с ослаблением биологических или физических связей, большую роль начинают играть духовные, и т.п. связи» [Поппер, 1992, с. 219-220].

Однако согласно Фромму, отчаяние от одиночества, непременно вытекающего из негативной «свободы от», ведет к «бегству от свободы», которое лежит в основе дегуманизирующих тенденций, связанных с авторитарными режимами. В свою очередь, авторитарные режимы суть выражение убеждения в том, что «жизнь определяется силами, внешними по отношению к личности, её интересам, её желаниям» [Фромм, 2018, с. 169].

Таким образом, апология средневековья (не важно, «нового» или «старого») представляется таким же проявлением дегуманизирующего корпоративизма, как и эвокация закрытого общества античности у апологетов тоталитаризма. Обращение взгляда на прошлое, согласно Фромму, является одной из черт авторитарной ментальности: «Для авторитарного характера активность коренится в основополагающем чувстве бессилия, которое он стремится преодолеть. В этом смысле активность означает действие во имя чего-то высшего, чем сам индивид. Такое возможно во имя Бога, прошлого, природы, долга, но никогда во имя будущего, нерожденных поколений, тех, кто лишен власти, или самой жизни» [там же, с. 169].

Апологетом средневековья (по крайней мере в тех местах, где это уместно с т.з. критики гуманизма и индивидуализма) выступает современник Бердяева А.Ф. Лосев, чья критика гуманизма связана с утверждением себя индивидом как «некой самостоятельной субстанции ни в чем не имеющей нужды для своего существования, для своего бытия» [Лосев, 2001, с. 259].

Видя в эпохе феодализма отражение социализма своего времени, Лосев постулирует недопущение развития изолированной личности: «Свободное искусство и наука есть всецело достояние либерально-буржуазной культу-

ры», [буржуазное] искусство только и живет средствами изолированной личности», «поэтому логический вывод из коммунизма – это искоренение также искусства». Таким образом, «феодализм и социализм вполне тождественны в том отношении, что оба они не допускают свободного искусства, но подчиняют его потребностям жизни» [там же, с. 127].

Замечание Лосева ценно тем, что обращение к проблеме функционирования искусства для нас важно для понимания социокультурной динамики: оно помогает так или иначе проследить эволюцию ментальности, когда речь заходит о столь отдаленных от нас эпохах, что других инструментов, помогающих приблизиться к объективной оценке доминирующих жизненных установок этих обществ почти не остается.

Утверждая, что человек Ренессанса более не нуждается для своего бытия во внешнем объекте, Лосев указывает, что эта независимость от внешнего мира отражена в особенностях живописи: «[Возрожденское] мироощущение выражено в живописи – основном возрожденческом искусстве: живопись дает мир не как самостоятельную вещь, но как объект восприятия и познания» [там же, с. 259-260]. Здесь (и ранее) Лосев допускает определенную вольность, постулируя архитектуру и скульптуру как исключительные атрибуты античного мира («античный пантеизм всегда или архитектурен, или скульптурен. Живопись, поэзия, музыка для него слишком духовны, слишком бесплотны» [там же, с. 238]), а развитие живописи ассоциируя с Возрождением. Во-первых, из трех излюбленных авторов Вазари, только Рафаэль не был скульптором, однако являлся признанным архитектором, наряду с двумя другими великими именами: Леонардо и Микеланджело. Во-вторых, как указывает П.А. Сорокин, греческая и римская живописная традиция также была связана с выдающимися именами (в первую очередь, Полигнота) [Сорокин, 2006, с. 151], владевшими в том числе искусством перспективы. И если противопоставлять античность Средневековью и Новому времени, то необходимо различать неоднородные этапы собственно античного искусства (которые могут выступать зеркальным отражением либо средневекового, либо ренессансного искусства), согласно флуктуациям идеациональной и чувственной форм искусства: с точки зрения трансцендентного, сверхчувственного характера художественного творчества (нравственного, патриотического, религиозного, и т.д.), можно сказать, согласно Сорокину, что средневековье близко в этом отношении доклассической античности, в то время как Ренессанс, условно считая себя зеркалом классического эллинизма, характерен чувственной визуальностью, доминирование которой продолжается до нашего времени [там же, с. 132-133], и, по всей видимости, является свидетельством нарастающего индивидуализма.

Следуя, таким образом, за рассуждением Бердяева о наступлении нового средневековья, можно попытаться усмотреть в явлениях начала XX века ситуацию, в том или ином смысле напоминающую (новое) средневековье, которая по объективным причинам оказалась крайне неустойчивой, поскольку была основана на ложных эсхатологических убеждениях в грядущем или уже свершившемся закате и упадке. На него, на первый взгляд, словно указывают сразу несколько атрибутов: рассуждая в терминах Тойнби, внутренний пролетариат рабоче-крестьянской массы отделился от меньшинства бывшей элиты и основал собственную универсальную церковь (философию младогегельянства), отличную от религии бывшей власти. Этой эпохе приблизительно соответствует развитие идеационального стиля в искусстве (супрематизма), которое, согласно социокультурной динамике Сорокина, отражало сверхчувственную ментальность доклассической Греции (пришедшей на смену умершей чувственной культуры прежнего крито-микенского общества [там же, с. 147-148]); аналогичным образом, идеациональное искусство средневековья пришло на смену перзрелой чувственной александрийской культуре позднего эллинизма; в терминологии Бердяева, идеациональная ментальность соответствует «ночной эпохе»: «выходу за пределы эллинского дня» [Бердяев, 2012, с. 516], аналогично той, что он усматривает в собственной современной ему культуре «нового средневековья». Однако эта модель наталкивается на ряд противоречий.

Если продолжать следовать логике Тойнби, надлома (Западной) цивилизации в результате социалистической революции не произошло (она носила локальный характер и непосредственно не повлияла на структуру Западного общества, если не считать мирного движения рабочих во всех государствах со свободным рынком).

В то же время, если обращаться к симптоматике художественного творчества, искусство авангарда, хотя и было внешне идеациональным, имело совершенно иные предпосылки, нежели «глубоко религиозное, патриотическое, назидательное» [Сорокин, 2006, с. 152] искусство доклассической Греции: напротив, по словам Сорокина, хотя «символизм, конструктивизм, экспрессионизм, ... кубизм ... резко и решительно порвали с визуализмом, они не стали подлинным идеационизмом или хотя бы идеализмом» [там же, с. 180]. Более того, в искусстве начала XX века, как в мировом, так и в советском, прослеживается страсть к гигантомании (в случае последнего наиболее наглядными примерами служат проекты татлинской башни и здания Дворца Советов; ср. с Колоссом и Галикарнасской гробницей Мавзола IV в до н.э.), а также внимание к бытовым темам и деталям, что является неотъемлемым атрибутом чувственно-визуального искусства.

Отличие современных художников, чьи работы, исходя из принципа отрицания чувственного визуализма, можно по ошибке принять за проявление идеациональной ментальности, состоит в том, что «современный художник – высокопрофессиональный специалист. Он хочет быть свободным от предписаний религии, от моральных приличий – от всего, за исключением своего воображения. Он ни в коем случае не желает быть просто анонимным творцом в коллективе, каковыми были художники-идеационалисты» [там же, с. 185].

Этот факт служит и следствием, и доказательством того, что «новое средневековье» и новый корпоративизм, основанный на отрицании свободного индивида уже принципиально невозможен, а всякая попытка повернуть вспять процесс индивидуализации и освобождения индивида (будь то, в терминах «закрытого общества» Поппера, «задержанного общества» Тойнби или «бегства от свободы» Фромма) – и будет наиболее ярко выраженной дегуманизацией.

Для нас интересно обратить внимание на то, что, согласно Тойнби, античный мир и европейское средневековье не являются фазами единого непрерывного развития (по критериям единства вселенской церкви пролетариата и универсального государства, поэтому говорить о фазе возникновения «напряжения цивилизации» как о моменте рождения нашей цивилизации, по Попперу, может оказаться неправомерным, чем и объясняется новый виток дегуманизирующих тенденций европейского средневековья. Возможно, достижения афинской демократии и сократовского гуманизма остались незабываемым прорывом лишь в рамках античной цивилизации, которая пресеклась в Средние века, когда варварские народы севера Европы только начинали переживать кризис напряжения цивилизации, ранее пережитый Гераклитом и концептуализированный Платоном. Если это замечание верно, то принцип гуманистического индивидуализма не находится в стихийном отношении флуктуации с его противоположностью: иными словами, никакой объективный исторический или трансцендентный порядок не обуславливают угасания индивидуализма и наступления корпоративного закрытого общества в какой-либо момент времени. На этот факт указывает и то обстоятельство, что чувственно-визуальная форма искусства так и не сменилась идеациональной с тех пор, как была утверждена Ренессансом. Таким образом, любые попытки идеологов воспользоваться принципом «негативной свободы», чтобы утвердить неизбежность наступления нового закрытого общества являются искусственными, и основываются исключительно на мифотворчестве, будь то сознательным или неосознаваемым. Так, упомянутые модели эвокаций являются, на наш взгляд (наряду с любым апеллированием к авторитетам прошлого), частью мифологии, которая может служить целям сторонников как закрытого, так и открытого

общества.

На этом основании, выделяем такой *атрибут дегуманизации* как мифотворчество (а также, под дегуманизацией подразумеваем насильственное поддержание веры в миф на этапе его прекращения его функционирования, связанное с понятием репрессивной цивилизации).

Некоторые предварительные выводы и определения

Поскольку понятие гуманизма на современном этапе имеет различные контексты и определения, мы считаем необходимым вывести дополнительное определение гуманизма, и отталкиваясь от него определить дегуманизацию как антигуманистическую тенденцию, лежащую в основе тех или иных феноменов и элементов современной западной культуры.

Гуманизм – это утверждение (мировоззрение), согласно которому человеческая жизнь не может подчиняться и определяться трансцендентными или любыми внешними целями и явлениями, если они противоречат развитию, росту и счастью индивида. В формулировании подобного определения мы руководствуемся различными источниками, которые имеют тождественные общие черты. Это, в первую очередь, гуманизм Сократа, согласно учению которого, «в человеке есть божественная искра, разум, а также любовь к истине, доброте, человечности, любовь к красоте и благу. Именно она придает достоинство человеческой жизни. Именно разум делает субъект человеческим и дает ему право претендовать на статус цели самой по себе» [Поппер, 1992, с. 236-237]. Схожие положения, которые можно найти у множества авторов (в частности, у Пико делла Мирандолы в «Учении о достоинстве человека»), встречаем у Сартра: «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают человек прежде всего существует, человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно» [Сартр, 1990, с. 323].

Хронологический разброс контекстов творчества трех названных авторов, призван указать на непреходящий принцип гуманизма как индивидуализма, который мы имеем в виду.

Итак, мы выделили в качестве основополагающего атрибута дегуманизации (и всякой антигуманистической тенденции) отрицание индивидуализма или отрицание его необходимости. Сама же дегуманизация является практическим выражением тех инструментов и механизмов, которыми данное отрицание постулируется: собственно, атрибутами дегуманизации, которые проистекают из первого основополагающего момента, в котором отрицается ценность и смысл индивидуализма.

Первым атрибутом дегуманизации мы назовем механистичность жизни.

Особенность дегуманизации на современном этапе состоит в том, что она носит имплицитный характер. Как указывает Фромм, «современная демократия [создает убедительную иллюзию того, что она] обеспечила истинный индивидуализм», в том понимании, что «[м]ы гордимся тем, что мы не подчиняемся никакой внешней власти, что мы свободны выражать наши мысли и чувства...» [Фромм, 2018, с. 231-232]. Если, говоря об исторических тоталитарных проектах, берущих начало от Платона, мы упоминали в качестве атрибута дегуманизации примат корпорации над индивидом, то в условиях отсутствия таких «закрытых обществ» механистичность постулирует примат над личностью индустриального способа производства. Разумеется, когда Фромм говорит, что «сегодня человек страдает от того факта, что он превратился в винтик в большой машине, в автомат, от того, что его жизнь стала пустой и утратила смысл» [там же, с. 265], мы воспринимаем это утверждение не в том гротескном смысле, в каком его визуализировал Фриц Ланг в картине «Метрополис», или Чаплин в фильме «Новые времена». Дело не столько в образе промышленного объекта, к которому приставлен человек, но в том, что «принцип работы ради накопления капитала... заставляет человека трудиться ради целей, лежащих вне его, и превращает индивида в слугу той самой машины, которую он создал, и тем самым чувствовать свою личную незначительность и бессилие» [там же, с. 114]. В этой связи, говоря об «орнаменте массы» (и о его иррациональности), Кракауэр указывает, что «рациональная сторона капиталистической экономики – это не просто разум, но разум смутный. Он не включает в себя человека. Функционирование производственного процесса устроено без учета потребностей людей, а сам человек не является основанием общественно-экономического устройства» [Кракауэр, 2014, с. 50].

О принципиальном механицизме, лежащем в основе цивилизации, упоминает и Тойнби, правда выходя

за пределы критики индустриального производства, о котором говорят здесь Фромм и Кракауэр: смысл высказывания историка снова заключается в опасности доминирования механицизма над жизнью. Говоря об опасной «механичности мимесиса», как инструмента передачи созидющего волевого импульса, Тойнби пишет о выработывании в результате роста цивилизации механических навыков у субъекта: «Восхитившись [изобретательностью Homo Faber], задумаемся над смыслом таких словосочетаний, как “машинное производство”, “механическое движение”, “механическое поведение”, “партийная машина”. Здесь явно просматривается не идея триумфа жизни над материей, но, напротив, господства материи над жизнью... продукт творческого ума, обладающий безграничной властью над материальной Вселенной, фактически оборачивается своей противоположностью, становясь инструментом нашего собственного порабощения» [Тойнби, 1991, с. 303-304].

В этом же контексте (опасного) мимесиса мы можем выделить такой атрибут дегуманизации как *мифологию* и *мифотворчество*. В главе о «надломе цивилизации» Тойнби указывает, что «мир, где творческая личность живет и трудится, – это общество обычных, простых людей. Задача творческой личности в том и заключается, чтобы эту массу заурядных людей превратить в своих последователей, активизировать человечество, направить его к цели, находящейся вне его самого» [Тойнби, 1991, с. 302]. Таким образом, мы имеем группу «пассивного большинства» и «творческого меньшинства»; последние в том числе являются мифотворцами. Причем этот путь предполагает возможную катастрофу, в случае если мифотворец допускает ошибку [там же, с. 303]. В ряду исторически первых из таких лидеров-мифотворцев, как мы указали вначале, был Платон. Но поскольку рост индивидуализма сопротивляется прямым попыткам отрицать самоценность личности, на современном этапе мифология (в бартовском понимании неподлинности мира, данного нам в культурном опыте, контаминированном вторичными смыслами) прибегает к «похищенному языку». Так, Джон Грей в работе «Соломенные псы» оперирует своими профессиональными знаниями в области философии и истории идей, чтобы постулировать гуманизм как ничтожный миф, наряду с христианством, апеллируя в том числе к работе Роберта Ардри о «территориальном императиве», акцентируя ту часть исследования, где человек рассматривается как обычное животное среди прочих видов [Gray, 2002, p. 4-5].

Катализатором мифотворчества (и любого мимесиса) на современном этапе является медиальность, как дополнительный атрибут дегуманизации, транслирующий мифологии посредством СМК. Как указывает Бодрийяр, особенность медиа в том, что они принципиально нетранзитивны (то есть, понятие «коммуникации», заложенное в названии СМК – это также симулякр, мифо-

логема сама по себе), ибо не допускают диалога творческого меньшинства с нетворческим большинством: «вся современная архитектура медиа основывается на следующем определении: они суть то, что запрещает ответ» [Бодрийяр, 2007, с. 238]. Таким образом, культура не предлагает иных условий для передачи искры творчества пассивному большинству, кроме как интенсификации миметической механичности, в рамках которой

аудитория должна механически следовать целям, находящимся вне каждого отдельного её участника.

Предложенная нами схема атрибутов дегуманизации отталкивается от первичного принципа анти-индивидуализма, но остается открытой для включения в неё новых элементов, в зависимости от особенностей области исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Николай. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 624 с.
2. Блок, Александр. Записные книжки: 1901-1920. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. — М.: Художественная литература, 1965. — 664 с. — С.454-455.
3. Блок, Александр. Крушение гуманизма // Блок, Александр. Собрание сочинений в 8 томах. Т.6. под общей ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. — М.: Художественная литература, 1962. — 558 с. — С.94-95.
4. Бодрийяр, Жан. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с. — С.238.
5. Кракауэр, Зигфрид. Орнамент массы: сб. эссе. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 92 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. / Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. — М.: Мысль, 2001. — 558 с.
7. Ортега-и-Гассет, Хосе. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет; пер. с исп. А. Гелескула. — М.: АСТ, 2017. — 256 с. — С.33
8. Ортега-и-Гассет, Хосе. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридендера; Сост. В.Е. Багно. — М.: Искусство, 1991. — 588 с.
9. Паперный М.В. Блок и Ницше // Ученые записки Тартуского государственного университета. — 1979. — №491. — XXXI. — С.84-106.
10. Полетаев, Евгений. Пунин, Николай. Против цивилизации / Евгений Полетаев, Николай Пунин; с предисл. А.В. Луначарского. — Петербург: 4-я Гос. тип., 1918. — 138 с.
11. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
12. Рыков А.В. Политика модернизма. Николай Пунин и Александр Блок. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского Университета — 2016. — №25 — С.177-184.
13. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. — М.: Политиздат, 1990. — 398 с. — С.323.
14. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с.
15. Тойнби А.Дж. Постыжение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
16. Фромм, Эрих. Бегство от свободы / Эрих Фромм; пер. с англ. А.В. Александровой. — М.: АСТ, 2018. — 288 с.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас; Пер. с нем. — 2-е изд., испр. — М.: Весь Мир, 2008. — 416 с.
18. Gray, John. Straw dogs: thoughts on humans and other animals. London, Granta Books, 2002. Pp.4-5.

© Ветров Дмитрий Николаевич (vetrov.interprete@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

Деревцова Елена Анатольевна

Преподаватель, соискатель, ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт культуры»
derevtzova@mail.ru

EFFECT OF ELECTRONIC MEDIA ON THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION

E. Derevtzova

Summary: The article discusses the features of the influence of electronic media on the socio-cultural space of the region. In the information society, electronic mass media, freed from circulation and distributors, were able to virtually unite an infinite number of readers and subscribers, as well as technically unlimited impact on the processes in the socio-cultural space. Against this background, in the Kemerovo region, as in Russia as a whole, the development of mechanisms that ensure the socio-cultural representation and maintenance of the system of norms and values does not follow regional, but rather global trends. The general desire of mass culture to integrate into the mainstream - the western cultural space, is less and less leading to conflicts with tradition, mentality, lifestyle and spiritual attitudes, which are already mainly adjusted to global cultural influences.

Keywords: mass media, socio-cultural environment, socio-cultural space.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности влияния электронных СМИ на социокультурное пространство региона. В информационном обществе электронные СМИ, освободившись от тиражей и распространителей, получили возможность виртуального объединения бесконечного числа читателей и подписчиков, а также технически неограниченного воздействия на процессы, идущие в социокультурном пространстве. На этом фоне в Кемеровской области, как и в России в целом, развитие механизмов, обеспечивающих социально-культурную репрезентацию и поддержание системы норм и ценностей, идет в русле не региональных, а скорее – глобальных тенденций. Общее стремление массовой культуры интегрироваться в мейнстрим – западное культурное пространство, все реже ведет к коллизиям с традицией, ментальностью, образом жизни и духовными установками, которые уже в основном скорректированы к глобальным культурным влияниям.

Ключевые слова: средства массовой информации, социокультурная среда, социокультурное пространство.

Социокультурное пространство как феномен культуры

Проблематика формирования социокультурного пространства в контексте влияния на него электронных СМИ стоит сегодня на повестке дня. Социокультурное пространство любого российского региона в условиях перехода к информационному обществу подвергается активному влиянию электронных средств массовой информации (далее – информационные СМИ), под которыми в соответствии с действующим законодательством и в контексте настоящей статьи понимаются: сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма или иная электронная (цифровая) форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). При этом *массовая информация* предназначена для неограниченного круга лиц и распространяется в виде текстовых, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов, предоставляемых в электронном (цифровом) виде[1].

Массовость информации оценивается не по её физико-технологическим параметрам (объемы информации), а по социологическим критериям – охвату значительных групп людей, в которых индивиды до определенной степени утрачивают индивидуальность, приобретая, в том

числе и под воздействием электронных СМИ, схожие чувства, интересы, запросы и побуждения.

Социокультурное пространство не ограничивается физическим, т.е. реальным пространством, так как это, прежде всего, пространственная среда конструируемая самим человеком, это физическое и ментальное выражение организации им своего и коллективного пространства, так как человек и его социальные связи формируют социокультурное пространство как специфическую пространственно-временную целостность[2, с.150].

Таким образом, социокультурное пространство выходит за пределы физических (географических) границ, так как представляет собой «конструируемую человеком пространственную среду», специфическое «физическое и ментальное выражение организации пространства человеком», без которого оно не существует. Именно человек и его социальные взаимодействия формируют социокультурное пространство в виде пространственно-временной целостности.

В рамках коммуникативной (включая и виртуальную составляющую) среды человек формирует социокультурное пространство места, города, региона, жители которых становятся носителями социальной и культурной жизни, на которую накладывает отпечаток этническая и

традиционно конфессиональная принадлежность, уровень образования, профессиональные занятия. В этом смысле Е.В. Орлова выводит смысловое наполнение анализируемого понятия из совокупности социальных и культурных особенностей, взаимодействующих на определенной территории[2, с.151].

Полагаем, более корректным вести речь не об особенностях (не отрицая их наличия), а о ценностях, среди которых доминирует традиционная система, в рамках которой наивысшей ценностью обладают жизнь, семья и порядок[3, с.96]. К ним в последние годы добавились признание самоценности независимости и свободы. Карьера не оказалась приоритетной жизненной ценностью. В этом смысле ценностный аспект имеет существенное значение и особенно значим с позиции социокультурного развития, как индивида, так и регионального сообщества и формирования их мировоззрения[4, с.5].

Социокультурное пространство региона формируется в коммуникативной среде, в которой значительную роль играют СМИ. При этом специфика и характер коммуникативных процессов определяют отличительные черты социокультуры региона.

Примечательно, как на одном из «круглых столов», прошедших в рамках конференции по социокультурной эволюции регионов России, участники, констатируя «недостаточность реализации социокультурного потенциала» российских регионов, вели речь о мировом кризисе, модернизации, образовании, демографии, семейном поведении, миграции, здравоохранении, инновациях, динамике гражданской активности в контексте социального самочувствия населения, проблемах управления регионами и даже о лесных пожарах[5, с. 140]. Таким образом, заявленная проблематика была расширена до степени утраты тематических рамок дискуссии, а значит и понимания дефиниции *социокультурное пространство*, которая помогает представить общество в единстве социальных и культурных аспектов.

Культура в данном случае является системой норм, ценностей и культурных феноменов, обеспечивающих единство действий социальных групп, объединяя общество. Единицами культурологического исследования здесь становятся сложившиеся типы социального взаимодействия, механизмы их репродукции[6].

Население российских регионов обладает значительным социальным, культурным и иным потенциалом, который слабо преобразуется в активно работающий капитал. Его ограниченное использование признается главной причиной сдерживания перехода к информационной, инновационной экономике и, соответственно, медленного роста качества жизни[5, с.141].

В то же время, насколько решение поставленных про-

блем зависит от состояния (развития) социокультурного пространства и его динамики? Из экономико-правовых исследований известно как институциональная среда воздействует на динамику перехода к инновационному обществу, что же касается влияния социокультурной динамики, то такое влияние остается неопределенным. В то же время, как институциональная, так и социокультурная среда формируются людьми, гражданами, властью, но при более активном участии СМИ.

Применительно к проблематике и контексту настоящей статьи смысловое наполнение *социокультурного пространства* прямо производно от исторических, природно-климатических, социально-экономических, религиозных и культурно-национальных особенностей, реализующихся в регионе. Исходя из этого, фило-софско-культурологический анализ *социокультурного пространства*, выявление его базовых и переменных системных характеристик следует основывать на локальных проявлениях, но в контексте национального и глобального культурного развития. В то же время, таких локальных проявлений остается все меньше.

Социокультурное пространство и региональные СМИ

С началом цифровой (информационной) глобализации региональные сообщества, порвав с традиционным «провинциализмом», стали демонстрировать относительно высокий и однонаправленный динамизм социокультурных изменений, производных от социально-экономической динамики, трансформации структуры потребностей, интересов, ценностей (по социальным группам), способов (реальных и виртуальных) социального взаимодействия. При этом поиск новых социокультурных образцов идет через переоценку «старых», или их «отмиранием» и появлением новых. Нарастающая изменчивость становится главным признаком современной социокультурной динамики в любом российском регионе.

Ход и направление изменений определяются влиянием внешних и внутренних факторов, главным из которых в информационном обществе становится (и признается) массовая информация, а главным социальным агентом становятся средства ее собирающие, обрабатывающие, продуцирующие и транслирующие, т.е. электронные СМИ. С их помощью передается не только и не просто информация (которая сегодня в «чистом» виде уже практически не существует), а оценки, суждения, эмоции, модели поведения и т.п. формирующие или трансформирующие картины мира и идентичности[7, с.9]. Таким образом, СМИ, с одной стороны, связывая воедино разрозненные культуры регионов России, демонстрируют и их различия. При этом общее стремление современной массовой культуры интегрироваться в мейнстрим – западное культурное пространство - ве-

дет к частым коллизиям с традицией, ментальностью, образом жизни и духовными установками, которые существенно корректируют способы и сроки адаптации к глобальным культурным влияниям.

Информационное пространство Кемеровской области насыщено электронными СМИ, которые можно условно поделить на группы. К информационным отнесем следующие сайты и порталы: Новости Кемеровской области (novostikuzbassa.ru), Тайга.info (tayga.info), Новости на a42.ru (news.a42.ru), Родной Новокузнецк (kuznya.info); gis42 — Городской Информационный Сайт (www.gis42.ru), «Кузбасс Сегодня» (kuzbass-today.ru), Бюро Экспресс-Новостей (express-news.ru), Информационно-новостной и деловой сайт Кузбасса (www.mediakuzbass.ru), Кемеровское отделение Сибирского Агентства Новостей (kem.sibnovosti.ru), Сейчас в Кузбассе, информационный портал Кемеровской области (zhkhlight.ru) и др. Значительную долю медиарынка и медиапространства занимают деловые сайты: Бизнес-портал Кузбасса (www.avant-partner.ru), Журнал Капитал (biz.a42.ru), Сибирский Деловой Портал (www.sibdero.ru), Кемеровская интернет-газета (кемерово-объявления.рф), Недвижимость. Регион 42 — журнал (www.nr42.ru), Стройка Кузбасс (1stroykuzbass.ru) и др. Активно работают специализированные молодежные, женские, профессиональные и хобби сайты: В кругу семьи (goodparents.ucoz.ru), Женский журнал «Клуб-Кемеровчанка.ru» (club-keмеровchanka.ru), Женский журнал Птица (bird.a42.ru), Кемеровский студенческий портал КГМО «Студмедиа» (studmedia.info), Молодёжный блог о Кемерово (ilovekem.ru) и др. Свои сайты имеют традиционные печатные издания: «Комсомольская правда» (www.kem.kp.ru) и др.

Все электронные СМИ, независимо от формы собственности, формально функционируют свободно, конкурируя друг с другом. Государство, в лице органов власти Кемеровской области, действуя в рамках Закона РФ «О СМИ», формально не вмешивается в редакционную политику частных и корпоративных СМИ, за исключением контроля за детским и подростковым контентом[8].

Черты влияния СМИ на реализацию социокультурных стандартов и норм

В России исторически сложилась ведущая роль государства (официальной идеологии и пропаганды) в формировании социокультурного пространства, ценностей и норм[9, с.181]. В этой связи нельзя не учитывать, что система политического управления, которая сформировалась в Кемеровской области с конца 1990-х годов, имела так называемую социально – авторитарную направленность[10]. В рейтинге региональной демократии Кемеровская область не поднималась выше 71-72 места[11]. Нарастание авторитарных тенденций не было региональной особенностью, а отражало общую ситуацию в российской политике, где в сравнении с 1990 го-

дами были радикально сужены практики электоральной демократии[12, с.363], при минимальном участии гражданского общества в социально-политических процессах[13, с.92]. В этой связи региональные СМИ отражали, прежде всего, официальную позицию региональной исполнительной власти, формируя (или пытаясь формировать) лояльность населения к проводимой политике. Именно этот подход формировал структуру и наполнение социокультурных стандартов. Здесь проявились две основные черты влияния СМИ на реализацию социокультурных стандартов и норм: первая – директивность административности и вторая – официозность.

Современные исследования показывают отсутствие корреляции между демократией в регионе и уровнем развития его экономики, равно как и уровнем жизни. В этом смысле их рост автоматически не обеспечивает демократии. Современные исследования показывают, что эти три сферы в России «в высокой степени автономны, существуют в параллельных мирах и пересекаются очень слабо»[11].

На этом фоне развитие механизмов, обеспечивающих социально-культурную репрезентацию и поддержание системы норм и ценностей, идет в русле не региональных, а скорее – глобальных тенденций. Так, с 2020 г. в Кемеровской области начата фактическая реализация регионального круглосуточного телевизионного цифрового канала в разрешении HD. Вещание приобрело современный формат (совокупность содержательных, адресных, стилистических и технологических элементов, обслуживающих концепцию вещательного канала[14, с.30]) не только технически. В данном случае проявился *глобализм*, как общая черта влияния СМИ на социокультурные ценности и нормы.

Планируется, что в сетке вещания нового кемеровского областного круглосуточного канала «Кузбасс - 1» будут преобладать «самые интересные фильмы, рейтинговые сериалы, концерты популярных звезд и спортивные матчи», а из местных материалов планируются новостные программы, а также «рецепты кузбасской кухни и знаковые места региона». Таким образом, ориентация на формирование специфических региональных социокультурных стандартов, пока не просматривается. Судя по плану вещания, преобладание стандартного современного контента преследует цель привлечения аудитории и, соответственно, рекламодателя[15, с.14]. В этой связи нетрудно прогнозировать на новом региональном канале высокую насыщенность рекламой.

В то же время, формат канала пока не вполне ясен. Предполагается реализовать на базе «Кузбасс 1 HD» интерактивные инструменты взаимодействия с аудиторией, которая будет участвовать в формировании контента, предоставляя «актуальную информацию», однако, концепции такого взаимодействия пока не представлено.

Будучи традиционными каналами (и формами) выражения общественного мнения, СМИ остаются и средствами массовой коммуникации. В то же время, российское общество, а соответственно и «россияне», «с трудом осваиваются с феноменами массового влияния, которые подобны западным «рекламно-рыночным» или «рекламнополитическим» образцам». Речь в данном случае идет об «извечной проблеме общественного человека»: как и в какой степени он может поддаваться влиянию (а нередко – и давлению) коммуникативных средств «массового поражения» [16, с. 24].

Современная теория массовых коммуникаций последние десятилетия исходит из опосредованности СМИ наших знаний о реальности, которая преподается (или «препарируется») в определенной медиальной интерпретации. Таким образом, реальность приобретает статус общественного события лишь через медиальное отображение [17, с. 59].

Для понимания влияния электронных СМИ на формирование социокультурных стандартов важна структура потребляемого населением цифрового контента. По данным исследования структуры такого потребления среди зрителей ТВ МТС [18] в 2019 г. абсолютно доминировали фильмы и сериалы, которые заняли до 45% общего просмотренного времени. Вторую позицию занял детский контент – 24%, третье – с 11% заняли развлекательные программы.

Зрители спутникового ТВ предпочитают новости и программы о бизнесе (36% трафика). На втором месте также оказались каналы для детей (21%) и документалистика (15%). В этом сегменте фильмы и сериалы заняли лишь четвертое место с 10% просмотренного времени, далее разместились: познавательные – 8% и спортивные передачи – 3%. Аудитория цифрового интерактивного телевидения в 2019 г. смотрела в основном спорт (20%) и познавательные программы (18%).

Очевидные различия связаны со структурой доступа к информации. Для тех, кто смотрит спутниковые передачи, телевидение остается основным источником информации, тогда как кабельное и цифровое интерактивное ТВ, предполагая интернет, эту функцию уже не выполняют, обеспечивая, в основном, развлекательный контент. Также опрос показал, что кабельное и спутниковое телевидение в Кузбассе принято смотреть семьей, тогда как цифровое интерактивное телевидение – более индивидуализировано.

Исследование показало рост в 2019 г. в совокупном объеме вещания доли местных и региональных каналов, которые в прежние годы имели не более 0,7% просмотренного времени. В 2019 г. их доля превысила 4,1%. В то же время, эксперты склонны объяснять это не столько ростом качества контента, сколько технологическими

причинами, а именно – отключением аналогового сигнала. В то же время это свидетельствует и о присутствии (о качественном росте вести речь преждевременно) черт регионализма.

В среднем, по данным трафика МТС среднестатистический зритель в 2019 г. тратил на просмотр телевидения 3 часа 51 минуту в день (+ 11 мин. к 2018 г.). При этом prime-time приходилось в будни – на 16:00 - 20:00, тогда как в выходные и праздники время равномерно распределялось в течение дня и вечера [19].

Цифровые и кабельные операторы, охватывая практически все население области, ведут свою деятельность в регионе в соответствии с условиями, которые созданы господствующими элитами и воспринимаются ими как объективные условия для реализации собственных коммерческих интересов. Задачи формирования социокультурных стандартов, как таковой, не существует, что вполне понятно в рамках либерально-буржуазной идеологии. В то же время, независимо от того, понимают ли они этот факт или нет, эти операторы так или иначе воздействуют на этот процесс своим контентом, формирующимся в основном исходя из задач максимального охвата населения рекламой. Такой подход не может не деформировать традиционно сложившиеся и «работающие» социокультурные нормы, подчиняя их не общественным, а иным интересам и целям.

Таким образом, в деятельности современных СМИ, оказывающих существенное влияние на социокультурное пространство региона, проявляется несколько основных черт.

1. Директивность и административность.
2. Официозность официальных и близких к ним СМИ.
3. Медиапространство Кузбасса неотъемлемая составная часть глобального медиапространства, поэтому в политике региональных СМИ не может не проявляться глобализм.
4. Работая в регионе, СМИ не могут не учитывать его особенности, историю, культуру, традиции, что отражается в регионализме.
5. Агрессивная реклама подавляет тот необходимый контент, который выражает культурно-исторические тенденции в регионе.
6. Абсолютное преобладание в сетке вещания развлекательного, спортивного и детского контента.

В заключении подчеркнем, что указанные черты есть результат особенностей вещания ТВ, радио и т.д., которые формируют типовую (усредненную) для России социокультурную среду общества потребления, в которой все сложнее улавливаются региональные особенности, и которая выражает культурно-исторические тенденции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 27.12.1991 №2124-1 (ред. от 02.12.2019) «О средствах массовой информации»// ВСНД и ВС РФ. 1992. №7. Ст. 300.
2. Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия// Манускрипт. 2017. №7 (81). С. 149-152.
3. Шабунова А.А., Гулин К.А., Ласточкина М.А. и др. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
4. Ласточкина М.А. Ценности населения в социокультурном пространстве региона//Universum: экономика и юриспруденция. 2015. №8 (19). С. 5.
5. Дергунова Н.В., Волков А.В., Светульников М.Г. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса// Социологические исследования. 2011. №7 (327). С. 140-141.
6. Ищенко Н.С. Социокультурное пространство как статическая характеристика социокультуры// <http://fki.lgaki.info/2017/11/20/>
7. Гуляев С.Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе: дисс. ...канд. социол. наук. 22.00.06. М., 2009. С. 9.
8. Об утверждении региональной программы «Обеспечение информационной безопасности детей, производства информационной продукции для детей и оборота информационной продукции в Кузбассе» на 2019-2020 годы. Распоряжение Правительства Кемеровской области № 662 от 29 октября 2019 г.// Электронный бюллетень Правительства кемеровской области – Кузбасса <http://www.zakon.kemobl.ru/bulletin/253767>
9. Григорьева Е.Б. Современный взгляд на исследование авторитарности в России// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3(19). С. 177-191.
10. Демократический аудит регионов. Проект Института «Общественная экспертиза», фонда «ИНДЕМ» и Аналитического центра «Меркатор» <http://www.freepress.ru/publish043.shtml>
11. Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru> (дата обращения: 26.05.2019)
12. Клименков М.А. Научно-экспертное сообщество и власть : опыт взаимодействия в регионе (на примере Кемеровской области)// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Вып. 19 №3. С. 360-365.
13. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. 2011. № 1. С. 80-96.
14. Мясникова М.А. Форматы и жанры как категории телевизионной морфологии// Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История. Филология. 2011. Вып. 10. №6. С. 29-35.
15. Бойченко И.В. Необходимость управления качеством услуг телевизионного контента с целью повышения степени удовлетворенности телезрителей// Т-Com: Телекоммуникации и транспорт. 2011. Т. 5 № 12. С. 14-15
16. Ивченков С.Г. Механизм воздействия СМИ на общественное мнение в регионе// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2008. Вып. 8. №2. С. 21-25.
17. Больц Н. Азбука медиа. пер. с нем. Л.Иониной и А.Черных. М.: Европа, 2011. 132 с.
18. Шарков Ф.И., Бузин В.Н. Интегрированные коммуникации. Массовые коммуникации и медиа планирование. Учебник / под общ. ред.Ф.И. Шаркова. М., С. 39-40.
19. Что смотрели кузбассовцы по телевизору в прошлом году// портал VSE42.ru. 2020. 29 января, <http://vse42.ru/news/31073616>

© Деревцова Елена Анатольевна (derevtzova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ¹

Чжан Хунли

Профессор, Цицикарский университет, КНР, Цицикар
zhanghongli8335@126.com

Хэ Цян

Профессор, Цицикарский университет, КНР, Цицикар
heqiang1969@163.com

CULTURAL CONSTRUCTION IN RURAL AREAS OF RUSSIA²

**Zhang Hongli
He Qiang**

Summary: The process of globalization has led to approximately common problems faced by people living in rural areas in many countries of the world. The key problems include, first of all, the search for activities that can bring real, permanent income and at the same time generate employment.

In this regard, it should be noted that in Russia, the rural economy can be called a single-industry economy, since agriculture is still the main sphere of employment in rural areas. The situation is further complicated by the low level of labor productivity in the industry. Some experts say that it is 8-10 times lower than in the most developed countries. The low level of labor productivity is due to insufficient investment and technological factors, as well as the underdevelopment of other areas of employment of rural residents.

The development of rural tourism and active cultural construction in rural areas of Russia will be able to turn the situation around.

Keywords: cultural construction, rural area, cultural heritage, houses of culture, historical memory.

Аннотация: Процесс глобализации привел к примерно общим проблемам, с которыми сталкиваются жители сельских поселений во многих странах мира. К ключевым проблемам следует отнести в первую очередь поиск той деятельности, которая сможет приносить реальный, постоянный доход и одновременно формировать занятость.

В этой связи, следует обратить внимание, что в России сельскую экономику можно назвать моноотраслевой, так как по-прежнему сельское хозяйство является основной сферой приложения труда на селе. Ситуация ещё больше осложнена низким уровнем производительности труда в отрасли. Некоторые эксперты утверждают, что она в 8-10 раз ниже по сравнению с наиболее развитыми странами. Низкий уровень производительности труда обусловлен как недостаточными инвестиционно-технологическими факторами, так и неразвитостью иных сфер приложения труда сельских жителей.

Развитие сельского туризма и активное культурное строительство в сельской местности России сможет переломить ситуацию.

Ключевые слова: культурное строительство, сельская местность, культурное наследие, дома культуры, историческая память.

Введение

Село – исторически сложившаяся, специфическая, социально-территориальная, поселенческая общность, возникшая вследствие отделения ремесла от земледелия, одна из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, отличающаяся от города малой концентрацией и небольшой численностью населения в пределах определенной территории. [6]

Особенностями села являются, во-первых, сниженная по сравнению с городом комфортность быта, во-вторых, неравномерность трудовой занятости, связанная с цикличностью сельскохозяйственных работ и необходимостью учитывать погодно-климатические условия, в-третьих, необходимость ведения приусадеб-

ного хозяйства; в-четвертых, меньшие возможности для образовательного и культурного развития.

Полностью убрать эти несоответствия не удалось даже в советский период, когда была запущена компания «по смычке города и деревне».

Сегодня эта ситуация разрешается посредством двух взаимодополняющихся, но не увязанных в единое целое процессов. Во-первых, современное культурное строительство новых домов культуры в рамках федерального проекта «Культурная среда» национального проекта «Культура», планируется к концу 2024 года построить, реконструировать или капитально отремонтировать 526 сельских культурно-досуговых объектов. Во-вторых, осуществление культурного строительства в рамках наполнения сельского туризма.

1 Работа выполнена при поддержке государственной фондовой комиссии по учебе за границей, при поддержке департамента образования провинции Хэйлунцзян (проект 135209521).

2 The work was carried out with the support of the state Foundation Commission for study abroad, with the support of the Department of education of Heilongjiang province (project 135209521).

В частности, Распоряжение от 7 марта 2019 года №366-р утверждено распределение 282,9 млн. рублей на строительство домов культуры в 11 субъектах Федерации. 16 новых домов культуры будут построены в республиках Адыгея, Алтай, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Чувашской республиках, Хабаровском крае, Архангельской, Астраханской, Воронежской, Курганской, Новгородской областях. [9]

Современное культурное строительство как наполнение объектов сельского туризма.

Фундамент культурного строительства

Россия обладает уникальными природно-климатическими и культурно-историческими особенностями, позволяющими развивать практически все популярные виды туризма, одним из которых является сельский туризм. Надо отметить, что развитию сельского туризма в России способствует ухудшение экологической, и психологической обстановки в крупных городах, городские жители стремятся отдыхать на экологически благоприятных территориях. Наблюдается возрождение интереса к элементам традиционной народной культуры: образцам народной архитектуры, кухни, ремеслам, фольклору, посещению российской глубинки как элемент ностальгии по крестьянской общности, стремление к расширению сферы общения.

В предпринимательской среде выросла конкуренция в традиционных сферах инвестиции на селе. Идет поиск новых сфер и объектов инвестирования в том числе и в культурное строительство.

Следует отметить, что базой для налаживания системы сельского туризма является формирование культурных объектов и/или культурное строительство в сельской местности. В результате регулярное посещение восстановленных или реконструированных, либо построенных заново культурных объектов, сможет решить и ряд социально-экономических задач. Во-первых, обустройство сельских территорий. Во-вторых, создание новых рабочих мест, как для женщин, так и для сельской молодежи. В-третьих, комплексное использование природных и культурных потенциалов сельских территорий. В-четвертых, начнёт способствовать повышению привлекательности проживания в сельской местности.

В сельской местности сосредоточены объекты историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Сельское население является хранителем традиционной культуры страны.

Село как социально-территориальная подсистема общества выполняет ряд важнейших общенациональных функций: прежде всего, демографическую, социального контроля над территорией, рекреационную и

агрорекреационную, социально-культурную, природоохранную, производственную, трудоресурсную, жилищную и пространственно-коммуникационную.

В рамках демографической функции осуществляется восполнения демографического потенциала страны, здорового поколения, растущего в экологически чистых местах сельской местности.

Социальный контроль над территорией выражается в организации содействия органам местного самоуправления, а также органам государственной власти в обеспечении общественного порядка и безопасности на малолюдных территориях и в поселениях.

Рекреационная и агрорекреационная функция обеспечена возможностью разместить в сельской местности учреждений отдыха, оздоровления и туризма, дач и садово-огородных участков горожан, другие формы отдыха на природе, предоставление в пользование рекреационным учреждениям и отдельным гражданам в период отдыха объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры.

Социально-культурная функция обеспечивает как сохранение и развитие традиционной культуры народов Российской Федерации, так и воспроизводство историко-культурных ценностей,

Природоохранная функция способствует обеспечению экологического равновесия как на территории района или региона, в котором располагается сельское поселение, так и всей территории страны, что создаёт предпосылки для не только восстановления и сохранения потенциала живой природы, но и его улучшения.

В рамках производственной функции происходит удовлетворение потребностей общества, прежде всего, в продовольствии, кроме этого сельская местность способна поставлять сырье для промышленности, а также заготавливать и поставлять продукцию охотничье-промыслового, рыбного лесного хозяйства и иной несельскохозяйственной продукции.

Трудоресурсная функция включает в себя обеспечение рабочей силой существующие рабочие места, обеспечивая тем самым местный миграционный поток между сельскими поселениями и городом, в котором они и сосредоточены. Сельские жители, в большинстве своём, занимают те ниши по занятию рабочих мест, которые не востребованы горожанами, тем самым трудоспособное сельское население, проживающее в пригородах, активно используется на городских предприятиях, оно же привлекается для работы на размещаемых в сельской местности городскими хозяйствующими субъектами предприятиях (филиалах);

Жилищная функция реализуется посредством размещения в экологически чистых сельских территориях жилых домов горожан, имеющих доходное занятие в городе, предоставление им в пользование объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры;

Пространственно-коммуникационная функция сельской местности может быть реализована посредством размещения и обслуживания дорог, линий электропередачи, связи, водопроводов и других инженерных коммуникаций;

Выполнение селом указанных функций – важнейшее условие успешного социально-экономического развития страны. Основой его развития может стать культурное строительство в сельской местности.

Объекты культурного наследия

В Ярославской области есть целые деревни, в которых все желающие могут получить мастер-класс по различным народным промыслам. В Псковской области большой популярностью пользуется деревня, где есть огромная баня вместимостью 30 человек. Иностранцы туристические группы заезжают сюда по дороге из Питера в Москву. По своей популярности этот туристический объект может конкурировать с национальными музеями.

Жители Углича активно создают различные частные музеи: кукол, водки, чайников — список предметов показа весьма разнообразен и количество таких музеев в городе уже более 30. Наверняка, подобную возможность имеет каждое село. Главное — позиционировать своё дело как туристический объект и проводить активное продвижение, привлекая потенциальных партнеров и клиентов. Доход будет зависеть от усилий и фантазии, ведь туризм — это продажа новых впечатлений и положительных эмоций.

Концепция устойчивого развития сельских территорий, принятая на федеральном уровне, стимулировала разработку и принятие аналогичной концепции регионального уровня. Концепция устойчивого развития сельских территорий Вологодской области на период до 2020 г. принята 31.01.2011 г. В развитие этой концепции в регионе разработана программа развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013-2020 гг. [8]

В июне 2012 г. в крае принята целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Хабаровского края на 2013-2020 годы», ориентированная на направления концепции ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года». В качестве регионального компонента усилены мероприятия по развитию сферы социально-бытового

обслуживания в сельской местности, информационно-консультационному обслуживанию жителей села, подготовке кадров [7].

Туризм в Калужской области – это важная часть индустрии развлечений и активного отдыха. При этом серьезным помощником в развитии туризма стала провинция. Для желающих отдохнуть на природе в самых живописных районах Калужской области работает множество гостевых домов.

Например, в Московской области на границе с Калужской областью разместился новый парк «Берендеево царство», на базе местного поселка начала развиваться сказочная инфраструктура, которая активно строится и сейчас. Уже введены в действие и работают на бесплатной основе Музей Сказок под открытым небом и Дворец царя Берендея. В ближайшее время достроят «Фермерскую слободу». Объект стилизован в русском стиле средневекового зодчества со своими башнями, торнами рядами, крепостной стеной и удобными столами для проведения застольного праздника.

Скоро примет в свои ряды Парк для молодоженов, в котором можно провести старинный обряд венчания, интерактив для влюбленных и окунуться в тот самобытный мир, которым напоен каждый уголок этого замечательного места.

Уникальным заведением, выросшим на базе местного поселения в глубине Ярославской области, является историко-культурный объект «Русский парк», в котором удалось сохранить наследие русского народа за период XIX–XX столетия. Открытие состоялось в 2014 году и с этого момента не прекращается активный поток любителей русской старины, так как здесь представлены образцы культурного опыта, которые будут интересны взрослым и детям. В центре в Переславле-Залесском собрано более 1000 объектов, отражающих русскую культуру [5]. Они собраны в уличных экспозициях, музеях, на интерактивных площадках.

Перспективы развития культурного строительства в сельской местности

Развитие сельской местности нашей страны еще раз доказывает необходимость изучения свойств территории и их учета при принятии управленческих решений. Нельзя управлять сельской местностью из какого-либо центра (страны, республики, области, района) без учета территориальных различий: то, что хорошо на юге - вредно на севере, что необходимо в пригороде - бесполезно в глубинке [4], а также нельзя управлять каким-либо одним компонентом сельской местности, будь то земельные угодья, население, техническая оснащенность, без учета сложных взаимосвязей между ее компонентами. В этой связи, культурное строительство в полной мере

может стать тем локомотивом, тем связующим звеном, которое потянет за собой и объединит все элементы сельских поселений.

Из этого вытекают три основные практические задачи культурного строительства в сельской местности. Во-первых, необходимо развивать и совершенствовать методы типологии и районирования сельской местности для различных целей и увязывать их в единый туристско-рекреационный комплекс всего региона, кооперировав местное культурное строительство в единую перспективную программу развития региона и формирования целевого маршрута, в конкретную сельскую местность. Во-вторых, на более высокий уровень следует поставить налаживание взаимосвязей между соседними сельскими поселениями и формирование на этой базе целевого кластера, представляющего из себя целостное образование, способное создать предпосылки для системного развития всех его элементов. И в-третьих, необходимо как новые так и уже известные знания о сельской местности и выстроенных культурных объектах сделать частью общественного сознания с тем, чтобы сохранялась и восстанавливалась утраченная самобытность конкретного места, способные учитывать местные различия и находить то единое, что объединяет не только каждого местного жителя, но и любого посетителя. Поэтому участие населения в выработке и принятии решений, касающихся жизни своего района, развитие самоуправления и в целом демократизация общественной жизни - важнейшие предпосылки успешного развития сельской местности нашей страны. [3]

Заключение

Проводимые в агропромышленном комплексе России с 90-х годов социально-экономические реформы, резкое сокращение государственного финансирования АПК, медленное становление органов местного самоуправления привели к изменениям в социальной структуре сельского общества и оказали в целом негативное влияние на социальное развитие села, уровень и качество жизни большинства сельского населения. Качество и благополучие жизни крестьян, их социальные условия жизни резко отличаются от качества жизни людей в городских условиях.

При этом со стороны правительственных кругов уже делаются определенные шаги, направленные на создание объектов культуры в сельской местности, о чем свидетельствует финансирование федерального проекта «Культурная среда» национального проекта «Культура» рассчитанного до 2024 года. Отрадно отметить, что и со стороны бизнес сообщества шаги в аналогичном, но окупаемом варианте делаются и создаются культурные объекты, наполненные местным колоритом и вовлеченные в единую туристскую инфраструктуру конкретного региона.

Таким образом, культурное строительство в сельской местности на территории различных регионов страны ведется с существенно большей активностью, чем это было скажем в предыдущее десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства области от 31 января 2011 года №57 «О Концепции устойчивого развития сельских территорий Вологодской области на период до 2020 года». // Информационно-справочная система КонсультантПлюс
2. Устойчивое развитие сельских территорий Хабаровского края на 2013-2020 годы. // Информационно-справочная система КонсультантПлюс
3. Андреева Н.П. Методические рекомендации по созданию в субъектах Российской Федерации объектов казачьего агротуризма с использованием отечественного и зарубежного опыта, М., Росинформагротех, 2014. – 246 с.
4. Бурмистрова А.А., Родионова Н.К., Кондрашова И.С. Социально-экономические проблемы развития сельских территорий и пути их решения // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. - № 4., С. 12 – 16.
5. Материалы сайта https://tonkosti.ru/Русский_парк_в_Переславле-Залесском
6. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М.: Минсельхоз России, ГНУ ВНИИЭСХ, ФГНУ «Росинформагротех», 2013. – 114 с.
7. Постановление Правительства Хабаровского края от 07.07.2014 № 210-пр «О мерах по реализации на территории Хабаровского края мероприятий федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года». // Информационно-справочная система КонсультантПлюс
8. Концепция устойчивого развития сельских территорий Вологодской области на период до 2020. // Информационно-справочная система КонсультантПлюс
9. Распоряжение от 7 марта 2019 года №366-р. // Информационно-справочная система КонсультантПлюс

© Чжан Хунли (zhanghongli8335@126.com), Хэ Цян (heqiang1969@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДИСТАНЦИОННОМ ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

PSYCHOLOGY-PEDAGOGICAL
PROBLEMS OF USING INTERACTIVE
TECHNOLOGIES IN DISTANCE TEACHING
OF PSYCHOLOGICAL DISCIPLINES
TO STUDENTS OF A PEDAGOGICAL
UNIVERSITY

*M. Akopova
D. Fursova*

Summary: The article presents a theoretical analysis of the problem of organizing «mass» distance education, and considers the possibilities of using interactive teaching methods. The paper considers the features of interaction between teachers and students in the system of distance education. The article defines the main difficulties in conducting online lectures and the specifics of remote work in the organization of active «cloud» practical classes. The authors offer an analysis of their experience in using interactive technologies in conducting distance learning sessions in psychological disciplines.

Keywords: distance education, interactive teaching methods, online lectures, seminar, psychological disciplines.

Акопова Милена Аванесовна

*К.псх.н., доцент, филиал ГБОУ ВО «Ставропольский
государственный педагогический институт»
в г. Буденновске
milena-ako@mail.ru*

Фурсова Диляра Викторовна

*К.псх.н., доцент, филиал ГБОУ ВО «Ставропольский
государственный педагогический институт»
в г. Буденновске
dilyarafursova@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен теоретический анализ проблемы организации «массового» дистанционного образования, рассмотрены возможности использования интерактивных методов обучения. В работе рассмотрены особенности взаимодействия преподавателей и студентов в системе дистанционного образования; определены основные трудности при проведении онлайн-лекций; специфика удаленной работы при организации активных «облачных» практических занятий. Авторы предлагают (на основе имеющегося опыта) некоторые варианты применения интерактивных технологий при проведении дистанционных учебных занятий по психологическим дисциплинам.

Ключевые слова: дистанционное образование, интерактивные методы обучения, онлайн-лекции, практические занятия, психологические дисциплины.

Проблемы дистанционного образования стали разрабатываться в России в конце 90-х гг. XX века, что связано с проведением эксперимента в области дистанционного образования, регулируемого Министерством образования России. К концу нулевых годов технологии дистанционного образования были внедрены всеми крупными вузами страны, что было связано в первую очередь с повышенным спросом населения, желающего получить образование, но не имеющего возможности сделать это в других формах. В целом за последнее десятилетие интерес к дистанционному образованию обусловил активное внедрение его элементов (например, в виде дистанционной поддержки обучения) подавляющим большинством вузов, оставаясь, все же на вторых ролях по сравнению с очным обучением [1].

Однако в связи с известными событиями, приведшим к обязательной самоизоляции граждан все учебные заведения (реализующих, как высшее, так и среднее профессиональное образование) вынуждены были перейти

на дистанционный режим обучения, что привело к целому ряду проблем (например, моральной неготовности преподавателей, особенно старшего поколения, к проведению занятий в онлайн-формате или невозможности проведения в данной форме практических занятий по циклам дисциплин спортивного или творческого характера).

В данной работе мы остановимся на тех проблемах, которые возникали у наших преподавателей при проведении дистанционного обучения по психологическим дисциплинам, а также на тех решениях, которые применялись нами.

Дистанционное обучение – это система взаимодействия субъектов образовательного процесса посредством информационно-образовательной среды, позволяющей обмениваться учебной информацией на расстоянии. Основной целью дистанционного обучения является расширение возможностей для получения об-

разования студентами и удовлетворение их образовательных потребностей за счет активного использования научного и методического потенциала профессорско-преподавательского состава [2, с. 196]. В нашем учебном заведении дистанционная поддержка учебного процесса осуществляется в электронной информационно-образовательной среде на базе платформы moodle, где на каждый преподаваемый курс представлен лекционный материал, практические и тестовые задания, а также материалы методического характера (по усмотрению преподавателя, ведущего курс). Кроме того нашим студентам обеспечен доступ к основным электронно-библиотечным и справочно-правовым системам. Однако на период самоизоляции для проведения занятий по решению администрации нами были дополнительно использованы облачные технологии для проведения практических занятий (с обязательным учетом выполнения заданий студентами в рейтинг-листах в день проведения контрольных мероприятий), а также мультимедийные средства портала eTutorium для проведения онлайн-лекций (в виде вебинаров). Данная организация обучения позволила предупредить многие трудности удаленного обучения студентов, но определила ряд требований к преподавателям, ведущим занятия в дистанционном режиме.

Психологические дисциплины имеют свою специфику. Являясь гуманитарной наукой, психология включает в себя естественнонаучные знания (например, при изучении дисциплины «Психофизиология»). Получение психологических знаний позволяет студентам с одной стороны лучше понять себя, свои личностные особенности (мотивы, направленность, индивидуально-типологические особенности), с другой стороны преподавателю необходимо сформировать у студентов умение использовать полученные знания для взаимодействия с другими людьми (что приобретает особую важность при обучении будущих педагогов). Знание психологии может помочь будущему педагогу не только в выстраивании своих межличностных отношений, но и в будущей профессиональной деятельности как для понимания собственных изменений (например, профессиональных деформаций), так и для лучшего понимания субъектов взаимодействия (например, мотивации или психических состояний учащихся).

При изучении психологических дисциплин студенту (как носителю психики, то есть как объекту психологического изучения) сложно избежать сравнений и проведения аналогий с самим собой. О.В. Лобза, В.О. Короткова, рассматривая инновационные технологии преподавания психологии сравнивают процесс изучения с обучением хирурга, который учится делать операцию самому себе. Данное сравнение является немного утрированным, но стоит отметить важность сопровождения преподавателем изучения психологических дисциплин.

Перед преподавателем стоит задача вызвать интерес, а не сопротивление к психологической науке; раскрыть возможности реализации психологических знаний в выбранной профессиональной деятельности и дать возможность применить полученные знания в процессе обучения [3, с. 116]. Все это требует применения интерактивных методов обучения, что в условиях дистанционного образования несколько затруднено и требует особой организации работы преподавателя и студентов.

Главное в интерактивном обучении – активность студентов (физическая, социальная и познавательная), то есть взаимодействие обучающихся между собой и преподавателем, что позволяет создать условия для взаимообучения и коллективной мыследеятельности [4]. Ситуация дистанционного обучения подразумевает существенную физическую и психологическую отдаленность субъектов образовательного процесса друг от друга. Это сказывается на восприятии обучения каждым из его участников, а также на его эффективности в целом. Начнем наш обзор возможностей применения интерактивных технологий с проведения онлайн-лекций.

В психолого-педагогической литературе вы можете найти ряд требований к лекциям, проводимым в любом формате, а именно: научность и информативность; доказательность и аргументированность; наличие ярких примеров и фактов; эмоциональность; постановка вопросов для размышлений; четкая структура и логика изложения; подчеркивание выводов; изложение ясным языком; использование аудиовизуальных материалов [например, 5]. Однако зачастую (по отзывам студентов) преподаватели (даже при очном взаимодействии) нарушают даже эти стандартные требования или пренебрегают отдельными критериями в пользу других (один из частых примеров: показ научно-популярных фильмов на занятиях по психологии, что может, конечно, вызвать эмоциональный отклик у студентов, но вряд ли соответствует ряду других критериев, например, научности).

В ситуации онлайн-лекций у преподавателей возникает больше проблем со стимулированием интереса слушателей, а также отслеживанием реакций студентов на излагаемый материал. В ситуации очного общения преподаватели имеют возможность оценить студентов не только в плане имеющихся у них знаний, но и определить личностные особенности студента. В ситуации дистанционного обучения на лекции преподаватель имеет дело не столько с самим студентом, сколько с текстом его сообщения, содержащего в лучшем случае вопрос или уточнение. По сути, преподавать в условиях очного и дистанционного образования значит взаимодействовать с разными объектами (с живыми реакциями студента – при очном обучении, и с собственными проекциями и текстами – при дистанционном) [6].

Онлайн-лекция с точки зрения студента также имеет как преимущества (например, отсутствие такого отвлекающего фактора, как аудитория), так и свои недостатки (отсутствие прямого контакта с лектором). Эти особенности многократно резонируются, когда мы говорим о преподавании психологических дисциплин. Получение высшего образования вообще, и педагогической профессии, в частности – это обретение ценностей, формирование определенного мировоззрения. А лекция – это не столько способ передачи фактических знаний (которые в условиях современного информационного общества студент может приобрести не только от преподавателя), но средство формирования общих ценностно-смысловых ориентиров (особенно когда речь идет о психологических дисциплинах). А в условиях дистанционного обучения отсутствует возможность полноценного диспута, в котором и происходит переоценка позиций студента (а иногда и преподавателя).

Дистанционное образование в плане передачи знаний от преподавателя обуславливает ряд расхождений между ожиданиями студента и реальностью. Так, студент ожидает, что предоставленный ему учебный материал будет понятен, в реальности он, вполне вероятно, получит нечто иное: учебные тексты написаны сухо и, быть может, ничего общего не имеют с точкой зрения преподавателя, так как заимствованы из учебников. Вместо «реальной» коммуникации студент получает взаимодействие с «говорящей головой» [6].

С учетом перечисленных особенностей, которые с одной стороны определяют необходимость применения интерактивных технологий, а с другой стороны определяют сложности для применения большинства из них, мы, исходя из результатов нашей работы, можем дать следующие рекомендации по организации активного взаимодействия студентов при проведении онлайн-лекций:

- преподавателю необходимо постоянно поддерживать контакт с аудиторией, поощрять вопросы от слушателей, уточнять, есть ли звук, если возникают помехи, проверять чат на наличие новых сообщений. Эти простые приемы позволяют преподавателю получать обратную связь от слушателей лекции и отслеживать их реакцию на обсуждаемые вопросы;
- в силу изолированности студентов друг от друга, которая вызвана спецификой дистанционного образования, где каждый студент изучает материал самостоятельно в своем собственном режиме можно предложить студентам в период чтения лекции актуализировать имеющиеся у них знания посредством вопросов, небольших тестов, анализа конкретных ситуаций. Кроме того, используя онлайн-лекцию как средство связи со студентами, преподаватель может посвятить несколько минут

анализу выполненных практических работ, разбору типичных ошибок, объяснению наиболее важных вопросов, возникающих у студентов при выполнении заданий;

- рекомендуется также использовать при чтении лекции опытов, экспериментов, наглядного материала. Например, при объяснении студентам темы по диагностике эмоционального выгорания (дисциплина «Профилактика профессионального выгорания педагога»), мы предлагаем на слайде студентам одну из картинок теста тематической апперцепции Хеккаузена и просим их подумать и ответить на стандартные вопросы данной методики (что происходит и кто эти люди; как возникла эта ситуация, что произошло перед этим; что думает каждый изображенный на картинке человек, чего каждый из них хочет; что произойдет дальше, чем все закончится) или даже просто поделиться общим впечатлением от изображенного. А затем, получив ответы студентов, акцентируем их внимание на разницу в восприятии одной и той же картинки. Это позволит нам без лишних объяснений дать студентам четкое представление о механизме проекции, о сути самой методики и параллельно показать роль снижения профессиональной мотивации при возникновении эмоционального выгорания;
- предложить студентам вспомнить примеры, демонстрирующие тот или иной процесс из их личного опыта. Например, при объяснении феномена послепроизвольного внимания, можем предложить студентам вспомнить случаи, когда они вначале заставляли себя заниматься какой-либо деятельностью, а затем увлеклись ею и отписаться кратко в чате (кто-то вспомнит, как читал «Войну и мир», кто-то как занимался уборкой, кто-то не отпишется, но возьмет на заметку наблюдения своих одноклассников).

При проведении дистанционных практических занятий также можно отметить ряд моментов, препятствующих интерактивному обучению. У самих студентов достаточно часто снижена мотивация выполнения практических работ (прокрастинация, демотивация, непонимание материала, отсроченность в оценивании работы), что также демотивирует преподавателя [7]. Основной трудностью в условиях дистанционного обучения является, то, что в связи с лёгкостью получения информации в Интернете практическое занятие может превратиться из активной в репродуктивную форму обучения. В условиях дистанционного обучения преподаватель должен подготовить для студентов задания, которые заставят его не только изучить предлагаемый лекционный и дополнительный материал и систематизировать его (например, одним из стандартных заданий, показывающих насколько студент усвоил основной материал – состав-

вить схему или таблицу по теме), не только заставить студентов включить процессы осмысления и практического применения изученного материала, но и позволят преподавателю проверить уровень освоения материала.

Данная проблема, конечно, не является новой и достаточно широко представлена, в том числе в современных научных публикациях. Например, Е.Ю. Гайдученко считает, что в условиях дистанционного образования можно создавать интерактивные материалы и различные маршруты, которые позволят направлять процесс обучения в зависимости от подготовки студента — то есть персонифицировать обучение в рамках одного потока или группы. А именно — предоставлять доступ к группе материалов на основе заданных критериев (по определенным ответам на вопросы, набранным баллам и т. д.) и дифференцировать этот доступ [7, с. 48]. Некоторые авторы высоко оценивают такую активную форму работы как семинар Moodle, где обучающиеся цикла выполняют собственную работу, а также выступают в роли рецензентов, оценивая результаты своих коллег. Итоговая оценка модуля «Семинар» учитывает и качество собственных работ обучающихся, и деятельность обучающихся в роли рецензентов [например, 8].

Опираясь на опыт других педагогов [9; 10] и с учетом специфики применения облачных технологий, нами использовались следующие методы интерактивного обучения для повышения качества проведения дистанционных практических занятий.

Применение метода проектов, который при очной форме обучения чаще используется в организации самостоятельной работы студентов, в условиях дистанционного обучения может помочь преподавателю организовать взаимодействие между разными по успеваемости студентами с конкретным практическим результатом. Например, мы, разбив группу студентов на несколько подгрупп, предлагали им разработать, опираясь на разные подходы (феноменологический, герменевтический, конструктивистский), программу психолого-педагогического исследования (дисциплина «Качественные количественные методы психологических и педагогических исследований») или составить профессиограмму педагогов разных направлений по предлагаемой схеме (дисциплина «Психофизиология профессиональной деятельности») При этом обязательным условием является приложение к проекту скриншотов переписки студентов (она велась как правило в соц.сетях или в мессенджерах). Эта аналитическая работа включает в себя несколько этапов, которые позволяют улучшить навыки логического мышления, максимально раскрывают творческие возможности студентов и стимулируют их к научно-исследовательской работе.

Применение кейс-методов или решение ситуацион-

ных задач позволяет стимулировать активность студентов. Мы предлагаем студентам небольшую ситуацию и сопровождающий вопрос. Например, при изучении дисциплины «Инклюзивное образование» студентам предлагается ситуация: «Ученица К. была зачислена в третий класс общеобразовательной школы. После комплексной оценки развития ребенка были определены особые образовательные потребности - трудности в обучении, языковые расстройства. С нею занимался вспомогательный педагогический персонал. В начале она была очень тихой, не общалась ни с кем, боялась толпы, боялась больших и просторных помещений в школе. Постепенно она начала улыбаться, отвечать на приветствия, позже сама первой начала здороваться. В течение нескольких лет учителя, школьный психолог, вспомогательный педагогический персонал много работали с ней. Определите пути помощи учителя и психолога данному ребенку». В условиях дистанционного обучения мы просили студентов вначале предложить свои варианты решения. Затем преподаватель сводил все ответы студентов в один файл и просил студентов оценить по критериям эффективности и оригинальности предлагаемые их одноклассниками варианты решения.

На очных практических занятиях мы часто используем тренинг как метод интерактивного обучения психологическим дисциплинам. Конечно, в условиях дистанционного обучения использование данного метода несколько затруднено, но не невозможно. Так, при изучении дисциплины «Социальная психология» в рамках практических занятий мы предлагали студентам сделать самостоятельно отдельные тренинговые упражнения (например, при изучении темы «Межличностные отношения» студентам предлагалось упражнение «Список претензий», а при изучении темы «Конфликтологическая культура» предлагалось упражнение «Детские конфликты»). Студенты должны были выполнить упражнение, а затем обсудить его с партнером (для выполнения этого задания студенты разбивались на пары). В качестве отчета мы просили представить небольшой рефлексивный анализ своих результатов в сравнении с результатами одноклассника-партнера. Данный метод позволяет выработать у студентов важные навыки взаимодействия и рефлексии.

Таким образом, можно сделать ряд выводов о работе педагога в условиях дистанционного обучения. В этой области существует ряд актуальных проблем, которые необходимо решать для поднятия его качества (проводить исследования в области применения информационных технологий, изучать влияние дистанционного обучения на преподавателей и студентов, находить новые возможности для активизации всех участников образовательного процесса). Однако в целом можно отметить, что каждый преподаватель может наполнить дистанционное образование особым содержанием, которое по-

зволит развить у студентов все необходимые компетенции. В нашем исследовании дан небольшой обзор опыта применения интерактивных технологий на лекциях и практических занятиях в условиях дистанционного об-

учения психологическим дисциплинам, который позволяет заключить, что в любых условиях можно выйти за рамки традиционных форм обучения, опираясь на креативность преподавателя и мотивацию студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пьянников М.М. К вопросу об истории дистанционного образования // Педагогика и психология. 2011. № 5. С. 119- 123.
2. Кульбах О.С., Заварзнина Н.Ю., Зинкевич Е.Р. Опыт применения технологии дистанционного обучения на факультете клинической психологии // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 196 - 200.
3. Лобза О.В., Короткова В.О. Инновационные технологии преподавания психологии для студентов непрофильных специальностей // Педагогическое образование и наука. 2018. № 2. с. 115- 119.
4. Добрынина Т.Н. Интерактивная форма семинарских занятий в высшей школе // Педагогическое образование и наука. 2009. №8. С. 70 -75
5. Вузовская лекция. / Сост. В.С. Зайцев. Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А.Миллера», 2018. 43 с.
6. Лифшиц М.В. Особенности межличностной коммуникации студента и преподавателя в ситуации дистанционного обучения // Дистанционные технологии в профессиональном психологическом образовании, психологии и психоанализе. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, проведенной в ЧОУВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа» 19.11.2019 г. / Под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: ВЕИП, 2020. С. 22-28
7. Гайдученко Е.Ю. Разработка и ведение дистанционного курса: типичные трудности и их преодоление с позиции преподавателя // Дистанционные технологии в профессиональном психологическом образовании, психологии и психоанализе. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, проведенной в ЧОУВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа» 19.11.2019 г. / Под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: ВЕИП, 2020. С. 46-51
8. Кравченко Г.В., Волженина Н.В. Работа в системе Moodle: руководство пользователя. Учебное пособие. URL: http://phys.bspu.by/newmoodle/pluginfile.php/806/mod_resource/content/2/Пособие_Moodle.pdf (дата обращения: 17.04.2020).
9. Цыплёнок И.В. Интерактивное обучение с использованием информационных технологий: интерактивные методы на лекционных и практических занятиях (семинарах) // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2016. Спецвыпуск №2. URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-2/31-spets02/449-00198> (дата обращения: 17.04.2020).
10. Зубов В.Е. Методические вопросы организации и проведения электронных семинаров в дистанционном обучении // Философия образования. 2011. № 6 (39). С. 315-322.

© Аколова Милена Аванесовна (milena-ako@mail.ru), Фурсова Диляра Викторовна (dilyarafursova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ДИАГНОСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА

EMOTIONAL BURNOUT OF EMPLOYEES IN A MODERN ORGANIZATION: DIAGNOSTICS AND PREVENTION

E. Akhmetgalieva

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of emotional burnout of employees of a modern organization. The article considers the key tools for identifying the burnout syndrome, describes its characteristic signs and symptoms, and offers modern methods for preventing and overcoming the above-mentioned syndrome.

The main method used in writing the article is a review; special attention is paid to the development of ideas of foreign and domestic scientists about the nature of emotional burnout.

As a result of writing the article, it was determined that emotional burnout has negative consequences both for employees, manifested in the deterioration of their physical health, reduced motivation to work, and for organizations, contributing to an increase in staff turnover, reducing labor productivity. The main tools for diagnosing and detecting emotional burnout are combined surveys and interviews, which can be used to assess the severity of the syndrome. Based on the study of the factors of emotional burnout, it is established that the development of this syndrome is influenced by both intrapersonal and organizational aspects. Prevention of emotional burnout involves both purely individual work, and a set of organizational measures related to the optimization of labor processes, the development of staff training programs, and the introduction of psychological support practices. A modern trend is the formation of Wellbeing programs.

Keywords: emotional burnout, professional deformation, prevention, diagnosis, symptoms, staff, employees.

Ахметгалиева Эльвира Ильшатовна

Российский экономический университет

им. Г.В. Плеханова

elviraahmetgalieva@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена эмоционального выгорания сотрудников современной организации. В материале рассмотрены ключевые инструменты выявления синдрома эмоционального выгорания, описаны его характерные признаки и симптомы, а также предложены современные методы профилактики и преодоления вышеназванного синдрома.

Основным методом, используемым при написании статьи, является обзор; особое внимание уделяется развитию представлений зарубежных и отечественных ученых о природе эмоционального выгорания.

В результате написания статьи было определено, что эмоциональное выгорание влечет негативные последствия как для сотрудников, проявляясь в ухудшении их физического здоровья, снижения мотивации к трудовой деятельности, так и для организаций, способствуя росту текучести персонала, сокращению производительности труда. Основными инструментами диагностики и выявления эмоционального выгорания являются комбинированные опросы и интервью, с помощью которых возможна оценка степени выраженности синдрома. На основе изучения факторов возникновения эмоционального выгорания установлено, что на развитие данного синдрома оказывают внимание как внутриличностные, так и организационными аспекты. Профилактика эмоционального выгорания подразумевает как сугубо индивидуальную работу, так и комплекс организационных мер, связанных с оптимизацией трудовых процессов, развитием программ обучения персонала, внедрением практик психологической поддержки. Современным трендом является формирование Wellbeing-программ.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональная деформация, профилактика, диагностика, симптомы, персонал, сотрудники.

Значимость персонала как ресурса развития и достижения экономической стабильности компании очевидна. Современный подход к управлению человеческими ресурсами позволяет учитывать социально-психологические аспекты деятельности и подразумевает концентрацию на таких вопросах, как развитие трудового потенциала, повышение вовлеченности сотрудников, развитие корпоративной культуры, формирование системы корпоративной социальной ответственности работодателя по отношению к персоналу.

Актуальность темы данной работы заключается в том, что в современных динамично изменяющихся условиях постоянно повышаются требования по отношению к компетенциям сотрудников, возрастает нагрузка и на их психоэмоциональную сферу. В связи с этим возрос на-

учный и практический интерес к проблеме эмоционального выгорания сотрудников.

Термин «эмоциональное выгорание» был впервые использован американским психологом Х.Дж. Фройденбергером (1974), который ввел данное понятие в обиход для характеристики психологического состояния профессионалов, находящихся, в связи со спецификой своей деятельности, в постоянном и интенсивном взаимодействии с людьми, подвергаясь эмоциональному перенапряжению. Эмоциональное выгорание неформально называлось «платой за сочувствие», поскольку наиболее часто оно возникало у врачей, полицейских, учителей [8].

Дальнейшие исследования позволили значительно

расширить понимание синдрома эмоционального выгорания.

А. Пайнс и А. Аронсон (1988) отметили, что эмоциональное выгорание как состояние когнитивного и физического истощения вызывается длительным пребыванием в «эмоционально перегруженных» ситуациях, выдвинув предположение, что эмоциональному выгоранию подвержены представители абсолютно разных, а не только социальных, профессий [4].

Важный вклад в понимание специфики эмоционального выгорания внесла К. Маслач, разработав при участии С. Джексона трехфакторную модель синдрома эмоционального выгорания. Ученые выделили три проявления выгорания: эмоциональное истощение (сниженный эмоциональный фон), деперсонализация (заметные деформации в отношениях с другими людьми, негативизм) и редукция профессиональных достижений (тенденция к негативной оценке личных качеств и достижений).

Отечественный исследователь В.В. Бойко предложил теорию о том, что эмоциональное выгорание представляет собой механизм психологической защиты, проявляющейся в полном или частичном отвержении эмоций в ответ на травмирующее воздействие, и впоследствии создал и апробировал методику диагностики степени выраженности синдрома эмоционального выгорания [1].

Синдром эмоционального выгорания проявляется в целом комплексе физиологических и эмоциональных симптомов. Работники начинают испытывать проблемы со здоровьем, у них нарушается сон, проявляются изменения аппетита. Постоянное чувство усталости негативно сказывается на работоспособности; нарушения сна влекут за собой снижение внимательности и, как следствие, повышение частоты ошибок в выполнении профессиональных задач. Впоследствии у сотрудника возникают негативные установки к рабочим обязанностям, а также к коллективу.

В трудах В.Е. Орел также описаны влияние эмоционального выгорания сотрудников на показатели деятельности организации:

- текучесть кадров;
- нарастание враждебности среди сотрудников, и, как следствие, возникновение конфликтов;
- неудовлетворенность трудовой деятельностью;
- сокращение производительности труда;
- снижение инициативности у сотрудников [3].

Что касается причин возникновения эмоционального выгорания, то можно выделить несколько групп факторов, а именно: внутриличностных и организационных

К личностным факторам можно отнести склад характера человека; его психотип; темперамент; уровень развития эмоционального интеллекта. Стрессоустойчивость и реакция сотрудника на стресс-факторы и раздражители также оказывает прямое влияние на подверженность эмоциональному выгоранию. Можно отметить также такой фактор, как локус контроля. Сотрудники с интернальным локусом контроля склонны к самоанализу, саморефлексии; они более уравновешены и коммуникабельны. Сотрудники с экстернальным локусом, напротив, неуверенны в себе, тревожны; склонны откладывать принятие важных решений на неопределенный срок. Экстерналы в большей степени подвержены возникновению эмоционального выгорания.

Организационные факторы характеризуют условия рабочей среды, содержание работы, социально-психологический климат в коллективе. К организационным составляющим, приводящим к возникновению эмоционального выгорания, можно отнести:

1. Ненормированный рабочий график, регулярные переработки в условиях, требующих высокой производительности;
2. Ролевые конфликты и ролевую неопределенность, возникающие в результате непрозрачного и неравномерного распределения задач между исполнителями рабочего процесса.
3. Отсутствие адекватной оценки со стороны руководства;
4. Монотонность и рутинность работы;
5. Физическое изнеможение, отсутствие возможностей для отдыха;
6. Отсутствие перспектив дальнейшего личностного и карьерного роста;
7. Неграмотно выстроенная система адаптации и наставничества в организации;
8. Эмоционально и когнитивно сложные коммуникации.

Важность своевременной диагностики и профилактики выгорания подтверждается результатами исследований. Так, по данным Института Гэллапа, сотрудники, испытывающие эмоциональное выгорание, на 63% чаще других сотрудников берут больничный, на 23% чаще обращаются в неотложную помощь, в 3 раза чаще увольняются [7].

При рассмотрении способов диагностики эмоционального выгорания следует отметить широкий инструментарий, включающий в себя опросы, беседы, анкетирование сотрудников.

К наиболее популярным методам диагностики синдрома эмоционального выгорания можно отнести методику диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, позволяющий определить стадию эмоцио-

нального выгорания; опросник «Эмоциональное выгорание», составленный К. Маслач и С. Джексоном в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

С помощью методики диагностики синдрома эмоционального выгорания, разработанной В.В. Бойко, можно определить наличие характерных симптомов эмоционального выгорания и, при наличии такового, определить стадию эмоционального выгорания: «напряжения», «резистенции» или «истощения». Тест, используемый в рамках данной методики, состоит из 84 вопросов, каждый из которых характеризуется определенным количеством баллов, что, в результате последующих подсчетов, может дать достаточно полное описание психоэмоционального состояния респондента.

Опросник «Эмоциональное выгорание» (MBI) был создан на основе трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексона для определения стадии «эмоционального истощения», «деперсонализации», «редукции профессиональных достижений». Сам тест представляет собой набор высказываний, характеризующих эмоции, переживания и чувства респондента, связанные с профессиональной деятельностью. Каждое высказывание необходимо проранжировать в зависимости от частоты наблюдения описанного признака у респондента. Существуют разные адаптации теста в зависимости от пола, гендера или профессиональной категории опрашиваемого [2].

При комплексной оценке выраженности эмоционального выгорания зачастую оценивается уровень профессионального стресса, испытываемого сотрудниками. В качестве примера можно привести Шкалу Лемура-Тесье-Филиона (или шкалу PSM) для оценки структуры переживаемого профессионального стресса. Прохождение опроса по шкале PSM подразумевает оценку утверждений-характеристик психоэмоционального состояния человека за текущую неделю по восьмибалльной шкале. После чего подсчитывается сумма баллов и, соответственно, чем выше полученная сумма, тем сильнее уровень психологического стресса. Низкий уровень стресса свидетельствует об устойчивости индивида к профессиональным нагрузкам и его психологической адаптированности.

Диагностика уровня эмоционального выгорания необходима для нивелирования негативных последствий данного синдрома.

Эффективность мероприятий профилактики выгорания во многом определяется как индивидуальными способностями сотрудников, так и организационными мероприятиями.

Профилактика эмоционального выгорания со сторо-

ны сотрудника зиждется на следующих важных факторах:

- формирование позитивного отношения к карьере путем изменения негативной установки по отношению к личной и профессиональной жизни;
- овладение приемам релаксации, ауторегуляции;
- регулярное обучение и развитие как профессиональных, так и личностных компетенций, позволяющих активно осваивать современные тенденции в профессии, выстраивать карьерный путь, регулярно общаться с коллегами и представителями смежных профессий;
- ведение здорового образа жизни, регулярные занятия спортом;
- изучение путей преодоления стрессовых ситуаций, стресс-менеджмент;
- использование регулярных перерывов в течение рабочего дня позволит лучше адаптироваться к стрессам обеспечивать психологическую разгрузку;
- адекватное распределение рабочих обязанностей и планирование задач.

Со стороны работодателя важным шагом в решении проблемы эмоционального выгорания является грамотная организация рабочих процессов, обеспечение безопасности на рабочем месте, использование принципов гигиены труда. Целесообразно также практическое применение рекомендаций ВОЗ о поддержании психического здоровья на рабочем месте [8]. Немаловажным фактором является повышение грамотности сотрудников в сфере психического здоровья, а также предотвращение стигматизации психологических проблем. Следующим шагом является коррекция организационной культуры, укрепление психического здоровья посредством развития позитивных аспектов труда и поддержанием сильных сторон сотрудников. Кроме вышеобозначенных направлений деятельности, возможны следующие мероприятия:

- Создание и совершенствование системы обратной связи для нивелирования коммуникативных барьеров между сотрудниками и менеджментом, организация регулярных встреч и открытых обсуждений;
- Привлечение сотрудников к принятию управленческих решений, касающихся, например, оптимизации тех или иных бизнес-процессов;
- Использование командных форм организации рабочих процессов.

При изучении современных тенденций в сфере поддержки физического и психологического здоровья сотрудников, можно отметить возрастающее внимание работодателей к инициативам по охране физического и психологического здоровья сотрудников, их финансового благополучия. Благополучие сотрудника за-

трагивает такие составляющие, как: психологическую, эмоциональную, физическую. Некоторые современные компании реализуют так называемые Wellbeing программы, или программы поддержки благополучия сотрудников [6]. В рамках подобных программ возможна реализация проектов по поддержке и укреплению физического здоровья сотрудников; их психологического и эмоционального здоровья; их развития и обучения. Возможные направления Wellbeing программы, с учетом вышеобозначенных составляющих комплексного благополучия сотрудников, включают внедрение практики медицинских осмотров, корпоративные фитнес-программы, регулярные марафоны и конкурсы, консультации специалистов, тематические «Дни здоровья»; тренинги личностного и профессионального роста, различные семинары по стресс-менеджменту и работе с психоэмоциональным состоянием, а также мероприятия по повышению финансовой грамотности сотрудников. Различные тренинги и семинары повысят осведомлен-

ность сотрудников о различных способах диагностики и снижения стресса как одной из причин эмоционального выгорания, сплотят коллектив. Подобные мероприятия способны повысить вовлеченность сотрудников; их мотивацию, что положительно скажется на имидже работодателя.

Таким образом, эмоциональное выгорание сотрудников в настоящее время является серьезной проблемой, влияющей на эффективность деятельности сотрудников и, исходя из этого, требующей качественной диагностики и профилактики. Существует множество инструментов выявления синдрома эмоционального выгорания, профилактика которого, в свою очередь, невозможна без усилий как самого сотрудника, так и работодателя. Комплексным инструментом, применимым и в приложении к проблеме эмоционального выгорания, является формирование Wellbeing-программ, или так называемых программ благополучия сотрудников, затрагивающих важнейшие сферы их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.В. Энергия эмоций. Взгляд на себя и других. – СПб.: Питер, 2004
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2 – изд. – СПб.: Питер, 2009
3. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования / В. Е. Орел // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3.
4. Слободчиков И.М., Молокоедов А.В., Удовик С.В. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности – М.: Левъ, 2018. – 252 с.
5. Чутко Л. С. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты / Л. С. Чутко. – 2-ое изд.-ие. – М.: МЕДпресс-информ, 2015. – 255 с.
6. Эггард Е. Программа Wellbeing (Здоровье и благополучие) в Unilever / Эггард Е. // Льготы и Бенефиты. - 2019. - №4. - с.3-6
7. Employee Burnout, Part 1: The 5 Main Causes [Электронный ресурс]: <https://www.gallup.com/workplace/237059/employee-burnout-part-main-causes.aspx>
8. Freudenberger H. North G. (1992): Burn-out bei Frauen. Frankfurt, 2°.
9. Workplace mental health: developing an integrated intervention approach [Электронный ресурс]: <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-244X-14-131>

© Ахметгалиева Эльвира Ильшатовна (elviraahmetgalieva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

PSYCHOLOGICAL HEALTH IN THE ASPECT OF PERSONALITY ECOLOGY

O. Belous

Summary: The article deals with the substantive aspects of the psychological health of the individual in the aspect of the environmental approach. Determinants of subjective well-being showing the nature of psychological health of the individual are presented in a meaningful way. The functions of psychological health are considered, among which in modern conditions the most relevant is to maintain an active dynamic balance between personality and environment in situations requiring resource mobilization. In general, it has been proved necessary to experience well-being in order to preserve and strengthen the sanogenic potential of the individual.

Keywords: personality, psychological health, personality ecology, subjective well-being, self-regulation, self-actualization.

Актуальным в последнее время в аспекте использования гуманистического и индивидуально-ориентированного подходов к развитию человека является заинтересованность ученых и практиков к изучению качества жизни, достижения субъективного благополучия личности. Для человека стремление к благополучию и положительному функционированию является одной из детерминант самоактуализации и становления. В связи с этим проблема получения и поддержки субъективного ощущения требует рассмотрения.

Забота о субъективном благополучии и психологическом здоровье предполагает внимание к внутреннему миру человека: его чувствам и переживаниям, увлечениям и интересам, способностям и знаниям, его отношениям к себе и окружающим, природе, делу, проявлению психофизиологических и регулятивных возможностей и т.д. Именно поэтому развитая личность характеризуется наличием арсенала адекватных средств самопонимания, самопринятия и саморазвития в контексте взаимодействия с окружающими его людьми и реалиями.

Разработкой основных подходов к определению благополучия в целом занимались: N. Bradburn, P.T. Costa, E.L. Deci, Ed Diner, M. W. Fordyce, M. Jahoda, R.R. McCrae, R. M. Ryan, C. Ryff, P. Warr, A.S. Waterman, Е. Бенко, А.В. Воронина, Т.В. Данильченко, Л.В. Куликов, П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова, А.С. Ширяева и др. [3, 5, 10, 11].

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ В АСПЕКТЕ ЭКОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Белоус Ольга Валерьевна
к.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
belous_a@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматриваются содержательные аспекты психологического здоровья личности в аспекте экологического подхода. Содержательно представлены детерминанты субъективного благополучия, показывающего характер психологического здоровья личности. Рассмотрены функции психологического здоровья, среди которых в современных условиях наиболее актуальной является поддержание активного динамического баланса между личностью и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов. В целом доказана необходимость переживания благополучия для сохранения и укрепления саногенного потенциала личности.

Ключевые слова: личность, психологическое здоровье, экология личности, субъективное благополучие, саморегуляция, самоактуализация.

Проблема субъективного благополучия представлена в исследованиях М. Аргайл, Н.К. Бахаревой, Е.Е. Бочаровой, А.В. Ворониной, Ed. Diner с коллегами (Sandvik, Pavot, Fujita), Ю.Б. Дубовик, О.А. Елисеевой, М. Селигман, Р.М. Шамянинова и др. [5, 9].

Самое общее рассмотрение феномена благополучия представлено в исследованиях Ed. Dinera. Согласно его мнению, субъективное благополучие отражает оценку человеком своей жизни и включает в себя счастье, положительные эмоции, удовлетворенность жизнью и относительное отсутствие негативных эмоций и настроений. Ed. Diner выделил качественно представленные уровни оценки жизни в аспекте благополучия: уровень общей удовлетворенности жизнью, уровень удовлетворенности отдельными сферами жизнедеятельности (браком, учебой, работой), уровень эмоциональной удовлетворенности (качество и частота испытываемых человеком эмоциональных состояний).

В проводимых в последние годы исследованиях рассматривается, что благополучие является относительно устойчивым интегральным многокомпонентным феноменом. Как сложный феномен характеризует состояние оптимального функционирования человека и детерминировано различными факторами, в том числе: системы личностных представлений о себе и мире, системе ценностей, характере наличия эмоциональных шаблонов, поведенческих установок и стереотипов, коммуникатив-

ных умений и навыков, личностных качеств, жизненных целей, содержания интеллекта.

В рамках рассмотрения субъективного благополучия более значимыми для рассмотрения характера действия психологических факторов успешности выступают личностные характеристики человека: самопринятие, позитивные отношения с другими, автономность, компетентность, цели в жизни, личностный рост и т.п. [8].

Также рядоположенно с понятием «благополучие» в психолого-педагогической и философской литературе используется комплекс различных феноменов, в частности счастье, психическое здоровье, удовлетворенность жизнью, качество жизни, психологическое благополучие, субъективное благополучие и др.

На основании теоретического анализа существующих исследований субъективного благополучия актуальны 2 позиции: 1) проблема самосознания, рефлексивного «Я» в рамках исследований «от личности»; 2) проблема «внешнего» (по отношению к личности) содержания как условия усиления индекса благополучия в рамках исследований «к личности» [11].

М.В. Соколова в своих исследованиях предлагает три аспекта категориального определения субъективного благополучия на основе анализа данного феномена:

1. рассматривается по внешним критериям «нормативности» (в аспекте соответствия системе ценностей, принятой в конкретном обществе и культуре);
2. рассматривается через призму понятия удовлетворенности жизнью и связывается со стандартами в отношении внутренних нормативов «хорошей жизни» личности;
3. рассматривается через призму обыденного, традиционного понимания счастья как превосходства положительных эмоций над отрицательными [9].

Итак, можно характеризовать субъективное благополучие личности как особое интегральное феноменальное социально-психологическое образование, включающее активное оценивание и отношение к своей жизнедеятельности, к себе, к своему поведению и проявлениям во всех сферах реализации. В данном феномене можно выделить традиционные компоненты психического явления (когнитивный, эмоциональный, конотативный (поведенческий)) и характеристики (субъективность, позитивность и глобальность измерения) (Ed. Diner).

При характеристике функций значимости и действия субъективного благополучия также много точек зрения на их выделение. Фактически рассматривают четыре до-

статочно общие функции:

1. регулятивная функция или функция адаптации. Она заключается в регуляции внутреннего самоотношения, самочувствия, а также взаимоотношения с внешним миром. Определяет усиление адаптационных возможностей человека в восприятии себя и своей жизни. Соотносится со способностью саморегуляции человека.
2. функция управления познанием, когнитивными процессами – обеспечивает адаптацию и интеграцию личности в социуме. Соотносится с социализацией, развитием человека. Проявляется в понимании и использовании актуального уровня развития, имеющихся знаний и субъектного опыта в аспекте соотношения необходимости использования и «актуальности».
3. функция развития – обеспечивает характер саморазвития, понимания возможностей использования окружающей действительности для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы личности в равновесие возможностей, потребностей и реального отреагирования.

При анализе теоретической литературы можно увидеть концептуальные различия разных подходов, которые были отражены в различных «авторских» моделях благополучия (A. Campbell, P. E. Converse, W.L. Rodgers, 1976; N. Bradburn, 1969; Ed Diner, 1984, 1995, 2002, 2009; Ed Diener, J.S. Larsen, S. Levine, R.A. Emmons, 1985; Ed Diener, E. Sandvik, W.G. Pavot, 1991; Ed Diener, J.S. Larsen, 1993; C. Ryff, 1986; C. D. Ryff, C. L. M. Keyes, 1995; Л. В. Куликов; А. С. Ширяев (2008); Ю.М. Александров (2009); Т.В. Данильченко (2015) и др.) [12].

Рифф К. рассматривает психологическое благополучие как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека [13].

Рассматривая содержание и проявления субъективного благополучия, можно отметить его взаимосвязь и соответствие психологическому и социальному здоровью человека, актуализация идеалов, оптимизма, настроенности на завтрашний день. Можно сказать, что данный феномен является одной из детерминант полноценного существования личности, ее внутренней силы и оптимистичного настроения.

Данное утверждение реализуется в различных исследованиях содержания психологического здоровья человека, когда психологическое благополучие соотносят с психическим и психологическим здоровьем.

В частности, в разработанной концепции А.В. Ворониной уровни модели психологического благополучия

соответствуют феноменам «психическое здоровье» и «психологическое здоровье». Данный вид благополучия реализовывает и показывает согласие человека с самим собой, его внутреннюю целостность и гармонию, является системным личностным качеством. Именно благополучие как целостность человек приобретает и организует самостоятельно в процессе собственной жизнедеятельности. [5]

В исследованиях Н.А. Батурина – психологическое благополучие личности соотносится саморегуляцией личности, выступая как результат саморегуляции психических состояний, восприятие жизни [1].

При взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от своих целей, индивидуальных особенностей и условий окружающей его действительности, особенностей взаимодействия с ним людей. В таком случае снятие неопределенности возможно лишь средствами регуляции, а в случае психической регуляции - средствами саморегуляции в том смысле, что человек сам исследует ситуацию, программирует свою активность и контролирует, и корректирует результаты (Конопкин О.А., 1980, Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н., 1980, Степанский В.И., 1981). Формирование единой для множества разных деятельностей системы саморегуляции позволяет подготовить человека в будущем к перемене поведения в трансформирующихся ситуациях, адаптации к постоянно меняющимся условиям окружающей действительности [2].

Главной особенностью методов саморегуляции человека является направленность на формирование соответствующих адекватных внутренних средств, позволяющих человеку осуществить целенаправленную активность по изменению своего состояния и характера жизнедеятельности.

Из этого можно сделать вывод о важности регулятивных умений в содержании переживания благополучия в аспекте сохранения и укрепления саногенного потенциала личности. В своей жизнедеятельности человек вынужденно постоянно преодолевает трудности и барьеры, которые по-разному воздействуют на психику на характер субъективного опыта. Действительно, именно психологическая устойчивость личности позволяет сохранить душевное равновесие, ощущение удовлетворенности, настроенность на решение и преодоление конфликтов субъективных и социальных. Но в реальности потенциал устойчивости ограничен и определяется субъективным опытом восприятия ситуации, качеством отреагирования на стрессоры, желанием позитивной жизнедеятельности, состоянием физического и телесного благополучия и пр.

Итак, понятия здоровье и благополучие имеют точки соприкосновения и область пересечения содержания. В частности, благополучие и здоровье равнозначно предполагают реализацию физических и духовных потенциалов человека. Соответственно, процесс самореализации человека в целях достижения благополучия будет основан на достаточной психологической устойчивости и саморегуляции.

В рамках данных исследований можно представить основную функцию психологического здоровья в направленности поддержания активного баланса взаимодействия личности и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов, в стрессовых ситуациях и пр. При наличии психического и психологического здоровья человек может оптимально и эффективно функционировать в аспектах физиологии и психики в реальной жизнедеятельности [4].

Методологически и содержательно термин «психологическое здоровье» был определен И.В. Дубровиной. В данный феномен были включены психологические аспекты психического здоровья, как то, что соотносится с личностью в целом и находится во взаимосвязи со всеми проявлениям человеческого духа [7].

Психологическое здоровье по определению является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности. Данный вид здоровья является условием адекватного выполнения человеком своих возрастных, социальных и культурных ролей и обеспечивает человеку возможность непрерывного развития в течение всей его жизни.

Как на любое психическое явление, состояние психологического здоровья определяется комплексом факторов. Как социальный феномен, оно зависит от следующих моментов:

1. Принятие ответственности за свою жизнь и здоровье.
2. Самопознание как анализ самого себя. В рамках самопознания определяется содержание понимания человеком своих возможностей, ресурсов, механизмов протекания психологических защит, используемых личностью для сохранения собственного достоинства и самоуважения.
3. Самопонимание и принятие себя как личности. При действии данного фактора появляется возможность принимать самого себя как личность, уникальную и представленную в своем своеобразии, формируется умение разрешать внутренние противоречия, лежащие в основе внутриличностных конфликтов, непринятия и недовольства самим собой и окружающими.
4. Умение жить в настоящем моменте, понимая ре-

альность и выстраивая ситуацию отреагирования на «здесь и сейчас».

5. Осмысленность индивидуального бытия, определяющая иерархию смыслов и ценностей, на основе которых личность входит в «проживание» жизни с осознанием ситуаций протраивания своего будущего в соответствии с окружающей действительностью.
6. Способность к пониманию, слышанию и слушанию, принятию других. Фактически это проявляется как эмпатическое понимание, основанное на сочетании индивидуально-психологических особенностей человека и его опыта отношений, имеющихся коммуникативных знаниях, умениях и навыках, определенных социализацией, личностных, профессиональных ценностей, мотивации и направленности личности.
7. Доверие к процессу жизни. Наряду с рациональными установками, ориентацией на успех, сознательным планированием своей жизни необходимо то душевное качество, которое в психоанализе определялось как «базовое доверие» (Э. Эриксон). По иному это можно было бы обозначить, как умение следовать естественному течению процесса жизни, где бы и в чем бы он не проявлялся.

Соответственно, для субъективно благополучного человека одной из базовых задач является сохранение и улучшение качества психологического здоровья. В этом направлении необходима сознательная, целенаправленная работа самого человека по восстановлению и развитию жизненных ресурсов, по принятию на себя ответственности за собственное здоровье, когда здоровый образ жизни становится потребностью.

При условии выделения компонентов психологического здоровья возникает возможность определения задач развития и коррекции в ходе активности и жизнедеятельности человека:

- обучение положительному самоотношению и принятию других;
- обучение рефлексивным умениям;
- формирование потребности в саморазвитии.

Данные задачи соотносятся с функциями и компонентами психологического здоровья и субъективного благополучия. Однако, можно отметить, что основной акцент делается на обучении, на предоставлении человеку возможности изменений, как возможности самостоятельно принять решение о вариативности своей жизни.

О.В. Хухлаева для описания психологического здоровья использует базовое понятие «гармония», или «баланс». Это гармония между различными составляющими самого человека: эмоциональными и интеллекту-

альными, телесными и психическими, гармония между человеком и окружающими людьми и пр. При этом гармония рассматривается не как статическое состояние, а как процесс. Соответственно О.В. Хухлаева говорит о том, что психологическое здоровье представляет собой динамическую совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение своей жизненной задачи. Жизненную задачу при этом автор рассматривает как то, что необходимо сделать для окружающих именно конкретному человеку с его способностями и возможностями. Выполняя жизненную задачу, человек чувствует себя счастливым, в противном случае - глубоко несчастным [10].

Если согласиться с тем, что «ключевым» словом для описания психологического здоровья является слово «гармония», то в качестве центральной характеристики психологически здорового человека О.В. Хухлаева называет саморегулируемость, т.е. возможность адекватного приспособления как к благоприятным, так и к неблагоприятным условиям, воздействиям. Акцент делается на возможных трудностях адаптации именно к благоприятной ситуации. К ним-то человек всегда готов и они не потребуют особого напряжения. Если же говорить об адаптации к трудным ситуациям, то необходимо уметь не только противостоять им, но и использовать их для самоизменения, для роста и развития. Таким образом, О.В. Хухлаева делает вывод о том, что основная функция психологического здоровья - это поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов личности.

Анализ литературы и исследования О.В. Хухлаевой позволяют утверждать, что психологическое здоровье можно описать как систему, включающую аксиологический, инструментальный и потребностно-мотивационный компоненты [10].

Для организации развития человека и его самоактуализации в целях выхода на субъективное благополучие и поддержание психологического здоровья в исследованиях рассматриваются факторы риска нарушения психологического здоровья и оптимальные условия его становления [7].

Итак, качество психологического здоровья рассматривается как собственная жизнеспособность индивида, обеспеченная полноценным развитием и функционированием психического аппарата. Гармония душевных сил (разум, чувства, желания, воля и т.п.), необходимая для нормальной, самостоятельной жизнедеятельности, является предпосылкой здоровья психологического. Состояние психологического здоровья характеризует ин-

дивида как субъекта жизнедеятельности. В связи с этим основу психологического здоровья составляет нормальное развитие субъективной реальности в онтогенезе.

Фактически все эти требования выходят в плоскость понимания и сохранения субъективного и психологического благополучия личности. Сохраняя психологическое здоровье личности, мы акцентируем категории благополучия: категорию «образ» как осознанный стиль жизни или образ желаемых целей; категорию «мотив»

как побуждение к достижению индивидуально значимых целей или реализации желаемого образа жизни; переживание как чувства, которые «уведомляют» его об отношениях со средой, как чувства, которые испытывает индивид, сопоставляя свои усилия, действия к достижению желаемой цели или образа жизни, с тем, что он достиг в реальности или с тем, чего смогли достичь другие; категорию «эмоции» как эмоциональная оценка себя, своих достижений, степени удовлетворенности собой и своей жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. «Серия: Психология». – 2013. – № 4. – Т.6. – С. 4-14.
2. Белоус О.В. Факторы и условия поддержания психологического здоровья учителя // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Спецвыпуск. - 2008 – с.103-106
3. Бенко Е.В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Вестник ЮУрГУ. «Серия: Психология». - 2015. - № 2 - С. 5- 13
4. Васильева О.С., Пилатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб.пособие для студентов высших учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 352 с.
5. Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. – 2005. –№ 3. –С. 142- 145
6. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. –СПб.: Питер, 2006. –607 с.
7. Психологическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И. В. Дубровиной. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 176 с.
8. Савельева О.С. Субъективное благополучие как проблема социальной психологии личности. - [Электронный ресурс]. - [Режим доступа]: <http://www.elibrary.ru/>
9. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. - Ярославль, 1996
10. Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции. – М.: Академия, 2011. – 208 с.
11. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия // Мир психологии. - №2. - 2002. - с. 143-148
12. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. - 2005. - № 3. - С. 95-129
13. Ryff C.D. Psychological Well-Being //Encyclopedia of Gerontology. – 1996. –Vol. 2. –P. 365–369

© Белоус Ольга Валерьевна (belous_a@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИОРИТЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БЕЗРАБОТНЫХ В ПЕРИОД НЕНОРМАТИВНОГО КРИЗИСА ЗАНЯТОСТИ

Белоусов Максим Владимирович

Московский Государственный Психолого-Педагогический
Университет,
Belmax777@mail.ru

PRIORITIES IN THE MODERN DEVELOPMENT OF VALUE ORIENTATIONS OF THE UNEMPLOYED DURING THE NON-NORMATIVE EMPLOYMENT CRISIS

M. Belousov

Summary: Priorities in the modern development of value orientations of the unemployed during the non-normative employment crisis are individual for everyone and have a special impact not only on the professional path of a person, but also on the development of the individual as a whole. The modern labor market is volatile and dictates its own conditions. If earlier a person's career development was built quite consistently, and often meant professional self-determination in only one area or a maximum of two, in modern realities, a person is forced to change the professional sphere from 2 to 4 times during his life. The article presents the results of a study aimed at setting priorities in the development of value orientations of unemployed citizens of various social groups who are experiencing certain difficulties, including psychological ones, when they are in a situation of non-normative employment crisis, i.e. they are out of work as a result of any unforeseen circumstances.

Keywords: professional self-determination, non-normative employment crisis, professional orientation, psychological adaptation professional retraining, psychological diagnostics.

Аннотация: Приоритеты в современном развитии ценностных ориентаций безработных в период ненормативного кризиса занятости для каждого индивидуальны и оказывают особое влияние не только на профессиональный путь человека, но и на развитие личности в целом. Современный рынок труда изменчив и диктует свои условия. Если раньше у человека карьерное развитие выстраивалось достаточно последовательно, и часто подразумевало профессиональное самоопределение только в одной сфере или максимум в двух, то в современных реалиях, человек вынужден менять профессиональную сферу от 2 до 4 раз в течение своей жизни. В статье представлены результаты исследования, целью которого было установить приоритеты в развитии ценностных ориентаций безработных граждан различных социальных групп, испытывающих определенные сложности, в том числе и психологического плана, при нахождении в ситуации ненормативного кризиса занятости, т.е. оказавшихся без работы в результате каких-либо непредвиденных обстоятельств.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, ненормативный кризис занятости, профессиональная ориентация, психологическая адаптация профессиональное переобучение, психологическая диагностика.

Ценностные ориентации людей в условиях неожиданной потери работы влияют непосредственным образом на дальнейшее профессиональное самоопределение, которое является одним из важнейших проявлений психического развития личности. Большинство людей нацелено на выполнение социально значимой деятельности, основным направлением которой является производство продукта, имеющего определенную социальную ценность, является критерием смысловых и мотивационных поисков и решений человека. (Климов Н.С 1999). Ранее устоявшаяся парадигма развития профессионального самоопределения состоит из структуры, включающей в себя:

- Соотнесение человеком себя к определенному профессиональному сообществу (учителя, врачи, инженеры и т.д.)
- Оценки собственного соответствия занимаемого

места в профессиональном сообществе («начинающий», «профессионал»).

- Знания о собственных выраженных слабых и сильных сторонах, индивидуальных стратегиях самосовершенствования и повышения эффективности, об особенностях стиля собственной деятельности.
- Формализованного представления о своем профессиональном будущем.

В текущей ситуации, сложившейся на современном рынке труда, безработный осознает, что в силу быстро меняющихся обстоятельств, он вынужден часто отходить от четкого плана, связанного с выбором одной профессии, ему приходится для достижения успеха прибегать к большей избирательности, анализируя свой дальнейший карьерный путь. Более того постоянно самосовер-

шенствоваться в новых условиях, меняя профессии и постоянно обучаясь. Действуя таким способом ему, в конце концов, удастся добиться необходимой рефлексии для получения новой работы или профессии.

Так же необходимо учесть психоэмоциональное состояние безработных в период ненормативного кризиса занятости. Профессиональное самоопределение безработного, как правило, имеет высокую степень эмоциональной окраски, причиной которой являются различные обстоятельства из жизни человека временно оказавшегося в ситуации отсутствия работы. Убежденность в предопределенности ошибочного выбора профессиональной деятельности, который ранее казался совершенно осмысленным и верным превращается в тяжелую ношу. Невозможность установки причинно-следственной связи между прошлым и настоящим, формирует убеждение у безработного, искать что-то новое в профессиональной среде и меняться, совершенно бесполезно и не эффективно с точки зрения быстрого нахождения работы по изученному сценарию. Подобная тактика в современной ситуации на рынке труда часто терпит фиаско и только удлиняет срок нахождения человека в ситуации ненормативного кризиса занятости. Для определения наиболее частых моделей поведения безработных, мешающих поиску работы, было проведено исследование, в котором участвовали представители различных социальных групп с разным периодом нахождения в статусе безработного. Таким образом, цель исследования:

Целью исследования было эмпирическое изучение приоритетов развития ценностных ориентаций безработных в период ненормативного кризиса занятости.

Тематика данного исследования определяется следующими обстоятельствами:

- рост числа безработных граждан, оказавшихся в ситуации ненормативного кризиса занятости и отсутствие у них результативных стратегий по поиску новой работы или переобучению, отвечающих современным требованиям рынка труда. Данный фактор влечет за собой перспективу напряженности в различных системах взаимоотношений безработных людей и не может быть недооценен.
- увеличение невостребованных или недостаточно востребованных профессий при наличии большого количества специалистов в данных профессиональных областях и, как следствие, появление серьезных психологических кризисов у безработных граждан в условиях отсутствия профессиональной занятости. Подобное состояние, выражающееся в первую очередь в виде обесценивания самого факта трудоустройства, в случае если устроиться по привычному механизму или на должность похожую с ранее занимаемой, не

удается.

- отсутствие понятных и удобных механизмов для оценки и изучения собственных личностно-профессиональных качеств, влияющих на выбор или смену профессиональной деятельности, подталкивающих к необходимости переобучения, либо делающих подобный выбор невозможным.

Выборка исследования представлена безработными людьми, обращающимися в территориальный Центр Занятости Населения (ЦЗН) в одном из районов Тульской области для поиска возможного трудоустройства. Общее количество респондентов составило 135 человек, из них 62 (%) мужчин и 38 (%) женщин. В соответствии с задачами исследования, выборка была разделена на четыре группы с разным социальным статусом и мотивацией для профессионального самоопределения:

- 1 группа: безработные граждане, обратившиеся в ЦЗН без интервала между предыдущими местами работы более 3 месяца
- 2 группа: безработные граждане, обратившиеся в ЦЗН, с большим пробелом в трудовой деятельности от 1,5 лет, перенесшие опасные для жизни заболевания, лица, по каким-то причинам, не имевшие возможности к трудовой деятельности.
- 3 группа: безработные граждане, неоднократно обращающиеся и находящиеся в поиске работы через ЦЗН от 5 месяцев. Обращающиеся в ЦЗН неоднократно.

Методы и методики исследования

Для решения задач исследования были использованы:

- Опросник «Определение ценностных ориентаций» по методике М.Рокича. Где исследуются два класса ценностей:
 - Терминальные ценности – это убеждения в том, что цель, связанная с индивидуальным существованием человека крайне важна и непосредственный смысл, в ее достижении;
 - Инструментальные ценности – это убеждения в том, что та или иная модель поведения, выраженная в конкретных действиях, а так же индивидуальные особенности личности являются определяющими в любой ситуации.
- Участнику исследования, представляющему какую-либо из трех вышеописанных групп, предлагается заполнить два списка ценностей (по 18 в каждом), на листах бумаги формата А4, в алфавитном порядке. В этих списках участник исследования присваивает каждой ценности соответствующий ранговый номер. Сначала предоставляется набор терминальных ценностей, а затем набор инструментальных ценностей.
- Опросник «Самооценка психических состояний»

по методике Г. Айзенка. Опросник включает описания психоэмоциональных состояний, наличие которых у себя участнику исследования необходимо опровергнуть либо подтвердить. Данный опросник позволяет определить уровень фрустрации, тревожности, фрустрации, ригидности, агрессии. Каждому участнику исследования предлагается заполнить опросник из 40 предложений.

- Опросник «Определение типа личности» по методике Дж. Холланда (Романова Е.А. 1999). Опросник профессиональных предпочтений соотносит интеллектуальные способности и склонности, при новом профессиональном самоопределении, с которым часто сталкиваются безработные в современных условиях. Выделяются типы личности по предрасположенности к конкретной профессии:

Артистический, интеллектуальный, конвенциональный, предприимчивый реалистический тип, социальный. Тип профессии, к которому имеется максимальная предрасположенность, определяется наиболее предпочитаемыми профессиональными сферами.

Сотрудникам Центра Занятости Населения для проведения опроса была предоставлена анкета, опрос проводился на условиях анонимности. В анкете указывался пол, возраст, причины, побудившие респондента к смене профессиональной деятельности, приоритеты для выбора новой профессии, так же прилагался лист для ответов на предложенные опросники. После проведения собеседования сотрудник Центра Занятости населения, делал отметки закрепляя респондента за одной из вышеописанных групп исходя из его статуса на момент поиска работы. После проведения исследования результаты опроса соотносились с внешними и внутренними факторами, влияющими на развитие ценностных ориентаций безработных в период ненормативного кризиса занятости.

Результаты исследования

Анализ полученных данных показал, что для:

- первой группы участников исследования (безработные граждане, обратившиеся в ЦЗН без интервала между предыдущими местами работы более 3 месяца) характерно:

Преобладание в системе ценностных ориентаций терминальных ценностей: конкретных и самореализации, выраженных в подавляющем большинстве в активной и деятельной жизни (75 % от общего количества участников группы). А так же инструментальных ценностей: индивидуалистических и межличностного общения, выраженных в стремлении к независимости и образованности (84 процента от общего количества участников

группы). Тревожность у участников данной группы либо отсутствует, либо присутствует на минимальном уровне. Средний балл по тесту Айзенка -2 (от 0-до 7 баллов отсутствие тревожности по тесту Айзенка), низкая степень фрустрации средний балл -8 (от 8-до 14 баллов средний уровень фрустрации по тесту Айзенка), спокойствие и выдержанность, средний балл агрессии -8(от 8-до 14 баллов средняя выраженность агрессии по тесту Айзенка), быстрая переключаемость как фактор отсутствия ригидности, средний балл ригидности 2 (от 0 до 7 баллов отсутствие ригидности). Предприимчивый (41% от общего числа участников группы) и реалистичный (38% от общего числа участников группы) типы личности (Опросник Холланда) составляют подавляющее большинство в исследуемой группе. Данные результаты характеризуют участников данной группы как людей, имеющих высокую готовность к риску и лидерские качества, энергичных, а порой даже и импульсивных, при наличии хорошей способности концентрировать внимание и различных двигательных навыков, нацеленных на конкретный результат, с потребностью практического использования ресурсов. Данные типы личности наиболее часто успешно себя реализуют в менеджменте различных уровней и сфер, в том числе находящихся в кризисном состоянии консалтинга. Они часто встречаются среди представителей профессий связанных с обработкой и генерацией информационного поля. Сюда относятся различные технические направления технологий, включающие, как и технический персонал, так и инженеры, управляющие производственными и технологическими процессами.

- второй группе участников исследования: безработные граждане, обратившиеся в ЦЗН, с большим пробелом в трудовой деятельности от 1,5 лет, перенесшие опасные для жизни заболевания, лица, по каким-то причинам, не имевшие возможности к трудовой деятельности, характерно:

Преобладание в системе ценностных ориентаций терминальных ценностей: конкретных, выраженных в подавляющем большинстве в достижении крепкого здоровья и наличия хороших и верных друзей (82% от общего количества участников группы). А так же инструментальных ценностей: этических и конформистских, выраженных в ответственности и терпимости (69% от общего числа участников группы) Высокий уровень тревожности, средний балл- 15 (от 15 до 20 баллов высокий уровень тревожности). Фрустрация среднего уровня, средний балл- 9, (от 8 до 14 баллов средний уровень фрустрации) спокойствие и выдержанность, средний балл агрессии -1(от 0-до 7 баллов отсутствие агрессии) Средний уровень

ригидности, средний балл- 9 (от 8 до 14 баллов средний уровень ригидности). Интеллектуальный (44% от общего числа участников группы) и артистический (40 % от общего числа участников группы) типы личности (Опросник Холланда) составляют подавляющее большинство в исследуемой группе. Данные результаты характеризуют участников данной группы как людей с аналитическим складом ума, ориентированных на реализацию различных интеллектуальных задач, с хорошими навыками воображения, имеющих тенденции к избеганию контроля их деятельности и следованию общим регламентам принятым на рабочем месте, тенденция к снижению контактов в профессиональной деятельности. Данные типы личности наиболее часто успешно реализуют себя в научной среде, часто подобный тип личности встречается среди программистов, наиболее приемлемым графиком работы и взаимодействия с заказчиком (работодателем), выбирающих удаленную работу с выполнением одноразовых контрактов без длительных договорных взаимоотношений с заказчиком. Сюда относятся различные творческие направления профессиональной деятельности: искусство, режиссура, дизайн и другие.

- третьей группе: безработные граждане, неоднократно обращающиеся и находящиеся в поиске работы через ЦЗН от 5 месяцев. Обращающиеся в ЦЗН неоднократно.

Преобладание в системе ценностных ориентаций терминальных ценностей: конкретных ценностей и профессиональной самореализации, выраженных в подавляющем большинстве в стремлении к материально-обеспеченной жизни и общественному признанию (89% от общего количества участников группы) А так же инструментальных ценностей: индивидуалистических и самоутверждения, выраженных в рационализме и независимости (71% от общего количества участников группы). Средний уровень тревожности, средний балл- 9 (от 8 до 14 баллов средний уровень тревожности). Фрустрация среднего уровня, средний балл- 10, (от 8 до 14 баллов средний уровень фрустрации). Средний уровень агрессии -11 (от 8 до 14 баллов средний уровень агрессии). Средний уровень ригидности, средний балл- 10 (от 8 до 14 баллов средний уровень ригидности) Конвенциональный (39% от общего числа участников группы) и рациональный (40 % от общего числа участников группы) типы личности (Опросник Холланда) составляют подавляющее большинство в исследуемой группе. Данные результаты показывают, что для данной группы участников исследования характерны: деловитость и рациональность, исполнительность и конформизм консервативность, хорошая исполнительность в сочетании с ориентацией на конкретный результат. Тенденция к работе по четко прописанной инструкции и избегание

каких-либо ситуаций, связанных с неопределенностью. Данные типы личности наиболее успешно реализуют себя в тех видах профессиональной деятельности, где требуется обработка информации часто рутинного характера, это бухгалтера, банковские служащие, экономисты, логисты, так же сферы ориентированные на решение конкретных задач по предоставлению какой либо услуги: шоферы, парикмахеры, работники сельскохозяйственной отрасли.

Выводы

По результатам проведенного исследования автором статьи делается следующий вывод: в первой группе, где участники менее всего по периоду времени искали в течении своей жизни новую работу, основной акцент идет на самореализации и активности. Так же у участников практически отсутствует тревога, фрустрация и ригидность, и агрессивность, выражены лидерские качества. Безусловно, в первую очередь данные показатели сравниваются с третьей группой, так как фактически ситуация у участников первой и третьей групп схожа, при том, что участники первой группы трудоустраиваются значительно быстрее. Из чего можно сделать вывод, что отсутствие тревоги и ригидности наиболее важно для быстрого поиска работы. Так же наиболее важным фактором для эффективного поиска работы в кратчайшие сроки является наличие лидерских качеств, и потребность в самореализации и независимости. Так же имеет смысл обратить особое внимание на выраженную потребность в сохранении здоровья, важности в наличии друзей и терпимости у респондентов второй группы. Здесь важно обратить внимание, что люди, долгое время не имеющие возможности трудоустройства из-за неожиданной потери работы, попадая в ненормативный кризис занятости, часто не имея возможности вернуться на прежнее место работы или получить ранее занимаемую должность, достаточно быстро разочаровываются в поиске новой работы. После чего возможность получить альтернативную работу, исходя из новых условий своей трудоспособности, попросту обесценивают. Около половины безработных воспринимают вынужденную незанятость как трагедию, равную по силе или большую, чем развод и его последствия. (Е.А. Толочек 1999) Понимание мотивации безработных граждан оказавшихся в ненормативном кризисе занятости, имевших длительный период из-за потери трудоспособности (участники исследования второй группы), поможет сотрудникам Центров занятости населения проводить консультирование подобных граждан более эффективно и помогать в получении навыков решения проблем, связанных с реализацией профессиональной карьеры, в том числе, умение преодолевать стрессовые состояния, анализировать информацию и осуществлять деловое общение; способствовать реализации готовности безработного к активному и самостоятельному решению своих про-

фессиональных проблем; способствовать оптимизации эмоционального состояния и уровню самооценки безработных. (Бендюков В.А 2008). Часто сотрудники центров занятости, а именно те кто занимается профессиональным консультированием фактически становятся посредниками между человеком и определенной социально-профессиональной группой, проводя процесс консультирования безработных граждан. (Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников 2010) Главная (идеальная) цель

такого процесса — постепенное формирование у человека внутренней готовности самостоятельно и осознанно планировать, корректировать и реализовывать перспективы своего развития (профессионального, жизненного, личностного), другими словами — помочь человеку расширять свои возможности в рамках определенного времени, пространства и смысла и претворять их в жизнь. (Е.А. Толочек 1999).

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочек В. А. " Современная психология труда". Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2005 стр.334, 335, 336, 353, 354
2. Климов Е.А. "Психологическая диагностика в управлении персоналом" Учебное пособие для сотрудников кадровых служб Российское психологическое общество Москва 1999 стр. 16, 17,18
3. Романова Е. С"99 популярных профессий". Психологический анализ и профессиограммы. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003 стр 14, 15.
4. Пряжников Н.С. Теория и практика профессионального самоопределения. Учебное пособие. — М.: МГППИ, 1999 стр.24.25.26.
5. Бендюков В.А. Исследование эффективности индивидуального психологического профконсультирования безработных в службе занятости. Известия Российского Государственного педагогического Университета им А.И. Герцена.
6. Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников. Профорентация. 5-е изд, исправленное и дополненное. Москва. Издательский центр «Академия», 2010 стр .220

© Белоусов Максим Владимирович (Belmax777@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРЕСС И КОПИНГ-ТЕСТ Р. ЛАЗАРУСА И С. ФОЛКМАН

STRESS AND COPING TEST R. LAZARUS AND S. FOLKMAN

E. Bobrovskaya

Summary: The article deals with the transactional theory of stress and coping, developed by R. Lazarus and the questionnaire for determining coping strategies, created on its basis by R. Lazarus and S. Folkman, as well as the classification of coping strategies, adaptation and standardization of the questionnaire in the Russian sample.

Keywords: coping strategies, coping behavior, stress.

Бобровская Елена Фаимовна

Аспирант, Новосибирский Государственный
Университет Экономики и Управления
babrovskaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается транзактная теория стресса и копинга, разработанная Р. Лазарусом и опросник для определения копинг-стратегий, созданный на ее основе Р. Лазарусом и С. Фолкман, а также классификация копинг-стратегий, адаптация и стандартизация опросника на российской выборке.

Ключевые слова: копинг-стратегии, совладающее поведение, стресс.

Копинг-стратегии (совладающее поведение) имеют свои проявления и оказывают значительное влияние на различные сферы жизни человека. Инструментальная диагностика и выявление копинг-стратегий крайне важна для исследования способов преодоления стресса, факторов риска психологической дезадаптации, задач профессионального отбора, а также массовых исследований психопрофилактических мероприятий.

Результаты исследований о связи между стрессом и показателями уровня адаптации, такими как соматическое здоровье и психологические симптомы, указывают на то, что это отношение опосредуется определенными совладающими процессами, умеренно устойчивыми в различных стрессовых ситуациях, и поэтому в долгосрочной перспективе оказывающими влияние на уровень адаптации [6].

Копинг (анг. cope – преодолевать) это форма взаимодействия человека со стрессовой или трудной ситуацией. Первым этот термин употребил L. Murphy, исследуя то, как дети преодолевают кризисы развития и возникающие в связи с ними трудности.

Р. Лазарус значительно углубил и обогатил изучение вопросов копинга, создав транзактную теорию стресса и копинга, которая позволила описать структуру процесса поведения, связанного с реагированием на стрессовую ситуацию [5].

В данное время не существует единой классификации копинг-стратегий. Р. Лазарус и С. Фолкман сформировали классификацию, которую можно полагать базовой, и которая учитывает различия между проблемно-ориентированными и эмоционально-ориентированными копинг-стратегиями [1].

К проблемно-ориентированным формам копинга относят активные межличностные усилия по изменению ситуации, а также рациональные, продуманные усилия по разрешению проблем. К эмоционально-ориентированным формам копинга относятся дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, побег - избегание, принятие ответственности и положительная переоценка [7].

Лазарус и Фолкман проанализировали несколько направлений для выявления механизмов совладающего поведения [6]. Wheaton (1983) и Kobasa (1979) выявили личностные характеристики, которые лежат в основе копинга: фатализм и негибкость (Wheaton), а также выносливость (Kobasa). В основе данного подхода лежит предположение о том, что личностные характеристики оказывают влияние на выбор копинг-стратегии, которые либо облегчают, либо усложняют процесс адаптации. Р. Лазарус отмечал, что доказательств данного влияния достаточно мало.

Второй подход заключается в оценке того, как человек фактически справляется с конкретным стрессовым событием. Billings и Mops (1984), например, оценивали способы, которыми люди справляются с одним недавним стрессовым событием; они обнаружили, что копинг связан с депрессивными состояниями. В основе этого подхода лежит предположение, как человек справляется с одним или несколькими стрессовыми событиями отражает то, как он справляется со стрессом в целом [6].

Третий подход заключается в том, чтобы сосредоточиться на характеристиках стрессовых ситуации, которым подвергается человек. Этот подход иллюстрируют работы, в которых исследователи оценивали, как люди справляются с ситуациями, в которых они не могут контролировать результат (Shanan, De-Nour, Garty, 1976).

Предполагается, что люди, которые постоянно в неконтролируемых ситуациях испытывают беспомощность, становятся все более пассивными в своих усилиях по преодолению трудностей и в конечном итоге сталкиваются с деморализацией и депрессией [6].

Четвертый и более сложный подход (Pearlin, Schooler, 1978), заключается в том, чтобы рассмотреть проявления личностных характеристик и копинг-стратегий в ситуации психологического благополучия. Pearlin, Schooler оценили личностные характеристики (самооценка, самовосприятие) и способы, которыми люди справляются с хроническими искажениями социальных ролей в связи с уменьшением дистресса в каждой из четырех областей: брак, воспитание детей, ведение хозяйства и профессиональная деятельность.

Было обнаружено, что личностные характеристики и копинг были связаны друг с другом и зависели от характера стрессовых условий. Так личностные характеристики имели большее значение в тех сферах, где было меньше возможностей для контроля (профессиональная деятельность на работе), а копинг проявлялся активнее в тех сферах, где приложенные усилия, по субъективной оценке человека, имели большее значение (например, в семейных отношениях).

В своем исследовании копинг-стратегий Р. Лазарус опирался на описанные выше подходы в рамках когнитивной теории психологического стресса.

Человек и окружающая среда рассматриваются как факторы, находящиеся в динамичных, двунаправленных отношениях. Стресс формируется в отношении между человеком и окружающей средой, которая оценивается человеком как неблагоприятная, превышающая его ресурсы и ставящая под угрозу благополучие. Здесь выделяют два процесса: когнитивную оценку и копинг-стратегии [6].

Когнитивная оценка - это процесс, посредством которого человек определяет, влияет ли конкретная ситуация (соприкосновение с окружающей средой) на его благополучие, если да, то каким образом. Различают два вида когнитивной оценки: первичную и вторичную.

Первичная оценка позволяет определить, представляет ли происходящее угрозу (например, понизит или повысит самооценку, повлияет на здоровье или благополучие). Подобная оценка зависит от личностных характеристик, включая ценности, убеждения, цели и представления о себе и мире.

Вторичная оценка позволяет определить, может ли быть что-либо сделано в данной ситуации, чтобы ее преодолеть, минимизировать вред и улучшить свои

перспективы. Существуют различные варианты преодоления, например, изменение ситуации, принятие ситуации, поиск дополнительной информации или сдерживание импульсивных действий.

В рамках теории Лазаруса копинг (совладание со стрессом) представляет собой активность личности, направленную на установление баланса между собственными ресурсами и запросами окружающей среды.

Стресс, в контексте транзактной теории, это процесс взаимодействия личности и среды, которое направляется необходимостью установления баланса в этой системе. Нарушение баланса происходит вследствие возникновения событий, субъективно значимых для человека.

Этот процесс идет в определенном порядке: первичная и вторичная оценки, возникновение соответствующих переживаний, выбор копинг-стратегий, их осуществление и оценка последствий. При неудовлетворительном результате производится переосмысление представлений о ситуации и формах реагирования на нее, что приводит к формированию процесса непрерывного взаимодействия личности и среды с опорой на механизм обратной связи [1].

Копинг выполняет две основные функции: справляется с проблемой, вызывающей дистресс (совладание с проблемами) и регулирует эмоции (совладание с эмоциями).

Когнитивная оценка и копинг - это транзакционные переменные, под этим подразумевается, что они относятся не к среде или только к человеку, а к интеграции этих факторов в данную транзакцию. Оценка угрозы является функцией определенного набора условий окружающей среды, которые оцениваются конкретным человеком с определенными психологическими характеристиками.

В российских исследованиях можно найти несколько методик, которые используются для изучения совладающего поведения. Это, например, «Индикатор стратегий преодоления стресса (Ялтонский В.М., 1995) и «Опросник для изучения копинг-поведения» (Карвасарский Б.Д., 1999).

При этом отмечают, что данные методики могут быть применены только в ситуации экспресс-диагностики так как имеют ряд недостатков вследствие недостаточной стандартизации и адаптации на российской выборке [1].

Опросник «Стратегии совладающего поведения» («Ways of Coping Questionnaire») Р. Лазаруса и С. Фолкман широко применяется в зарубежных работах и прошел стандартизацию и адаптацию на российской выборке.

Кроме того, он позволяет в наибольшей мере дифференцировать преобладающие стратегии в совладающем поведении [1].

Опросник разработан на основе транзактной модели совладания со стрессом Лазаруса. Первая методическая работа, которая легла в основу этого опросника – методика «Контрольный перечень способов копинга» (Ways of Coping Checklist), состоящая из 68 утверждений. Данный опросник неоднократно подвергался пересмотру и в последней редакции состоял из 66 пунктов-утверждений, образующих 8 шкал [7].

В российских исследованиях, как правило, используется вариант опросника из 50 пунктов, которые были выделены при исследовании конструктивной валидности методики [7].

Эти пункты-утверждения составляют 8 шкал, которые были выявлены в первом варианте опросника:

1. Конфронтация;
2. Планирование решения;
3. Дистанцирование;
4. Самоконтроль;
5. Поиск социальной поддержки;
6. Принятие ответственности;
7. Бегство-избегание;
8. Положительная переоценка.

Попытка адаптации опросника на российской выборке предпринималась Т.Л. Крюковой в 2007 г., однако было отмечено, что, несмотря на проводимую опросником дифференциацию личностей, по-разному проявляющих себя в стрессовых ситуациях, выявленные низкие психометрические показатели указывают на то, что данную методику следует применять только совместно с другими качественными методами [3].

Затем методика была стандартизирована и адаптирована на российской выборке в лаборатории клинической психологии им. В.М. Бехтерева в 2009 г [1].

Опросник состоит из 50 пунктов-утверждений, соответствующих определенному способу поведения в стрессовой ситуации, которые объединены в 8 шкал согласно основным копинг-стратегиям (дистанцирование, поиск социальной поддержки, конфронтация, самоконтроль, бегство-избегание, принятие ответственности, планирование решения, положительная переоценка). Испытуемый должен оценить каждый из пунктов, опираясь на частоту использования данного типа поведения, по 4-балльной шкале (никогда-редко-иногда-часто).

Шкала «Конфронтация» отражает стратегию копинг-поведения, при которой решение проблемы достигается путем поведенческой активности, которая не всегда

направлена на нужную цель и выражается в производстве некоторых конкретных действий для изменения ситуации или отреагировании негативных переживаний, которые возникают в связи с данной затруднительной ситуацией. Данная копинг-стратегия проявляется в импульсивном поведении, упорстве, враждебности и конфликтности, затруднениях при планировании и прогнозировании, а копинг-действия лишь позволяют сбросить эмоциональное напряжение, но утрачивают целенаправленность. У копинг-стратегии «Конфронтация» есть положительная сторона, которая заключается в способности к активному противодействию в стрессовой ситуации. Но при этом негативной характеристикой является отсутствие целенаправленности действий, что в итоге приводит к тому, что данная стратегия часто воспринимается как неадаптивная. Но при уместном и гибком использовании она позволяет энергично сопротивляться трудностям и отстаивать собственную позицию.

Стратегия «Планирование решения проблемы» заключается в преодолении проблемной ситуации за счет оценки возможных выходов из конфликта и всестороннего анализа происходящего, продумывания стратегии поведения и планирования (с учетом прошлого опыта и доступных ресурсов). Негативными проявлениями стратегии планирования решения проблемы можно назвать сниженную спонтанность и эмоциональность вследствие повышенной рациональной составляющей. Эта стратегия большинством исследователей оценивается как наиболее адаптивная за счет сосредоточения внимания и сил на планомерном разрешении трудностей.

Копинг-стратегия «Дистанцирование» заключается в субъективном понижении значимости стрессового события и уровня эмоциональной включенности личности, что помогает справиться с негативными эмоциями путем использования рационализации, обесценивания, отстранения и переключения внимания. Негативным последствием использования данной стратегии является риск обесценивания своих чувств и эмоций, а также нереалистичная оценка своих возможностей для выхода из трудной ситуации.

Шкала «Самоконтроль» показывает стратегию, которая заключается в подавлении своих чувств и эмоций, проявлении самообладания и контроля за своими действиями, за счет чего достигается снижение влияния негативных переживаний в стрессовой ситуации.

При выраженном преобладании данной стратегии проявляется стремление скрывать свои переживания перед другими в ситуации стресса, что связано с нежеланием раскрываться, повышенной требовательностью и сверхконтролем над самим собой.

«Поиск социальной поддержки» - это стратегия, на-

правленная на привлечение сторонних ресурсов для разрешения фрустрирующей ситуации, которая может проявляться в поиске новой информации относительно стрессовой ситуации, обращении за эмоциональной (советы, внимание, сочувствие) и действенной помощью к другим людям. Положительной характеристикой стратегии поиска социальной поддержки является возможность использования внешних ресурсов, негативным последствием чего может являться закрепление зависимого положения.

Стратегия «Принятие ответственности» отражает принятие личностью своей роли и ответственности в выходе из стрессовой ситуации. Позитивной стороной этой стратегии является понимание взаимосвязи собственных действий и их последствий в возникшей трудной ситуации, что позволяет реалистично оценивать свои возможности, поведение и причины возникновения затруднений. Но при чрезмерном преобладании данной стратегии могут возникнуть необоснованная самокритика и самообвинение, чувство неудовлетворенности собой и вины.

Стратегия «Бегство-избегание» предполагает реагирование в стрессовой ситуации по принципу уклонения за счет отвлечения, отрицания и фантазирования. В острых стрессогенных ситуациях и краткосрочной перспективе эта стратегия может использоваться достаточно успешно, но в целом большинством исследователей она относится к неадаптивным. В поведенческом плане данная стратегия может проявляться в пассивности, переедании, употреблении психотропных веществ, что помогает личности избежать или снизить эмоциональное напряжение, имеет краткосрочный эффект и никак не способствует разрешению возникшей стрессовой ситуации.

Шкала «Положительная переоценка» отражает способ преодоления фрустрации за счет переоценки проблемы, ее положительного переосмысления с возможностью использования стрессовой ситуации для личностного развития. Стратегия положительной переоценки связана со стремлением к саморазвитию и философским взглядом, что может негативно сказаться на адекватной оценке собственных возможностей в возникшей ситуации [1].

Для оценки валидности и надежности опросника Л.И. Вассерманом была исследована ретестовая надежность на экспериментальной группе из 100 человек (тест применялся два раза в течение месяца), установлен коэффициент корреляции 0,84, что указывает на высокий уровень надежности.

При этом соответствие опросника современному представлению «копинга» и эмпирическим и концептуальным исследованиям подтверждает теоретическую содержательную и конструктивную валидность.

Вместе с тем, как указывает Л.И. Вассерман, для определения критериальной валидности проведенных исследований недостаточно в связи со спецификой исследуемого феномена, которая затрудняет проведение подобных работ [1].

Опросник «Стратегии совладающего поведения» может быть использован для определения специфики поведения различных групп испытуемых в ситуациях, которые воспринимаются как трудные и проблемные, требующие усилий по преодолению фрустрирующих обстоятельств.

Методика показана для решения вопросов профориентации и определения факторов психологической дезадаптации в ситуации стресса, особенно для профессий, связанных с работой в напряженных условиях. Кроме того, опросник может быть использован для оценки уровня эффективности психокоррекционных программ [1].

Л.И. Вассерман указывает на относительные противопоказания использования методики: возраст респондентов младше 14 и старше 60 лет, и общие для всех опросников противопоказания – установочное поведение и недостаточный уровень понимания смысла утверждений, представленных в методике [1].

Методика «Стратегии совладающего поведения» в адаптации Л.И. Вассермана результативно применялась на различных группах испытуемых: военнослужащих, лицах с заболеваниями кишечника для исследования особенностей адаптации, больных сахарным диабетом, пациентах с невротическими и соматоформными расстройствами и расстройствами адаптации [1], сотрудников правоохранительных органов [2], подростков с различным уровнем готовности к профессиональному выбору [4] и пр.

Таким образом, адаптация и стандартизация методики «Стратегии совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман была проведена успешно, а эффективность подтверждена многочисленными исследованиями различных групп испытуемых. В связи с этим использование данного опросника в дальнейших исследованиях особенностей копинг-стратегий представляется эффективным, быстрым и всесторонним средством диагностики специфики поведения личности в трудных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вассерман Л.И. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов. Санкт-Петербург. 2009. 38 с.
2. Капустина В.А., Репп О.А. — Специфика проявления копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов, работающих в разных условиях // Психология и Психотехника. – 2018. – № 1. – С. 91 - 96.
3. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул. 2007. 67 с.
4. Платонов А.Л., Живаева Ю.В. Копинг стратегии как фактор развития (формирования) профессионального выбора. Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: материалы III-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 24-25 ноября 2016 г.) / гл. ред. И. О. Логинова. – Красноярск: Версо, 2016. С. 409-418.
5. Folkman S., Lazarus R., Dunkel-Schetter C., DeLongis A., Gruen R. Dynamics of stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V.50. P.992-1003.
6. Folkman S., Lazarus R., Gruen R., DeLongis A. Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. No. 3. P. 571-579.
7. Folkman S., Lazarus R.S. Manual for the Ways of Coping Questionnaire. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1988.

© Бобровская Елена Фаимовна (babrovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ЖЕНЩИН ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРЕРЫВА В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Булаш Наталья Викторовна

Преподаватель, Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации
natalya@bulash.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CAREER COUNSELING FOR WOMEN AFTER A LONG BREAK IN WORK

N. Bulash

Summary: Relevance. The article explores the psychological characteristics of career counseling for women after a long break in work. The definition of these features in the future can help in the development of secondary adaptation programs for this category of workers. The aim of the study was to conduct a comparative analysis of several diagnostic methods to determine adaptive and motivational factors and to reveal the dependence of these manifestations on the degree of emotional comfort using the example of an experimental group of respondents.

The purpose of the research. Make a comparative analysis of several diagnostic methods to determine adaptive and motivational factors and identify the dependence of these manifestations on the degree of emotional comfort using the example of an experimental group of respondents.

The objectives of the research. The objective of this work was to investigate the main psychological factors affecting the career motivation of this category of women in a job search situation after a long break. This study was conducted among women participating in the Women's History Nonprofit Social Project. In the process of the study, a pattern was found between the imbalance of emotional comfort in one direction or another and the successful process of finding a job, and factors were identified that influence the success of the job search process - psychological and social support.

The results of the research. Identification of the psychological characteristics of career counseling for this category of women, which are aimed at creating differentiated programs for the adaptation of women after a long break in work.

Keywords: career counseling, labor psychology, secondary adaptation, emotional comfort, support for employment.

Аннотация: Актуальность выбранной темы. В статье исследуются психологические особенности карьерного консультирования женщин после длительного перерыва в трудовой деятельности. Определение данных особенностей в дальнейшем может помочь в разработке программ вторичной адаптации для данной категории работников.

Цель исследования. Сделать сравнительный анализ нескольких диагностических методик для определения адаптационных и мотивационных факторов и выявить зависимость этих проявлений от степени эмоционального комфорта на примере экспериментальной группы респондентов.

Задачи исследования. Задача данной работы было исследовать основные психологические факторы, влияющие на карьерную мотивацию данной категории женщин в ситуации поиска работы после длительного перерыва. Данное исследование проводилось среди женщин, участвующих в Некоммерческом социальном проекте «Женские истории». В процессе исследования выявлена закономерность между дисбалансом эмоционального комфорта в ту или иную сторону и успешным процессом поиска работы, а также были определены факторы, влияющие на успешность процесса поиска работы - психологическая и социальная поддержка.

Результаты исследования. Выявление психологических особенностей карьерного консультирования данной категории женщин, которые направлены на создание дифференцированных программ адаптации женщин после длительного перерыва в работе.

Ключевые слова: карьерное консультирование, психология труда, вторичная адаптация, эмоциональный комфорт, сопровождение трудоустройства.

В современном мире понятие карьеры значительно расширило свое определение, и, кроме профессиональной деятельности, охватывает все основные вехи жизненного пути человека, включая его самореализацию [20].

С учетом развития научно-технического прогресса и неоднократной смены государственно-экономического строя, изменилась и социальная роль женщины в современном обществе, и понятие карьеры женщины, кроме

общепринятого социального статуса жены и домохозяйки, теперь рассматривается как один из факторов современного бизнес-сообщества. Очередная волна мирового экономического кризиса и одновременного демографического провала на рынке труда, как ни странно, значительно повысило значимость женщины, как работника, в оценке со стороны работодателей. Именно поэтому многие зарубежные компании используют программы поддержки и адаптации женщин после длительного перерыва в работе, например после декрета.

В современной России точно так же набирают обороты госпрограммы поддержки женщин с детьми, однако они, в основном, направлены на возобновление профессиональных знаний, и практически не уделяется внимание тому, как реализует женщина эти знания, какие факторы оказывают влияние на ее дальнейшее трудоустройство и развитие карьеры.

Само понятие карьерное консультирование, как один из видов консалтинговых услуг, достаточно новое и многогранное для российского рынка понятие, которое содержит в себе элементы профориентации, маркетингового анализа и экспертной оценки по рынку труда, алгоритмов системного анализа, разработку стратегических планов и тактических действий, навыки использования психодиагностических методик и дальнейшего психологического сопровождения клиента.

Карьерное консультирование более конкретно в целеполагании, в отличие от психологического, и решает конкретные задачи, исходя из клиентского запроса, при этом, не смотря на взаимодействие с личностью и работой с его целями, мотивацией и оценкой действий, карьерное консультирование, в отличии от психологического консультирования, не ставит перед собой целью изменить саму личность но, несомненно, оказывает на нее влияние[8]. Карьерное консультирование достаточно персонифицировано, и одни и те же методы и техники могут быть неэффективными при определенной численности группы. Однако, существуют определенная система управления карьерой с набором инструментария, ко-

торая и помогает индивиду построить свой карьерный путь.

В процессе работы в формате карьерной консультации, очень важно оценивать совокупность всех факторов, определяющих успешность построения карьеры, и выделить причинно-следственные связи успеха и неудач не только в карьере, но и в других взаимовлияющих сферах жизнедеятельности[8], особенно если карьерное консультирование касается женщин, находящихся в поиске работы после длительного перерыва. В рамках данного исследования попробуем выявить мотивационные факторы данной категории женщин, которые будут являться для них главными при выборе работодателя и условий работы, и соответственно, определить особенности успешного взаимодействия работодателя с данной категорией работников.

В исследовании принимали участие респонденты, из числа участниц Некоммерческого социального проекта «Женские истории», которые были выбраны по сходим биографическим, социально-географическим и профессиональным параметрам (место жительства-Москва, высшее образование, семейное положение- в разводе, не менее 3-х лет общий стаж работы, линейная категория должности в офисе, более 6 лет длительный перерыва в работе. Для оценки качественного и количественного анализа полученных данных, и их статистической обработки были использованы отечественные и зарубежные методики оценки и консультирования.

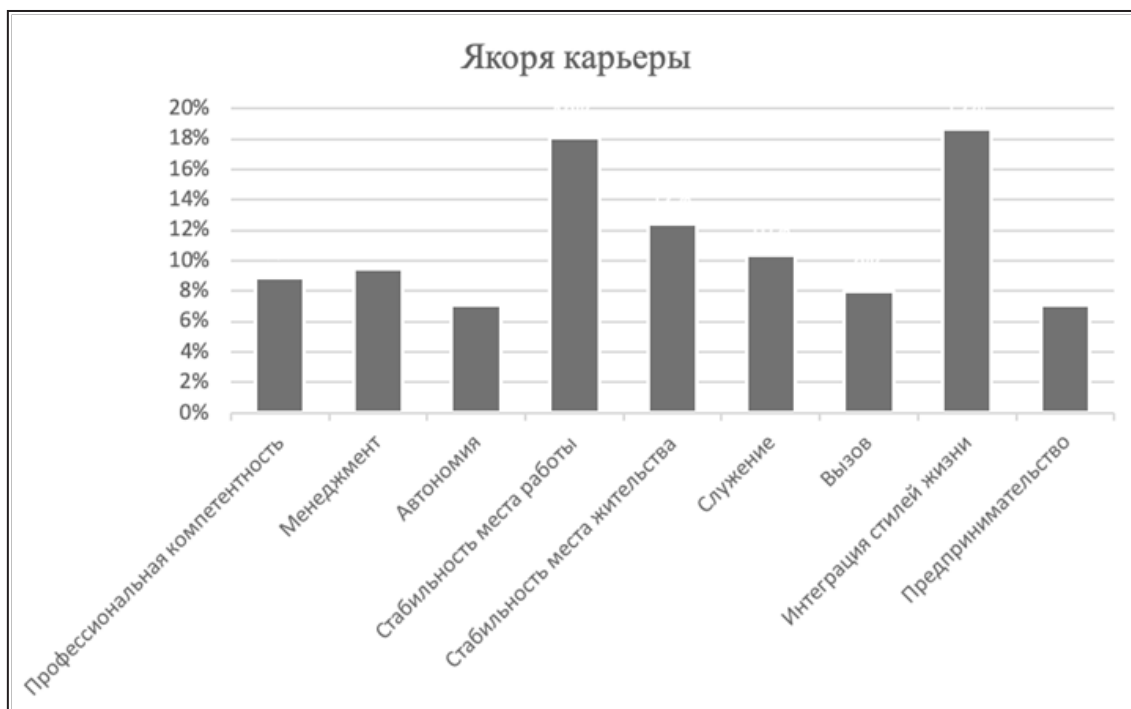

Рис. 1. Данные респондентов по опроснику Якоря карьеры Э. Шейна

Оценивая полученные результаты испытуемых по опроснику «Якоря карьеры» Э. Шейна [17], мы видим, что в исследуемой группе большинство испытуемых выявили наибольшие значения в показателях «Интеграция стилей жизни» и «Стабильность места жительства», а наименьшие показатели - «Автономия» и «Вызов» (Рисунок №1).

При анализе данных результатов по опроснику Социально-психологической адаптации Даймонда-Роджерса, выявлены одинаковые значение минимума и максимума в Интегральном показателе «Эмоциональный комфорт», где показатель уровня минимального эмоционального комфорта и максимального эмоционального дискомфорта выявлен у 29% респондентов по каждому показателю, что указывает на определенный эмоциональный дисбаланс, при котором 1/3 респондентов находится в состоянии наивысшего эмоционального подъема, срав-

нимым с состоянием экзальтации, в то время как другая треть группы респондентов находится в состоянии эмоционального спада, сравнимым с депрессивным состоянием (Рисунок №2).

Такая нестабильности в оценке эмоционального комфорта респондентов, обусловлено текущей стрессовой ситуацией поиска работы после длительного перерыва в трудовой деятельности, и не смотря на высокий показатель Адаптации, Принятия себя и Принятия других, испытуемые находятся в новом для себя качестве- соискателей на рынке труда, и могут быть настроены как излишне оптимистично по отношению к текущей ситуации, так и излишне пессимистично.

Анализ опросника «Шкала удовлетворенности карьерой» Карпинский-Гижук [10] было необходимо в качестве подтверждения гипотезы о том, что положительная

Показатель / % респондентов	Высокое значение	Норма	Низкое значение
Интегральное значение Адаптация	57%	28%	14%
Интегральное значение Самопринятие	43%	43%	14%
Интегральное значение Принятие других	43%	57%	0%
Интегральное значение Эмоциональный комфорт	43%	14%	43%
Интегральное значение Интернальность	57%	43%	0%
Интегральное значение Склонность к доминированию	29%	43%	29%
Эскапизм (Уход от проблем)	29%	57%	14%

Рис. 2. Данные респондентов по опроснику СПА Даймонда-Роджерса

	Я вполне доволен(а) тем, как складывается моя карьера	Мне кажется, что я пока еще не сумел(а) достичь профессионального успеха	В настоящее время моя профессиональная жизнь близка к той, о которой я мечтал(а)	В целом я удовлетворен(а) своими достижениями в профессии	Если бы представилась такая возможность, я бы совершенно по-другому построил(а) свою профессиональную карьеру
Среднее значение баллов по группе респондентов	11	11	11	12	12

Рис. 3. Данные респондентов по опроснику «Шкала удовлетворенности карьерой» Карпинский-Гижук

оценка прошлой карьеры влияет на степень эмоционального комфорта в изначально стрессовой ситуации поиска работы после длительного перерыва (Рисунок №3).

Фактор длительного перерыва в профессиональной деятельности оценивается испытуемыми как понижающий фактор будущих перспектив, что нашло отражение в результатах опроса на нижней границе среднего значения. Наименьшее количество баллов было по вопросам, связанным с вариантами реализации карьеры в будущем и невозможности изменения карьеры в прошлом. Так же прослеживается закономерность в удовлетворительной оценке прошедших событий в карьере как показателю личностного успеха, что вполне соотносится с высокими показателями «Самопринятие» и «Интернальность» из опросника СПА Роджерса-Даймонда.

Анализ результатов индивидуального карьерного консультирования [8] был завершающим этапом в текущем исследовании, и ставил перед собой несколько целей:

- Подтверждение данных по каждой испытуемой в виде оценки ее психоэмоционального состояния;
- Системную оценку психологических особенностей консультирования женщин после длительного перерыва в карьере.

В результате проведенных консультаций с помощью наблюдения, активного слушания и фиксации слов испытуемых, было выявлено косвенное подтверждение полученных данных по трем используемым методикам, а также определена психологическая особенность карьерного консультирования данной категории клиентов.

В ходе проведения консультаций 57% испытуемых поделились своим страхом проявить профессиональную некомпетентность на работе и не оправдать ожидания работодателя, 71% испытуемых заявили, что испытывают тревогу в связи с изменениями привычной жизни (график работы, расписание жизни семьи и привычного уклада)

Первичный «положительный импульс» со стороны психолога-консультанта, который направлен на поддержку-отмечают 94% респондентов.

Заключение

Факторы успеха и неудач в карьере женщин в большей степени зависят от степени эмоционального комфорта и положительной самомотивации, особенно в стрессовой ситуации поиска работы после длительного

перерыва. В процессе исследования выявилась закономерность между дисбалансом эмоционального комфорта в ту или иную сторону и успешным процессом поиска работы. Те респонденты, которые показали высокие показатели (экзальтированный эмоциональный комфорт) терпели неудачи при поиске работы, так как не смогли оценить свои реальные возможности и соотношение текущих требований к своим компетенциям после длительного перерыва в трудовой деятельности, а также заранее строили планы по трудоустройству, что привело к дальнейшему резкому эмоциональному спаду и эффекту «снежного кома».

Респонденты с низким уровнем эмоционального комфорта изначально находились в тревожном состоянии, с пессимистичным взглядом на перспективы своего трудоустройства после длительного перерыва, что настраивало их на неудачи, аккумулировало память и акцентировало внимание только на неудачных примерах.

В процессе проведения исследования, были определены факторы, влияющие на успешность процесса поиска работы женщин после длительного перерыва в профессиональной деятельности- психологическая и социальная поддержка,

В виду того, что после потери работы чаще всего теряются многие социальные и эмоциональные связи с коллегами, то человек невольно теряет связь и с рабочими процессами по своей деятельности, и с пониманием «внутренней кухни» своего сегмента рынка труда. Если же поиск работы растягивается на продолжительное время, особенно если кандидат выходит в поиск работы после длительного временного перерыва, то ситуация усугубляется состоянием тревожности и неуверенности в своих силах. Эти состояния достаточно легко определить по поведению кандидата: он занижает свои финансовые притязания, соглашается на первое попавшееся предложение, боится прохождения испытательного срока и нового поиска работы и т.п.

При создании проектов, включающих программы карьерного консультирования и сопровождения женщин после длительного перерыва в работе, необходимо разрабатывать дифференцированные и многоуровневые адаптационные программы как со стороны государства на федеральном уровне, так и со стороны организаций, на локальном уровне, которые будут направлены на психологическое сопровождение и открытую коммуникацию, так как от этих мер будет зависеть сбалансированное состояние эмоционального комфорта, и как следствие, быстрая адаптация для данной категории работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гижук Т.В. Психологические механизмы и закономерности саморегуляции профессиональной карьеры личности // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы*. Сер. 3. 2014. No 1 (171). С. 156–161.
2. Гижук Т.В. Субъективная картина карьеры как психический образ: содержание, структура, функции // *Веснік Брэсцкага універсітэта*. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2015. No 1. С. 133-137.
3. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
4. Дубиненкова, Е.Н. Карьерное консультирование: метод. указания Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2010, 48 с.
5. Карпинский, К.В. Шкала удовлетворенности карьерой: разработка и психометрическая апробация / К. В. Карпинский, Т. В. Гижук // *Теоретическая и экспериментальная психология*. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 101-116.
6. Карпинский К.В. Психология профессиональной успешности: моногр. / К.В. Карпинский Т.В. Гижук.–Гродно:ГрГУ,2017. –169с.
7. Карпинский, К.В. Психическая регуляция карьеры и профессиональная успешность личности / К.В. Карпинский, Т.В. Гижук // *Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии* / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 478–490.
8. Карпинский К.В., Гижук Т.В. Субъективные критерии профессиональной успешности // *Ананьевские чтения – 2014: Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: материалы научной конференции, 21–23 октября 2014 г.* / отв. ред. Г.С. Никифоров. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 11-13.
9. Кочунас Р. Психологическое консультирование: Учебное пособие для вузов- Москва: Академический проспект, 2010., 222с.
10. Ломакина Т.Ю., Таппасханова М.А., Сергеева М.Г. Система поддержки карьеры различных категорий населения в контексте непрерывного развития личности: моногр.-Москва Издательский центр АНОО «ИЭТ», 2013.-228с.
11. Мальцева, Т.В. Психологическое консультирование личности в процессе профессионализации: учебное пособие / Т.В. Мальцева, И.Е. Реуцкая, В.Е. Петров. — Москва РИОР: ИНФРА-М, 2020. — (Высшее образование). — 136 с.
12. Мударисов А.А. Сиягин Ю.В. Личностно-профессиональное развитие и карьера: траектории взаимовлияния- Москва:Издательство ИТРК, 2016.-192с.
13. Практикум по психологии профессиональной деятельности и менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриева, В.М. Снеткова. — СПб., 2001.
14. Осницкий, А.К. Определение характеристик социальной адаптации / А.К. Осницкий // *Психология и школа*. — 2004. — №1. — С.43-56
15. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2013.
16. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение/ Н.С. Пряжников. —М.:МОДЭК,1996.-256с.
17. Пряжникова, Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник для бакалавров Москва:Издательство Юрайт, 2016.,520 с.
18. Толочек В.А. Современная психология труда. СПб.: Питер, 2005.
19. Толочек В.А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен.-М.:Изд-во «Институт психологии РАН»,2017.-262с.
20. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. С.193-197.
21. Brown D. & Brooks L. (1991). *Career counseling techniques*. Boston: Allyn & Bacon.
22. Krumboltz J.D. (1994). Integrating career and personal counseling. *Career Development Quarterly*, 42, 143-148.
23. McGoldrick M. & Gerson R. (1985). *Genograms in family assessment*. New York: Norton
24. Rogers, Carl R., and Rosalind F. Dymond, eds. *Psychotherapy and Personality Change: Coordinated Research Studies in the Client-Centered Approach*. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
25. Roe A. & Lunneborg R.W. (1991). Personality development and career choice. In D. Brown L. Brooks & Associates (Eds.), *Career choice and development: Applying contemporary theories to practice* (2nd ed., pp. 68-101). San Francisco: Jossey-Bass.
26. Sampson J.R, Jr. & Reardon R.C. (1990). *Enhancing the design and use of computer-assisted career guidance systems*. Alexandria, VA: American Counseling Association.

© Булаш Наталья Викторовна (natalya@bulash.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Воронин Анатолий Николаевич

Д.псих.н., г.н.с., ФГБУН «Институт психологии РАН»
(Москва),
voroninan@bk.ru

Горюнова Наталья Борисовна

К.псих.н., с.н.с., ФГБУН «Институт психологии РАН»
(Москва),
nat-goryunova@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SITUATION AS DETERMINANTS OF EMPIRICAL RESEARCH²

**A. Voronin
N. Goryunova**

Summary: The article analyzes the psychological aspects of the situation as an important part of a holistic system of human behavior. Situational signals as external environmental stimuli are filtered, evaluated and associated with meaning through explicit and implicit processing of information that depends on personal aspects. The article sets out the principles for studying situational factors, describes various approaches to creating typologies of psychological characteristics of situations, and presents their most popular taxonomies. The most popular tests for assessing real and experimental situations are described.

Keywords: environment, situation, psychological characteristics of the situation, situational taxonomies, situation assessment tests.

Аннотация: В статье анализируются психологические аспекты ситуации как значимой части целостной системы поведения человека. Ситуационные сигналы как внешние стимулы окружающей среды фильтруются, оцениваются и связываются со смыслом посредством явной и неявной обработки информации, которая зависит от личных аспектов. В статье изложены принципы исследования ситуационных факторов, описаны различные подходы к созданию типологий психологических характеристик ситуации и представлены их наиболее популярные таксономии. Описаны наиболее популярные тесты оценки реальных и экспериментальных ситуаций.

Ключевые слова: окружающая среда, ситуация, психологические характеристики ситуации, ситуационные таксономии, тесты оценки ситуации.

Сложный и разноплановый современный мир ставит перед человеком множество проблем, которые могут быть описаны как взаимодействие психологических ресурсов и окружающей среды. Контролируя параметры окружающей среды (или управляя ими) можно моделировать проблемы взаимодействия и наблюдать за поведением человека в реальных условиях. Опишем основные параметры окружающей среды:

1. *сложность* (многие аспекты ситуации должны приниматься во внимание одновременно);
2. *взаимосвязанность* (различные аспекты ситуации зависят друг от друга и поэтому не могут контролироваться отдельно);
3. *непрозрачность* (только часть соответствующей информации предоставляется для решения проблемы);
4. *динамика* (изменения в системе происходят без вмешательства агента);
5. *политика* (решатель проблемы должен одновременно преследовать несколько целей, которые могут противоречить друг другу);

6. *неопределенность* (цели сформулированы нечетко и должны быть более точно определены в процессе решения) [6].

Окружающая среда для отдельного человека представлена ситуацией. При этом допускается, что существует «объективная» реальность, а субъективная интерпретация «объективной ситуации» представляет собой консенсус социально компетентных наблюдателей [17]. Ситуационные сигналы как внешние стимулы окружающей среды фильтруются, оцениваются и связываются со смыслом посредством явной и неявной обработки информации, которая зависит от личных аспектов (черт, социальных ролей, целей, знаний и т.д.), которые определяют отбор и интерпретацию ситуационных сигналов, обеспечивая проксимальные конструкции или репрезентации психологической ситуации [13].

Психологически ситуации не имеют четких границ, динамически изменяются, не существуют без субъекта восприятия и могут быть описаны по аналогии с личностными чертами, признаками или качествами, то есть

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00495 «Эмпирическая верификация структурно-функциональной модели когнитивного ресурса».

2 The study was funded by RFBR according to the research project № 20-013-00495

«объективным» ситуационным характеристикам приписываются некоторые качества, которые охватывают психологически значимые аспекты. Гипотетически, восприятие ситуации может обеспечиваться теми же когнитивно-аффективными процессами, что и восприятие человека. Таким образом, содержательные аспекты, включенные в таксономию личностных качеств, могут также проявляться в восприятии ситуаций [1]. Идентификация значимых характеристик осуществляется на уровне классификации психологического содержания с помощью дескрипторов, которые объединяют многочисленные объективные нюансы ситуации. В любом случае исследования ситуационных факторов базируется на нескольких основных принципах:

1. принцип обработки информации (релевантны только психологически значимые аспекты ситуации),
2. принцип реальности (наличие общих и специфических физических параметров ситуации),
3. принцип циркулярности (сопоставление физических параметров ситуации и особенностей восприятия, то есть переменная «ситуация» должна быть опосредована переменной «человек») [9;12].

В соответствии с этими принципами были разработаны пять таксономий (DIAMONDS, SAAP, CAPTION, Ситуация 5, SIS) с различными пулами заданий, выборками и методами анализа данных [7]. Все они имеют некоторые концептуальные и эмпирические сходства с факторами Big5. Можно предположить, что перцептивная система человека настраивалась в ходе эволюции на восприятие определенной жизненно важной информации. Поскольку пятифакторная модель личности отражает структуру социального восприятия, а многие ситуации носят социальный или межличностный характер, мы можем ожидать частичного совпадения личностных и ситуационных факторов.

Все современные ситуационные таксономии фокусировались на психологически важных характеристиках ситуации [5;8]. Однако оценка ситуаций по воспринимаемым характеристикам имеет недостатки, так как дисперсия оценочных рейтингов обусловлена не только влиянием ситуации, но и субъективностью воспринимающего. Согласно Руатман и Галардо, наиболее востребованными таксономиями ситуаций оказались модель Ван Хека, охватывающая набор сред, и модель DIAMONDS, описывающая контексты, связанные с личностью [14]. Модель ситуационных классов Ван Хека – это преимущественно таксономия среды, в которой происходят ситуации (межличностные конфликты, совместная работа и обмен информацией, близость и межличностные отношения, отдых, путешествия, ритуалы, спорт, сфера услуг и торговля и т.д.). Модель DIAMONDS измеряет восемь лично-значимых контекстов: долг, интеллект, невзгоды, сексуальные отношения, позитивность, негативность, хитрость и общительность.

С эволюционной точки зрения правильное восприятие «реальности» (согласованное с другими) имеет очевидную адаптивную ценность. Восприятие ситуаций таким же образом, как это делают большинство других, должно было служить адаптивным целям в филогенезе (например, перемещения в окружающей среде, эффективная коммуникация, групповая координация и т.д.). Таким образом, характеристики психологической ситуации обретают социальную реальность, будучи единообразно воспринятыми, что означает, существенное согласие в оценках ситуации [16].

Так как поведение определяется множеством параметров, которые варьируются в зависимости от ситуации и времени, то для объяснения изменчивости необходимы не только личностные характеристики, но и знания о ситуациях [2]. Согласно объективному подходу, элементы, составляющие ситуацию, присутствуют независимо от наблюдателя или участника, поэтому ситуативные сигналы часто используют в экспериментальном дизайне в качестве независимых переменных [9]. Однако существуют аргументы против оценки ситуаций с помощью ситуативных сигналов: во-первых, в одной и той же ситуации не каждый сигнал воспринимается каждым человеком и во-вторых, даже если сигнал может быть воспринят всеми, возможны разные интерпретации [1]. Именно поэтому субъективный подход становится приоритетным в научных исследованиях, фокусируясь на том, как человек воспринимает ситуацию через субъективный опыт, включающий то, как он думает, чувствует, хочет и действует.

В разных исследованиях обнаруживаются несколько факторов, характеризующих ситуации [10]:

- *Угроза*. Воспринимаемая угроза, исходящая из внешних источников, не обязательно физическая по природе (например, критика). В зависимости от способности справиться с этими внешними силами ситуация может восприниматься как негативная (обременительная) или положительная (в плане возможностей). Хотя большинство угроз воспринимаются как негативные или стрессовые, некоторые люди склонны активно искать подобные ситуации, чтобы получить положительный опыт (поиск острых ощущений) или рассматривать их как «вызывающие», дающие возможность преодоления и развития.
- *Стресс и напряжение*. Человек, оценивающий ситуацию как стрессовую, уже испытывает негативные чувства, для преодоления которых могут потребоваться дополнительные ресурсы. В отличие от угроз, стрессовые ситуации более сфокусированы на внутренних причинах (например, тревога).
- *Задачи*. Ситуации, в которых необходимо выполнить работу (решить задачу), от результатов которой зависит будущее. В таких ситуациях часто

важны незначительные детали и довольно высокая цена ошибок. Эти ситуации требуют выполнения задачи, работы или обязанностей.

- *Обработка информации.* Ситуации, задающие высокие требования к когнитивным процессам (мышлению, анализу, интеллекту), могут варьироваться от простого воспроизведения знаний до сложного решения проблем, включая философские или политические дискуссии.
- *Социальная позитивность.* Более широкая категория, охватывающая социальные ситуации, требующие присутствия других людей, имеющая положительную направленность. Большинство повседневных действий социальны по природе, и поэтому разумно проводить различия между многочисленными аспектами социальных ситуаций.

В психологии ситуационные характеристики обычно делятся на их объективные и психологические аспекты. Объективная ситуация в значительной степени свободна от субъективной оценки, обычно определяется характеристиками того, **кто и какие объекты** присутствуют, **что, когда и где** происходит [14]. Психологические аспекты описываются общими оценочными характеристиками, приписываемыми объективной ситуации отдельным человеком. Подобно личностным характеристикам, психологические аспекты ситуации можно интерпретировать как воспринимаемые причинные качества, которые оказывают заметное влияние на элементы ситуации и действующих в ней лиц [1;9].

Также важно отметить, что люди по-разному оценивают одну и ту же ситуацию: один может воспринимать ее как «стрессовую» и «утомительную», в то время как другой эту же ситуацию рассматривает как «юмористическую» и «продуктивную». Характеристики психологической ситуации – это не просто индивидуальные различия в представлениях. Опыт отдельного человека в ситуации состоит как из общепринятого, согласованного восприятия ситуации, так и из его индивидуальных отклонений от них. Эти оценки психологических аспектов ситуации представляют собой генерируемые смыслом, оценочные компоненты ситуаций и теоретически являются ключевым механизмом, посредством которого объективные ситуации влияют на результаты деятельности и поведение [1;9].

Существенный вклад в исследование психологических характеристик ситуации был осуществлен в рамках экологического подхода. Он предполагал исследование поведения человека в реальных повседневных ситуациях (на рабочем месте, на спортивном мероприятии или во время путешествий). При этом исследования были ограничены как набором ситуаций, с которыми сталкиваются люди в повседневной жизни (ситуации, провоцирующие тревогу, межличностные ситуации и т.д.), так и набором характеристик (ситуативно-релевантные при-

лагательные, такие как «приятный», «сложный» и т.д.) для их интерпретации [18]. Основным преимуществом этого подхода является то, что он может предоставить подробную информацию о психологических характеристиках различных типов ситуаций, с которыми сталкиваются конкретные люди. Однако высокая вариация получаемых данных в зависимости от выборки и типа ситуации ограничивает возможности их обобщения и затрудняет получение широкой обобщающей психологической ситуационной таксономии.

Основным подходом к разработке ситуационной таксономии является лексический подход [1;18], согласно которому концепты кодируются и поддерживаются в языке, отражая психологически значимую информацию. Хотя лексический подход наиболее успешно использовался в психологии личности, он также применяется в ситуационной парадигме. Основным аргументом является то, что язык развивается как механизм для эффективной передачи информации об аспектах окружающей среды, которые полезны для выживания. Поэтому наиболее важные характеристики, которые отличают одну ситуацию от другой, а также другие важные аспекты нашего окружения, такие как объекты, люди, вкусы, запахи и т.д., были закодированы и сохранены в лексиконе. Например, такие дескрипторы, как «хороший», «нежный», «уникальный», «чудесный» и «экстравагантный», могут использоваться как для описания человека, так и для описания еды (хорошо приготовленный стейк), ситуации (романтическое свидание) и многих других важных явлений. Таким образом, данные дескрипторы обеспечивают восприятие, обработку и реагирование на множество объективных ситуаций, с которыми мы сталкиваемся, поскольку они избегают детализации контента, признавая обобщения, охватывающие ситуации, опыт или поведение [1]. Так Паригон, Ву и др. идентифицировали лексический корпус ситуационных дескрипторов используемых в ежедневных коммуникациях [8]. Лексический корпус был разработан на базе данных SUBTLEXUS, включающей субтитры американских фильмов, снятых между 1900 и 2007 годами, и отражающей естественное, спонтанное лингвистическое использование, присутствующее в повседневных взаимодействиях. Лексическое пространство ситуационных психологических характеристик, построенное на этом лексическом корпусе, оказалось девятимерным:

1. положительная - отрицательная валентность;
2. вред и небезопасность;
3. нежность и романтика;
4. типичное или общее;
5. стабильность, упорядоченность и предсказуемость;
6. ясность, понятность и легкость;
7. когнитивная нагруженность;
8. энергозатратность и напряженность;
9. актуальность, значимость и полезность.

Хотя эти девять направлений оценки ситуации и представляли общее пространство содержания психологической ситуации, вопрос о том, являются ли некоторые меры отдельными или выступают как компоненты более крупных категорий, оставался дискуссионным. Дальнейшие исследования в рамках лексического подхода привели к созданию семикомпонентной модели CAPTION, представляющую собой интеграцию ситуационных характеристик на более широком уровне [8]:

1. Компонента «Сложность» (дескрипторы: аналитический, академический, научный, учебный, комплексный, технический, сложный, интеллектуальный, образовательный) позволяет выделить эмоционально и когнитивно сложные ситуации. Ситуационная сложность положительно связана с проявлением интеллекта и добросовестностью.
2. Компонента «Невзгоды» охватывает ситуации, которые обычно истомяют и/или вызывают трудности и напряжение (дескрипторы: стрессовый, утомительный, разочаровывающий, назойливый, фрустрирующий, надоедливый, трудный, напряженный, изнурительный, беспокойный). В сопоставлении с Big5 этот конструкт определяет контексты, в которых может проявляться «нейротизм», характеризующийся раздражением и тревогой.
3. «Положительная валентность» оценивает степень позитивности ситуации (дескрипторы: согревающий, лелеемый, драгоценный, сентиментальный, любящий, ласковый, радостный, особенный, небесный, великолепный). Конструкт включает «близость», «межличностное тепло» и общую позитивность. Общая позитивность отражает положительную валентность ситуации, «близость» и «межличностное тепло» связаны с любовью и привязанностью. Данный конструкт положительно связан с доброжелательностью и экстраверсией и отрицательно с нейротизмом.
4. «Отрицательная валентность» оценивает ситуации с точки зрения негативных аспектов (дескрипторы: отталкивающий, подлый, злой, гротескный, мерзкий, бесчеловечный, зловещий, жуткий, неряшливый, жестокий). Данный конструкт не является противоположным полюсом положительной валентности, так как ситуации часто бывают амбивалентными. Отрицательная валентность положительно связана с нейротизмом и отрицательно с доброжелательностью.
5. «Типичность» характеризует степень отсутствия новизны и неоднозначности (дескрипторы: типичный, регулярный, стандартный, обычный, предсказуемый, общий, средний, нормальный, ординарный, без происшествий). Нетипичные ситуации считаются важными для проявления интеллекта (открытость новому опыту) и экстраверсии, добросовестности и других аспектов, включая развитие, отклонение от типичных про-

явлений и степень автоматизации поведения.

6. «Важность» отражает как общую значимость ситуаций, так и их непосредственное значение для достижения целей (дескрипторы: эффективный, пригодный, продуктивный, полезный, решающий, важный, ценный, существенный, выгодный, функциональный). Этот конструкт описывает ситуации, в которых может проявляться добросовестность (стремление к достижению, сосредоточенность и преданность делу).
7. «Юмор» отражает уровень беззаботности ситуации (дескрипторы: смешной, комичный, юмористический, глупый, тупой, забавный, игривый, веселый, пикантный, чокнутый). Валентность данного конструкта смешана, так как она охватывает как положительные аспекты юмористических ситуаций («забавный», «игривый»), так и отрицательные («тупой», «глупый»). Это, вероятно, отражает тот факт, что юмор можно использовать как конструктивно (для смягчения стрессовой ситуации), так и деструктивно (унижать, издеваться).

Прогностическая обоснованность модели CAPTION касается описаний личностно-значимого поведения, аффективных состояний и мотивации, которые представляют спектр наиболее фундаментальных психологических переменных [18;11].

Для оценки реальных и экспериментальных ситуаций было разработано несколько инструментов. Так тест ситуационных суждений (Situational Judgment Test – SJT) состоит из описаний ситуаций, связанных с работой, на которые участники должны реагировать, выбирая, ранжируя или оценивая варианты ответов с множественным выбором [15]. Полнота и точность оценки ситуации, тестируемая с помощью SJT, наряду с их личностными особенностями, когнитивными способностями, процедурными знаниями и другими качествами, являются хорошими предикторами продуктивности человека в реальном мире [16].

Другой оценочный инструмент (RSQ – Riverside Situational Q-Sort) был разработан для оценки психологически значимых свойств ситуаций, таких как присутствие авторитетной фигуры, поощрение или запрет на разговор и др. [12]. Этот инструмент позволяет количественно оценивать степень сходства или несоответствия между любыми двумя ситуациями и учитывать взаимодействие между человеком и ситуацией [3]. Оценочный характер психологических характеристик ситуаций имеет серьезные основания. Если стоит задача определить объективные характеристики ситуации (кто, что, когда и где), то оценочные психологические дескрипторы ситуации не должны использоваться, так как сущностью психологической ситуации являются психологически значимые, порожденные смыслом оценки объективной ситуации [12]. Люди не воспринимают ситуации как нечто объективное, а скорее, активно оценивают ситуации,

используя субъективный набор схем, целей, опыта и т.д.; невозможно удаление оценочного компонента психологической ситуации и такие параметры модели, как положительная и отрицательная валентность, невзгоды и т.д., будут оставаться оценочными по своей сути.

Не менее значим когнитивный аспект ситуационных характеристик, обобщенный в конструкт «ситуационная осведомленность». Ситуационная осведомленность (СО) – это знания, относящиеся к выполняемой задаче [4]. Например, пилоты должны знать состояние своего воздушного судна, окружающую среду, в которой оно летит, и взаимосвязи между ними. Ситуационная осведомленность имеет три уровня (восприятие элементов в окружающей среде, понимание текущей ситуации и проекция будущего статуса) и четыре типа показателей (производительность, субъективные оценки, моделирование и физиологические показатели). Наиболее известным инструментом оценки СО является методика SAGAT, разработанная для моделирования военного кокпита в режиме реального времени. Моделирование останавливается в случайные моменты времени, и операторам задают вопросы для определения их СО в данный кон-

кретный момент. Сравнение реальной и воспринимаемой ситуации дает объективную меру, которая рассчитывается с учетом процента правильных ответов. SAGAT чувствительна к различиям в информации, представленной во время моделирования, но не к сложности, что позволяет дифференцировать СО и рабочую нагрузку. Другим примером субъективной оценки СО является метод анкетирования SART, который концентрируется на измерении знаний оператора в трех аспектах: 1) требования к ресурсам внимания (нестабильность, сложность, изменчивость); 2) вклад ресурсов внимания (возбуждение, концентрация, распределение внимания, емкость пространства); 3) понимание ситуации (количество и качество информации) [4].

Ситуационные переменные играют существенную роль в понимании поведения человека и их учет при планировании и проведении эмпирических психологических исследований крайне важен. Таксономия ситуационных переменных и тестовые инструменты, разработанные на их основе, фокусируются на психологически важных характеристиках ситуации путем формирования значимого согласия в ее оценках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Edwards J.A., Templeton A. The structure of perceived qualities of situations // *Europ. J. Soc. Psychol.* 2005. 35. 705–723.
2. Fleeson W., Jayawickreme E. Whole trait theory // *J. of Research in Pers.* 2015. 56. 82–92.
3. Funder D.C. Taking Situations Seriously: The Situation Construal Model and the Riverside Situational Q-Sort // *Current Directions in Psychological Science*. 2016. Vol. 25(3). 203–208.
4. Gawron V.J. Human performance, workload, and situational awareness measures handbook. 2nd ed. CRC Press Taylor & Francis Group. 2008. 272 p.
5. Gerpott F., Balliet D., de Vries R.E. Thinking about interdependence: The Situational Interdependence Scale. Unpublished manuscript. 2017. 187 p.
6. Hogan R. Much ado about nothing: the person-situation debate // *J. Res. Pers.* 2009. 43. 249–267.
7. Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A. Measurement of situational influences // In V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (Eds.). *The SAGE handbook of personality and individual differences: The science of personality and individual differences*. 2018. 3, 465–484.
8. Parrigon S., Woo S.E., Tay L., Wang T. CAPTION-ing the situation: A lexically-derived taxonomy of psychological situation characteristics // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2017. 6, 87–102.
9. Rauthmann J.F. Structuring situational information: a road map of the many pathways to different situational taxonomies // *Europ. Psychol.* 2015. 20, 176–189.
10. Rauthmann J.F., Sherman R.A. The description of situations: Towards replicable domains of psychological situation characteristics // *J. Pers. Soc. Psychol.*, 2018. 114(3), 482–488.
11. Rauthmann J.F., Gallardo-Pujol D., Guillaume E.M., Todd E., Nave C.S., Sherman R.A., Ziegler M., Jones A.B., Funder D.C. The Situational Eight DIAMONDS: A Taxonomy of Major Dimensions of Situation Characteristics // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2014. 107. 677–718.
12. Rauthmann J.F., Sherman R.A., Funder D.C. Principles of situation research: towards a better understanding of psychological situations // *Targ. Article* 2015. 29. 363–381.
13. Reis, H.T. (). Reinvigorating the concept of situation in social psychology. *Pers. and Soc. Psychol. Review*. 2008. 12. 311–329.
14. Saucier G., Bel-Bahar T., Fernandez C. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables // *J. of Pers.*, 2007. 75. 479–504.
15. Schäpers P., Mussel P., Lievens F., König C.J., Freudenstein J.P., Krumm, S. The role of Situations in Situational Judgment Tests: Effects on construct saturation, predictive validity, and applicant perceptions // *J. of Applied Psychol.* Advance online publication. 2019. 4, 35–52.
16. Sherman R.A., Rauthmann J.F., Brown N.A., Serfass D.S., Jones A.B. The independent effects of personality and situations on real-time expressions of behavior and emotion // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2015. 109. 872–888.
17. Wagerman, S.A., Funder, D.C. Situations // In P.J. Corr and G. Mathews (Eds.) *Cambridge Handbook of Personality* / Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 27–42.
18. Yang Y., Read S.J., Miller L. The concept of situations // *Soc. and Pers. Psychol. Compass*, 2009. 3, 1018–1037.

© Воронин Анатолий Николаевич (voroninan@bk.ru), Горюнова Наталья Борисовна (nat-goryunova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

THE FORMATION OF SOCIAL INTERACTION SKILLS IN VISUALLY IMPAIRED PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH MENTAL RETARDATION

V. Kudryavtsev
L. Karaseva

Summary: The article considers approaches to the formation of social interaction skills in visually impaired primary school students with mental retardation. Based on the analysis of theoretical sources, the features of children's behavior in the team, the skills of social interaction are considered. The possibilities of using gaming technologies in the process of working with younger students with mental retardation are studied. The results of testing a psychocorrectional program for the formation of social interaction skills in these children are presented.

Keywords: visually impaired primary school students; mental retardation; social interaction; adaptation; conflict; behavior style.

Кудрявцев Владимир Александрович

К.псих.н., доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород
kudvol@yandex.ru

Карасева Лидия Александровна

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород
karasevalidiya95@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены подходы по формированию навыков социального взаимодействия у слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью. На основе анализа теоретических источников рассмотрены особенности поведения детей в коллективе, навыки социального взаимодействия. Изучены возможности использования игровых технологий в процессе работы с младшими школьниками с умственной отсталостью. Представлены результаты апробации психокоррекционной программы по формированию навыков социального взаимодействия у данных детей.

Ключевые слова: слабовидящие младшие школьники; умственная отсталость; социальное взаимодействие; адаптация; конфликт; стиль поведения.

Введение

Адаптированная основная общеобразовательная программа в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) главными критериями работы с такими детьми определяет развитие жизненных компетенций, навыков социального взаимодействия и повышение адаптивных возможностей таких детей в рамках социального взаимодействия.

Требования ФГОС ставят перед современной школой сложную задачу - создание оптимальных условий для всестороннего развития личности обучающегося, при этом большое внимание необходимо уделять развитию в социальной компетентности каждого ребёнка для его дальнейшей успешной социализации в обществе. Это касается в равной степени как обычных учащихся, так и детей с особыми образовательными потребностями.

Согласно статистическим данным количество детей с тяжелыми и множественными нарушениями в развитии (ТМНР) ежегодно увеличивается. Эта общемировая тенденция актуализировала потребность в создании развернутой и качественной системы помощи этой кате-

гории детей и их ближайшему социальному окружению [5]. Развитию навыков социального взаимодействия слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью в последнее время стало уделяться повышенное внимание, что обусловлено кардинальными изменениями государственной политики в сфере инклюзивного образования, предполагающей включение обучающихся с умственной отсталостью в общеобразовательную среду массовой школы.

Несформированность навыков социального взаимодействия у детей с умственной отсталостью, отягощенной нарушениями зрения, ставит перед ними серьезные препятствия личностного развития, значительно осложняет адаптацию таких детей. В особенности это актуально на первых этапах обучения ребенка в начальной школе, поскольку появление в это время конфликтов во взаимоотношениях со сверстниками в дальнейшем будет только усугубляться. Поэтому необходимость целенаправленной работы с детьми в период их обучения в начальной школе, особенно в неблагоприятных и трудных для них условиях, на данном этапе генезиса обладает большой значимостью.

Актуальность проблемы формирования навыков социального взаимодействия у слабовидящих младших

школьников с умственной отсталостью обусловлена также необходимостью поиска методов и приемов для эффективного преодоления дезадаптированности детей, оптимизации их отношений с педагогами и сверстниками.

Формулировка цели статьи

Полноценное развитие личности ребенка тесно связано с формированием у него адекватного уровня притязаний, осознания себя, своего «Я», объективной самооценки. В данной связи С.Д. Забрамная отмечает, что детям с умственной отсталостью отягощенной нарушением зрения, характерна заниженная самооценка, непоследовательность действий и неадекватность поведения, они не могут осознать свою роль в социальном взаимодействии и поэтому не понимают, как к ним относятся сверстники и взрослые [4].

Проблема формирования личности умственно отсталого школьника, навыков социального взаимодействия, является на сегодняшний день наименее разработанной. Так как таким детям свойственна замедленность и общее несовершенство усвоения определенных закономерностей и понятий, слабость мыслительных процессов, они довольно поздно и с трудом осваивают моральные ценности и нравственные категории, плохо или совсем не разбираются в вопросах общественного устройства. Понимание детей о том, что хорошо, а что плохо, в младшем школьном возрасте довольно несовершенны и поверхностны. Моральные ценности дети усваивают со слов родителей, педагогов, в некоторых случаях – из фильмов, при этом они редко способны действовать адекватно, в соответствии с этими нормами, равно как и использовать их, в соответствие с каждой конкретной ситуацией. В сложных ситуациях дети просто теряются и замыкаются в себе, из-за чего совершают неадекватные поступки, часто поддаются чужому влиянию.

В процессе работы с умственно отсталыми младшими школьниками педагог сталкивается с серьезными проблемами. Процесс образования внутриколлективных связей и межличностное взаимодействие осложняется неумением детей вникнуть в проблемы товарища, неспособностью к соучастию, к установлению коммуникативных навыков. Грубые нарушения высших психических функций, несформированность важнейших качеств личности у детей с умственной отсталостью значительно сужают круг их мировоззрения, связей, интересов, сфера их действий ограничена бытовой направленностью и строгой ситуативностью. Если у детей и появляются какие-то привязанности среди сверстников, то они носят поверхностный, неустойчивый характер, длительные дружеские связи умственно отсталые младшие школьники не формируют и не поддерживают. Качественное своеобразие структуры дефекта при умственной от-

сталости, отличающее стойкостью, в совокупности с нарушением зрения, слабость когнитивных функций, пониженная самооценка и самокритичность, слабость волевых процессов, отсутствие самостоятельности и социальной активности, значительно затрудняют процесс социального взаимодействия у таких детей. В то же время, как утверждает И.М. Бгажнокова, все указанные нарушения поддаются постепенной корректировке в процессе целенаправленного воспитания и обучения [2].

Правильно выбранный метод коррекции и подход в воспитании слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью помогает как сформировать правильное и устойчивое мировоззрение у детей, добиться быстрой адаптации в новых для них условиях, развить навыки социального взаимодействия.

Изложение основного материала статьи

Формирование навыков социального взаимодействия у слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью предполагает обязательное формирование у них таких качеств, как самостоятельность, активность, желание создавать межличностные связи. В данной связи Л.М. Рышкова выделяет игру как действенное средство коррекции психофизического развития таких детей, поскольку в процессе игры дети раскрепощаются, активизируют свои скрытые способности, игра помогает развитию волевой сферы, коммуникативных процессов. В особенности этому способствуют сюжетно-ролевые игры, которые предполагают непосредственный контакт детей друг с другом [6].

Л.Б. Баряева предлагает использовать сюжетно-ролевые игры как действенный способ социализации умственно отсталых школьников [1].

А.В. Гордеева предлагает такую организацию работы с детьми, при которой возможно оптимальным образом регулировать взаимоотношения детей в коллективе, направлять и помогать им, тем самым обеспечить положительную эмоциональную атмосферу в классе, способствовать активному общению учеников друг с другом. Игра, в любой своей форме, является исключительным по своему потенциалу и продуктивности методом развития навыков социального взаимодействия слабовидящих школьников с умственной отсталостью, поскольку в игровой ситуации деятельность детей приобретает более глубокий личностный подтекст, продуцирует произвольное познание ребенком окружающей действительности, основанное на интересе и желании узнавать новое, понимать окружающие явления и процессы [3].

В ходе занятий со слабовидящими младшими школьниками с умственной отсталостью навыки сглаживать конфликты, легко и безболезненно решать межличност-

ные проблемы должны подаваться детям и изучаться более глубоко и всесторонне, поскольку от этого зависит будущая адаптация ребенка к современным реалиям времени.

В формате заявленной проблемы была разработана и апробирована программа формирования навыков социального взаимодействия у слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью. В программе приняли участие 12 обучающихся 2,3 и 4 классов ГКОУ «Школа-интернат №2» г. Нижнего Новгорода. У детей диагностирована умственная отсталость легкой степени в совокупности с нарушением зрения.

Программа психокоррекционной работы была построена на основе стимуляции и фиксации ощущения и осознания ребенком себя, своего «Я», как субъекта социума. В процессе взаимодействия слабовидящие младшие школьники с умственной отсталостью начинают постепенно находить в себе положительные качества, ценить себя как личность, у них расширяются представления о социальном взаимодействии, приходит понимание своей роли в коллективе.

В программу были включены элементы игротерапии, арттерапии, музыкальное сопровождение, сюжетно-ролевые игры и психодраматические упражнения, которые распределялись равномерно в течение всего периода проведения коррекционных занятий. Коррекционная программа состояла из следующих основных этапов:

Первый этап - адаптация ребенка к новым условиям. На данном этапе дети познакомились друг с другом, установившись на положительный настрой на дальнейшую работу. На втором этапе формировалось адекватное отношение обучающихся друг к другу. Дети коллективно обсуждали игры и задания, в ходе диалогического общения формировались навыки анализа состояния другого человека, самоанализа. На третьем этапе осуществлялось формирование у младших школьников адекватного отношения к себе, самооценки, социальной значимости и самостоятельности. Дети учились прощать и просить прощения в сложных конфликтных ситуациях. На четвертом этапе школьников обучали навыкам социально – адекватного поведения, межличностного общения и бесконфликтного поведения в социальной среде. На последнем, пятом этапе подводились итоги работы, обобщались полученные детьми знания и опыт.

Кроме занятий в классе, младшие школьники получали домашние задания, также направленные на развитие социального взаимодействия. Задания давались из расчета совместной работы детей и родителей.

После апробации психокоррекционной программы была проведена повторная диагностика навыков со-

циального взаимодействия у слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью.

Первая методика, по которой проводилась диагностика – рисованный апперцептивный тест Г. Мюррея. Направлен на исследование внутренних движущих сил личности – ее конфликтов, переживаний, движущих мотивов поведения, интересов и влечений. В результате, у 39% испытуемых экспериментальной группы появилась новая потребность, которой не было до проведения с ними психо-коррекционной работы – потребность в аффилиации, т.е. потребность общаться на равных со сверстниками, создавать доверительные, эмоционально значимые отношения, в контрольной группе такой потребности выявлено не было. У 33% испытуемых экспериментальной группы повысилась потребность в достижении, т.е. школьники стремятся чего-то достичь, преодолеть препятствия, хотят реализовать свои способности и тем самым повысить самоуважение и уважение сверстников.

Потребность в независимости, автономии, в желании действовать самостоятельно в соответствие со своими убеждениями показали 30% испытуемых экспериментальной группы и только 9% контрольной.

По методике Р. Жилия исследовались межличностные отношения, которые показали положительную динамику. По шкале «общительность» в ЭГ результаты повысились до 65%, в КГ – результаты средние (40%). Данная динамика подтверждает предыдущие результаты и показывает, что школьники стремятся к общению, взаимодействию, проявляют инициативу и активный интерес к завязыванию новых отношений. В КГ группе результаты ниже средних, дети с трудом шли на контакт, не включались в совместные игры. По шкале «любопытность» результаты также повысились – 50% у испытуемых ЭГ и только 12% в контрольной группе. После коррекционных занятий у испытуемых экспериментальной группы заметно вырос интерес к получению знаний, в целом, к учебному процессу.

По шкале «социальная адекватность поведения» после проведенных коррекционных занятий в ЭГ результаты значительно выше, в сравнении с констатирующим этапом (72%). В контрольной группе результаты на низком уровне (32%). Это указывает на дезадаптированность испытуемых, неумение приспособиться к окружающей обстановке, школьники не могут противостоять жизненным трудностям, что может проявляться неадекватными реакциями – излишней скрытностью или наоборот, агрессией». То есть у младших школьников, не участвовавших в коррекционной программе, остались те же негативные черты, которые были выявлены на констатирующем этапе исследования.

По шкале «стремление к замкнутости, отгороженности» показатели в экспериментальной группе существенно снизились. Их значение минимально (5%) против 72% на констатирующем этапе. Это говорит о том, что обучающиеся уже не избегают общения, наоборот, активно включаются в совместные игры и мероприятия. В КГ результаты остались на том же уровне, что и на этапе первичной диагностики.

По результатам диагностики социализированности личности младших школьников (методика М.И.Рожкова) в экспериментальной группе высокий уровень показали 42%, средний – 33%, низкий 25% обучающихся. Данные результаты существенно превосходят показатели контрольной группы. В ЭГ дети показали более высокую способность адаптации к социальным условиям, самоконтроль, активность и самостоятельность в поведении.

Способы поведения в конфликте исследовались по опроснику К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной. Результаты показали, что большинство испытуемых ЭГ (68%) выбрали наиболее оптимальный стиль поведения в конфликте – сотрудничество. На констатирующем данный стиль поведения в конфликте не выбрал ни один испытуемый. На втором месте был выбран стиль «компромисс» (52%). Результаты исследования детей контрольной группы показали, что большинство из них выбрали стили «приспособления» и «избегания» конфликта. Ис-

пытуемые не стремились ни к сотрудничеству, ни к достижению собственных целей, были склонны уступать в конфликтах, сглаживать острые углы, избегать открытого столкновения или вообще конфликтной ситуации.

Выводы

Таким образом, проведенная психокоррекционная программа формирования навыков социального взаимодействия у слабовидящих младших школьников с умственной отсталостью показала следующие положительные результаты:

- существенно повысились навыки социальной адекватности поведения, способность противостоять конфликтным и проблемным ситуациям;
- обучающиеся охотно заводят новые контакты, вступают во взаимодействие со сверстниками;
- значительно повысилось положительное отношение к педагогу, интерес к учебному процессу;
- в целом уровень социальной адаптации слабовидящих младших школьников с УО после проведения коррекционных занятий вырос как по отношению к сверстникам, так и к педагогам.

Кроме того, дети показали более высокую способность адаптации к социальным условиям, активность и самостоятельность в поведении, старались придерживаться принятых норм поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баряева Л.Б. Обучение сюжетно-ролевой игре детей с проблемами интеллектуального развития: учебно-методическое пособие / Л.Б. Баряева, А. Зарин. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена: Изд-во «Союз», 2011. – 414 с.
2. Бгажнокова И.М. Практикум по психологии умственно отсталого ребёнка. М.: МГЗПИ, 2013. – 93 с.
3. Гордеева А.В. Реабилитационная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. М.: Академический проект, 2005. - 320 с.
4. Забрамная С.Д. Психолого-педагогическая диагностика умственного развития детей: учеб. для студентов дефектол. фак. и ун-тов / С. Д. Забрамная. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 112 с.
5. Ольхина Е.А., Новикова Ю.А. Анализ проблемных зон в реализации специальной индивидуальной программы развития //Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-6 (56). С. 500-503.
6. Рышкова Л.М. Реабилитационные возможности игры в работе социального педагога с детьми с особыми образовательными потребностями // Специальное образование: материалы X международной научной конференции 23-24 апреля 2014 г. / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. Т. 2. С. 258-260.

© Кудрявцев Владимир Александрович (kudvol@yandex.ru), Карасева Лидия Александровна (karasevalidiya95@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕВОГИ В СООТНОШЕНИИ С ПСИХИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ ВОЗБУЖДЕНИЯ И ТОРМОЖЕНИЯ

Максимова Мария Васильевна

аспирант, Башкирский государственный университет

Maksimova8531@gmail.com

PSYCHOPHYSIOLOGICAL ASPECTS OF ANXIETY IN RELATION TO MENTAL PROCESSES OF EXCITATION AND INHIBITION

M. Maksimova

Summary: The article considers the basic approaches to the problem of anxiety in the context of psychophysiology. The data of foreign studies are presented in the framework of the correlation of anxiety and mental processes of excitation and inhibition. Methods of stopping and reducing the risk of developing anxiety conditions are also provided.

Keywords: anxiety, anxiety disorders, psychophysiology, excitation, inhibition, autonomic nervous system, parasympathetic nervous system.

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы к проблеме тревоги в контексте психофизиологии. Представлены данные зарубежных исследований в рамках соотношения тревожности и психических процессов возбуждения и торможения. Также приводятся методики купирования и снижения риска развития тревожных состояний.

Ключевые слова: тревога, тревожные расстройства, психофизиология, возбуждение, торможение, вегетативная нервная система, парасимпатическая нервная система.

Введение

Английский поэт У.Х. Оден охарактеризовал XX век как «Эпоху беспокойства». Темпы нашей жизни стали еще быстрее с тех пор. Сейчас состояние преходящего беспокойства является неотъемлемой частью жизни. Теперь ощущение тревоги может настигнуть нас в любом, сколь угодно даже безопасном месте. Тревога хорошо известна каждому человеку, хотя для всех она представляет что-то свое. Люди страдают от проявления беспокойства различных форм: от мокрых рук до бессонницы. И иногда тревога настолько сильна, что оказывает большое влияние на нашу физиологию вплоть до неврологических расстройств. Связь между тревогой и телом была установлена во многих научных изысканиях. В этой статье я хотела бы обозначить позицию зарубежных исследователей относительно тревоги с точки зрения психофизиологии и в контексте представлений исследователей о психических процессах возбуждения и торможения.

Актуальность исследования

Тревога - это эмоция, характеризующаяся гнетущим состоянием внутреннего волнения, часто сопровождаемого нервным поведением, таким как расхаживание назад-вперед, соматическими жалобами и навязчивыми мыслями. [8]

В более широком смысле, это страх перед будущим

событием. Даже если причина для беспокойства лежит в прошлом, беспокойство о последствиях живет в будущем. Поэтому тревога и отличается от страха, поскольку второй - это когнитивный и эмоциональный ответ организма на угрозу в реальном времени. Другое отличие состоит в том, что страх имеет объективную природу, а тревога - размытое и неопределенное опасение. Это чувство беспокойства, обычно обобщенное и не сфокусированное как чрезмерная реакция на ситуацию, которая только субъективно рассматривается как угрожающая.

Чтобы понять природу этого процесса, мы должны обратиться к его происхождению. Л.Ш. Куби назвал тревогу мостом между паттерном испуга и рассветом всех процессов мышления. Неврологически, реакция испуга включает в себя торможение высших нервных центров, которые не могут интегрировать стимул такой внезапности. Другими словами, реакция испуга наступает прежде, чем осознание того, что нам угрожает. К. Лэндис и У.Э. Хант описали шаблон испуга как преэмоциональный. Он рассматривается как первичный, безусловный защитный ответ, предшественник эмоциональных реакций организма, которые впоследствии становятся тревогой и страхом. [7]

3. Фрейд различал два типа тревоги, известные как «уместный» и «неуместный». Между ними есть тонкая грань в том месте, где это чувство становится не помощником, а врагом. Эволюционно способность испытывать страх возникла для защиты. В ситуации опасности мы

должны быть в состоянии распознать угрозу и сделать все возможное, чтобы защитить себя. Следовательно, механизм тревоги был призван для выживания. Но даже системы, которые кажутся совершенными, имеют свои недостатки. Обратная сторона заключается в тревожных расстройствах.

Основная часть исследования

Согласно последней версии Руководства по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-IV-TR) существует одиннадцать типов тревожных состояний. Некоторые из них носят кратковременный характер и часто купируются путем избавления от стрессора. [5] Эта категория включает в себя острое стрессовое расстройство, расстройство адаптации с тревожными признаками и вызванное психоактивными веществами тревожное расстройство.

Долгосрочные тревожные расстройства отличаются тенденцией к расширению. Многие из них берут свое начало в детстве и продолжают довлеть над индивидом во зрелом возрасте, особенно если тот не обращался за лечением. Эта категория представлена генерализованным тревожным расстройством (ГТР), обсессивно-компульсивным расстройством (ОКС), паническим расстройством, посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) и фобиями и т.д.

Будучи частью нашего естественного защитного механизма, тревога активирует вегетативную нервную систему. Существует явление, известное как реакция «бей или беги», которое является общим для всех млекопитающих и большинства других животных. Данный ответ организма основан на адреналине и может быть описан через различные телесные симптомы. Более конкретно, мозговое вещество надпочечников производит гормональный каскад, который приводит к секреции катехоламинов, особенно норэпинефрина и адреналина [3]. Гормоны кортизол, эстроген и тестостерон, а также нейротрансмиттеры, серотонин и дофамин, также влияют на то, как организм реагирует на опасную ситуацию. Физиологические изменения, которые происходят во время «боя» или «бегства», активируются, чтобы дать телу увеличенную силу и скорость в ожидании грядущего ответа.

Физические симптомы тревоги имеют различные формы, такие как учащенный пульс, одышка, боль/стеснение в груди, потливость, раздражительность, приступы паники, учащенное сердцебиение, поверхностное дыхание, сухость во рту, дрожь, удушье, головные боли, бессонница, неконтролируемое напряжение мышц, подергивания, ощущение слабости/нереальности, покалывания в руках/ногах, стеснение в горле, проблемы с речью, страх смерти, сумасшествие и потеря контроля.

Рассмотрим процесс, проиллюстрированный на примере одного из самых распространенных симптомов - мышечного напряжения. Наше тело накапливает энергию в мышцах в случае действия. Чем больше энергии сохраняется, тем больше мы ощущаем напряжение. Это может привести к неконтролируемому дрожанию, поскольку мышцы накапливают все больше и больше энергии. [4] Кровообращение играет большую роль в получении энергии. Через дыхание кровотоком доставляет кислород по всему организму, а также другие питательные вещества в мышцы и ткани. Когда индивид испытывает беспокойство, тело нуждается в большем количестве топлива, и, следовательно, работа сердца и легких ускоряется. Это вызывает потоотделение как естественный механизм охлаждения, а также другие физические состояния, такие как вакуум в голове, из-за недостатка кислорода в мозге.

Чтобы обеспечить энергией наиболее важные для выживания части организма, такие как ноги, руки и мышцы живота, мозг решает сократить доставку крови в менее значимые области, такие как желудок и половые органы. Если мы находимся в опасной для жизни ситуации, мы вряд ли остановимся, чтобы поесть или заняться сексом. Это может объяснить тот факт, почему люди, пребывающие в состоянии длительного стресса, могут ощущать тошноту или отказываться от интимной активности. [1] Также это объясняет, почему иногда люди испытывают ощущение бабочек и бурление в желудке. Все эти физические явления показывают, что система работает эффективно для обеспечения нашей безопасности.

Еще одним признаком правильной работы организма является своевременная реакция парасимпатической нервной системы. Она отвечает за то, чтобы снова успокоить тело. Это выключатель. Как только угроза исчезает, запускается парасимпатическая нервная система для восстановления нормального функционирования.

Когда человек постоянно испытывает стресс, его тело никогда не получает сигнал вернуться к норме. В этом случае иммунная система может быть ослаблена, что делает организм более уязвимым для вирусных инфекций. По данным Гарвардской медицинской школы, исследования показали повышенный уровень тревожности и панических атак у людей с хроническими респираторными заболеваниями. Чаще бывают госпитализированы больные хроническим обструктивным заболеванием легких с выявленной тревожностью. [6]

Выделительная и пищеварительная системы человека также подвержены тревоге. Существуют данные о наличии связи между тревожными расстройствами и развитием синдрома раздраженного кишечника (СРК), который может быть причиной рвоты и диареи. Спектр потенциальных проблем довольно широкий. Человек

может страдать от потери аппетита, спазмов в животе, запоров или проблем с секрецией желчного пузыря и поджелудочной железы.

Часто повторяющиеся приступы паники могут привести к страху перед самими приступами, тем самым лишь усиливая общую тревогу. Высокий уровень стресса может вызвать клинические симптомы депрессии. Даже при хорошей генетике есть шансы получить диабет или высокое кровяное давление. И, конечно же, к сожалению, большому риску подвержены люди, уже имеющие сердечно-сосудистые заболевания или другие проблемы со здоровьем.

В наше время существует бесчисленное множество способов справиться с нашими заботами. Многие из них существуют в рамках психотерапевтических подходов. Вероятно, наиболее популярной является когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), которая фокусируется на разработке стратегий личного преодоления, направленных на решение текущих проблем и изменение неэффективных моделей в познании (например, мысли, убеждения и отношения), поведении и эмоциональной регуляции. [2] КПТ бросает вызов автоматическим вредным мыслям о типе тела, характере, жизненных условиях, социальной роли и многих других предполагаемых проблемах и изучает более гибкий и реалистичный способ мышления. Термин «воздействие *in vivo*» относится к прямому столкновению пациента с опасными объектами, действиями или ситуациями. Например, если человек борется с социальным тревожным расстройством, психотерапевт может дать задание выступить на публике, т.е. прямо противостоять своим страхам. Использование КПТ значительно уменьшило число эпизодов выявления генерализованного тревожного расстройства и прочих симптомов тревоги. [9]

Другие методы лежат в области популярной психологии. Обычно они сосредоточены вокруг дыхания и мышечной релаксации, и не требуют специфического оборудования. Все, что необходимо - это простые упражнения, которые легко выполнять буквально везде. С другой стороны, некоторые из них достаточно сложны, как расслабление Джекобсона и более продвинутая трансцендентальная медитация. Они требуют больше времени и дополнительных знаний для достижения максимального результата.

Хорошим примером повседневных средств совладания с тревожными состояниями является брюшное дыхание. Как первая помощь в борьбе с беспокойством и паническими ощущениями - это неоценимо. Одна из самых простых вещей - научиться правильно дышать, поскольку это помогает снизить выработку адреналина. Зачастую, мы все дышим довольно неглубоко, что может быть причиной неправильного уровня углекислого газа

и кислорода в крови человека. В этом случае мозг может интерпретировать это поверхностное дыхание как признак опасности. Соответственно, когда возникает паника, нужно научиться дышать как можно глубже до самых низов легких. Тогда правильный обмен газа будет восстановлен. Этот метод подразумевает расширение живота человека и втягивание воздуха в легкие. Индивид должен задержать дыхание на несколько секунд, а затем медленно выдохнуть. За этим упражнением может следовать легкое головокружение, которое совершенно нормально, потому что это указывает на то, что газообмен в организме происходит на должном уровне. Для достижения оптимального эффекта эту практику следует повторять не менее трех раз в час. Таким образом, поверхностное и брюшное дыхание во время сильного беспокойства помогут контролировать их проявления тревоги. [1]

Еще один способ помочь организму свести к минимуму разрушительное воздействие беспокойства - это диета. Дефицит питательных веществ может негативно влиять на центральную нервную систему, что опять же может усугубить беспокойство. Диетологи советуют употреблять пищу, богатую витамином В. Это класс водорастворимых витаминов, которые играют важную роль в метаболизме клеток. Молоко и молочные продукты, такие как йогурт и сыр, являются источником рибофлавина. Цыпленок, индейка, лосось и другая рыба, включая консервированный тунец, являются отличными природными источниками ниацина. Обогащенные зерновые, бобовые, арахис, макароны и цельнозерновая пшеница также являются его источником. Ниацин способствует здоровой нервной функции, улучшает работу сердечно-сосудистой системы и способствует выработке энергии. [10] Все виды ягод приветствуются за их витамин С и биофлавоноиды. Также мед и сухофрукты - за наличие триптофана, который является незаменимым аминокислотным компонентом белка.

Также было предложено сократить потребление рафинированного сахара и меньше углеводов, пить меньше алкоголя и избегать продуктов, содержащих кофеин, таких как чай, кофе, газированные напитки, шоколад и т. д. [1] Если вы курите, рекомендуется также не курить слишком много, потому что никотин является стимулятором, который ускоряет сердцебиение. Такой запрос может показаться нереальным из-за растущей потребности в курении в ситуации беспокойства. Тем не менее, важно освободить ваше тело от любых возможных отягчающих факторов.

Выводы

Книги, журналы, интернет полны рекомендациями о том, как снизить беспокойство. Помимо упражнений и диет наиболее популярными стратегиями отвлечения

являются спорт, танцы, рисование и другие виды деятельности. Молитва, улыбка и ромашковый чай также в списке. И, конечно, трудно переоценить присутствие друзей и членов семьи, которые могут создать ощущение безопасного места. Поддержка близких может стать настоящим лекарством.

Беспокойство легко проследить по изменениям в поведении индивида. Каждому человеку необходимо обращать пристальное внимание на собственные эмо-

ции, переживания, и особенно на такие их проявления как раздражительность, перепады настроения и компульсивность. Трудности в концентрации и засыпании, а также усталость тоже являются частыми спутниками тревожности. Изменения в стереотипах поведения и мышления необходимы для качественного перехода от изнуряющей тревоги к более свободному и продуктивному функционированию организма не на пределе его возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anxiety Care UK. The Biological Effects and Consequences of Anxiety. Available at: <http://www.anxietycare.org.uk/docs/biological-effects.asp>
2. Beck, J.S. (2011) Cognitive behavior therapy: Basics and beyond. 2nd ed. New York, NY: The Guilford Press.
3. Cannon, W. B. (1915) Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage: An Account of Recent Researches into the Function of Emotional Excitement. Appleton-Century-Crofts.
4. DBT Self help. Anxiety management. Available at: https://www.dbtselfhelp.com/html/anxiety_management.html
5. Healthy Place. Types of Anxiety Disorders. Available at: <https://www.healthyplace.com/anxiety-panic/anxiety-disorders/types-of-anxiety-disorders-list-of-anxiety-disorders/>
6. Harvard Health (2008, July) Anxiety and physical illness. Available at: http://www.health.harvard.edu/newsletters/Harvard_Womens_Health_Watch/2008/July/Anxiety_and_physical_illness
7. May, R. (2015) The meaning of anxiety. W. W. Norton & Company.
8. Seligman, M.E.P.; Walker, E.F.; Rosenhan, D.L. (2000) Abnormal psychology. 4th ed. New York: W. W. Norton & Company.
9. Seligman, M.E.P.; Schulman, P.; Derubeis, R.J.; Hollon, S.D. (1999) 'The prevention of depression and anxiety'. Prevention & Treatment, 2 (1).
10. Livestrong.com (2017) Foods That Are High in B Vitamins. Available at: <https://www.livestrong.com/article/22253-foods-high-b-vitamins/>

© Максимова Мария Васильевна (Maksimova8531@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ¹

MENTALITY AS A COMPONENT OF THE RESILIENCE OF YOUTH OF SEVASTOPOL

**S. Nalichaeva
A. Tkachenko
Z. Borisenko
B. Terentyev
E. Lukina**

Summary: This article discusses the components of resilience and their relationship. The purpose of the study was analyze the specifics of mentality and components of resilience in the youth of the city of Sevastopol. Resilience is considered as an individual ability to manage in the context of cultural norms, environmental conditions and society with its resources, vitality determines the development of a person in spite of difficulties and problems. The components of resilience include self-efficacy, perseverance, an internal locus of control, coping and adaptation, family and social relationships, spirituality, culture and mentality. The article describes the results of a study of the components of resilience in the youth of the city of Sevastopol. It was found that among young people with developed components of resilience, constructive coping strategies and models of overcoming behavior prevail. The internal locus of control, coping and adaptation, family and social relationships predominate in the profile of resilience, such components as self-efficacy, perseverance and spirituality are less pronounced in general (which correlates with the peculiarities of youth coping strategies - low severity of assertiveness). As a result, it was found that there is a connection between the components of resilience, coping strategies and mentality features among the youth of the city of Sevastopol.

Keywords: resilience, components of resilience, coping-strategies, mentality, values, coping, adaptation.

Наличаева София Александровна

*К.псх.н., доцент, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
espritsn@yandex.ru*

Ткаченко Анастасия Александровна

*психолог, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
anastasiyaderzhavina93@mail.ru*

Борисенко Зинаида Викторовна

*старший преподаватель, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
bzvpost@gmail.com*

Терентьев Богдан Игоревич

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
tbogdan@mail.ru*

Лукина Екатерина Максимовна

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
lookinaketrin21@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются компоненты жизнеспособности и их взаимосвязи. Целью исследования являлся анализ специфики ментальности и компонентов жизнеспособности у молодежи города Севастополя. Жизнеспособность рассматривается, как индивидуальная способность к управлению в контексте культурных норм, условий среды и социума своими ресурсами, жизнеспособность определяет развитие человека вопреки трудностям и проблемам. К компонентам жизнеспособности относятся самооэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные и социальные взаимосвязи, духовность, культура и ментальность. В статье описаны результаты исследования компонентов жизнеспособности у молодежи города Севастополя. Получено, что у молодежи при развитых компонентах жизнеспособности, преобладают конструктивные копинг-стратегии и модели преодолевающего поведения. В профиле жизнеспособности преобладает внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные и социальные взаимосвязи, менее выражены в целом такие компоненты, как самооэффективность, настойчивость и духовность (что соотносится с особенностями копинг-стратегий у молодежи – низкой выраженностью ассертивности). В результате получено, что существует связь компонентов жизнеспособности, копинг-стратегий и особенностей ментальности у молодежи города Севастополя.

Ключевые слова: жизнеспособность, компоненты жизнеспособности, копинг-стратегии, ментальность, ценности, совладание, адаптация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства города Севастополя. Проект «Ментальность как компонент жизнеспособности жителей Севастополя», № 20-413-920002 р_а

Актуальность темы исследования определяется рядом факторов. Во-первых, жизнеспособность является одним из важнейших ресурсов развития человека, условием социальной адаптации личности – включения личности во взаимодействие с социальной средой [1]. Данное понятие трактуется как способность человека к самостоятельному развитию, адаптации к окружающей среде, саморегуляции, самоактуализации. Во-вторых, в современном мире остро стоит вопрос о сохранении психического и физического здоровья человека в стрессогенных условиях. Жизнеспособность является важным фактором адаптации в условиях неопределенности и дефицита времени в современном мире. В данных условиях жизни важнейшей задачей человека является формирование умения бороться с негативными факторами среды. А.В. Махнач определяет жизнеспособность как индивидуальную способность к управлению в контексте культурных норм, условий среды и социума своими ресурсами: волевой, мотивационной, эмоциональной и когнитивной сферами. А.В. Махнач выделил шесть компонентов жизнеспособности: самоэффективность, настойчивость, локус контроля, совладание и адаптацию, духовность, семейные и социальные взаимоотношения. В состав самоэффективности входят представления и ожидания личности, способность «активировать» когнитивную и мотивационную сферы. Настойчивость характеризует желание и способность индивида к борьбе за баланс, вопреки неблагоприятным воздействиям, синонимом данного понятия является упорство. Внутренний локус контроля отвечает за то, что человек оказывает влияние на собственную жизнь и жизнь окружающих его людей, ответственность за то, что с ним происходит лежит на нем самом, никто из «вне» не является причиной его успехов или неудач. В состав жизнеспособности входят совладание (стратегии поведенческой и когнитивной сфер личности) и адаптация (приспособление) к изменяющимся или неблагоприятным обстоятельствам. Компонентами жизнеспособности являются семейные (социальные) взаимосвязи как система поддержки на пути совладания со стрессом. Значимым компонентом жизнеспособности является духовность в аспекте религиозности (обращение человека к «высшей силе» в трудных жизненных обстоятельствах) [8]. Кроме этого, составляющими жизнеспособности человека являются нравственность, духовность, ментальность и культура. Жизнеспособность связана с понятием индивидуальности человека. Согласно концепции интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, существуют три уровня свойств индивидуальности: свойства организма, психодинамические свойства и социально-психологические свойства. На уровне организма особенности биохимических и общесоматических свойств индивидуальности человека формируют его уникальность. Нейродинамические свойства характеризуют скорость возникновения, развития и протекания нервных процессов, их силу, лабильность. В системе индивидуально-психи-

ческих свойств представлены темперамент и особенности личности, характеризующие устойчиво проявляющиеся динамические особенности поведения человека. На уровне социально-психологических свойств индивидуальности, рассматриваются особенности социального и личностного статуса человека: принадлежность к большим группам (страна, этнос), социально-историческим общностям, конкретным социальным группам (семья, трудовой коллектив) [10]. Так, жизнеспособность и ее компоненты формируются с учетом свойств интегральной индивидуальности на всех уровнях. Существует различные определения жизнеспособности: так, с одной стороны, жизнеспособность – индивидуальная интеграция всех систем ресурсов человека, обеспечивающих его успешную адаптацию, а, с другой – индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий [4]. Жизнеспособность рассматривается и как способность человека или социальной системы строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях, жить и развиваться вопреки тяжелым и травматическим событиям. Жизнеспособность может находиться в латентном состоянии, но из-за различных событий, происходящих в жизни человека – активизироваться [6]. Результатом процесса перехода человека из пассивного состояния в активное является позитивное развитие человека в тяжелой жизненной ситуации [2]. Этот процесс соотносится с понятием посттравматического роста. Совладание с трудной ситуацией в случае посттравматического роста – это рост, который выводит человека на новый уровень, открывая перед ним новые горизонты [7]. Жизнеспособная личность характеризуется умением самостоятельно решать жизненные проблемы, преодолевать жизненные невзгоды, обладает ответственностью и добросовестностью [3]. Жизнеспособность соотносится со способностью человека преодолевать трудности, что характеризует механизм совладания. Способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки опасностям и проблемам является характеристикой жизнеспособности человека. Жизнестойкость является внутренним потенциалом личности, в то время, как жизнеспособность (личностные и социальные факторы) – более широкий социально-психологический потенциал человека. Следовательно, среди компонентов жизнеспособности можно выделить самореализацию человека, а личностный самоактуализационный потенциал можно рассматривать, как ресурс жизнеспособности. Самоактуализация и связанные с ней ценностно-смысловые особенности личности, мотивы, особенности самоотношения и отношения к жизни и профессии взаимосвязаны между собой и составляют интегральную характеристику развития личности – личностный самоактуализационный потенциал [11]. Жизнеспособность – социально-психологический феномен, отражающий устойчивость личности и группы к меняющимся условиям жизнедеятельности, а жизне-

способность группы – это отношение членов группы к неблагоприятным условиям совместной жизнедеятельности, к совместной деятельности, направленной на защиту от коллективных угроз, и использование возможностей для развития группы. Т.А. Нестик выделяет следующие компоненты групповой жизнеспособности как социально-психологического феномена: ценностно-мотивационные (групповые цели, ценности, групповое доверие), когнитивные (позитивная групповая идентичность, образ коллективного будущего, групповая самоэффективность, коллективная память о совместном преодолении трудностей, представления о совместной деятельности в кризисных условиях), аффективные (оптимизм), поведенческие (нормы, регулирующие просоциальное поведение, взаимную поддержку, организацию внутригруппового и межгруппового взаимодействия в кризисных ситуациях; ориентация на нормы, поддерживающие эмоциональную саморегуляцию группы) [12]. Важными компонентами жизнеспособности человека являются: способность любить, быть любимым, созидательная автобиографическая память, конструктивное, целостное мышление [15]. К компонентам жизнеспособности относятся культура и ментальность человека. Под ментальностью в данной работе понимается относительно устойчивая совокупность установок и predispositions индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом. Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики [13]. Ментальность человека определяет вектор его развития, особенности отношения к достижениям и проблемам, к стресс-факторам внешней среды. Понятие ментальности имеет социально-психологические и культурные корни. Культура – основа ментальности и системообразующий фактор развития жизнеспособности. Так, закрепленные на уровне культуры способы отношения, рефлексии, переживания и действия при возникновении определенных проблем определяют адаптацию и способность развиваться вопреки трудностям. Культура является компонентом жизнеспособности человека, общественным продуктом определенного этапа развития общества, она проявляется в передаваемых из поколения в поколение ценностях, символах, верованиях, паттернах поведения, общественных нормах, которые определяют духовную жизнь народа. Жизнеспособность общества определяется его открытостью опыту, среде, предполагает культурную перспективу, так как связана с социально-культурными элементами жизни, передачей культурных ценностей. Приемственность культурных ценностей повышает жизнеспособность каждого поколения, а их потеря ведет к снижению жизнеспособности, утрата ценностей ведет к снижению качества жизни, потере ее смысла [8]. Ментальность имеет следующие особенности:

- характеризует уровни индивидуального и коллективного сознания, определяя специфический тип мышления, формируется на основе природно и социально обусловленных факторов, имеет достаточно устойчивый характер; - форма осознания окружающего мира, общества, формируемая в ходе осмысления социального опыта индивидуальным и коллективным сознанием, выражающая актуальные для данного коллектива ценности;
- влияет на общественные отношения, является устойчивой настроенностью общества, объединяет людей, включает в себя совокупность установок и predispositions людей к определенному типу мышления и действия;
- выступает как результат культуры и традиций, и сама является глубинным источником развития культуры.

С помощью ментальности в настоящее время трактуют определенный образ мыслей, привычки, пристрастия, коллективные эмоции [14]. Ментальность может рассматриваться на разных уровнях субъектности: ментальность индивида, территориальной общности (города), этноса, народа, большой социальной группы, страны [9]. Ментальность имеет определенную структуру, включает в себя: качества личности человека (коммуникабельность, доминантность, доброжелательность, стили мышления и принятия решения), мотивационной сферы (мотивы, интересы), особенности эмоциональной сферы личности (эмоции, настроения), ценности и смыслы, нравственно-духовные особенности, социальный и культурный опыт и т.д. Ментальность – философско-психологическая категория, характеризующая своеобразие миропонимания, присущее человеческим объединениям: этносам, территориальным и местным общностям, социальным и профессиональным группам, коллективам. А менталитет – образ мира в сознании отдельного индивида – члена конкретной группы [5]. Ментальность и менталитет могут представлять разные уровни группового сознания: ментальность – более «поверхностный» (осознаваемый) уровень, а менталитет – более «глубинный» (неосознаваемый, подсознательный). Менталитет является фундаментальным уровнем, а ментальность более изменчива [9]. Субъектом ментальности является сам индивид, ментальность состоит из функциональных единиц (образов, представлений, установок, ценностей) и ментальных операций (способа классификации, рассуждения и аргументации, соотношения рефлексии и саморефлексии), объединяя в себе сознательное и бессознательное. Г.В. Акопов рассматривает ментальность как групповое сознание, детерминированное пространственно-временными особенностями жизнедеятельности группы. Главные функции ментальности с точки зрения общности включают в себя закрепление групповых особенностей, выражение и утверждение групповых интересов и ценностных ориентаций. Важной функцией

ментальности как группового сознания является взаимопонимание индивидов, составляющих общность.

Объект исследования: жизнеспособность человека. Предмет исследования: ментальность как компонент жизнеспособности человека. Цель исследования: проанализировать специфику ментальности и компонентов жизнеспособности у молодежи города Севастополя. Гипотеза: существует связь компонентов жизнеспособности, копинг-стратегий и особенностей ментальности у молодежи города Севастополя. В исследовании использованы следующие теоретические методы; психодиагностическое тестирование: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (С. Хобфолл, 1994); тест «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач, 2017); анкетирование с использованием авторской анкеты анализа особенностей ментальности. Исследование проведено на выборке из 80 человек (молодежь города Севастополя, в возрасте от 20 до 36 лет (40 мужчин и 40 женщин)). При помощи опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» описана специфика стратегии и моделей копинг-поведения. Тест «Жизнеспособность взрослого человека» позволил описать компоненты жизнеспособности. Авторская анкета анализа особенностей ментальности включала в себя 45 вопросов, входящих в следующие блоки: социально-демографический блок; качества личности; идентификация; представления; ценности; когнитивные особенности; мотивация; морально-нравственные; экзистенциальные; эмоциональные и коммуникативный компонент; отношение к риску; отношение ко времени. Полученные данные обработаны с использованием статистических методов (анализ статистической значимости различий по показателям жизнеспособности, копинг-стратегий и ментальности между подгруппами молодежи, выделенными по возрасту, полу, семейному положению, роду занятий, профессии (направлению подготовки); анализа корреляционных связей показателей при помощи r -Пирсона). В результате диагностики получено, что для молодежи характерно использование следующих стратегии и моделей копинг-поведения: вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки (72% выборки), импульсивные действия (15%), манипулятивные (непрямые) действия (9%) и другие стратегии (4%). Анализ средних значений по шкалам моделей преодолевающего поведения показал, что наиболее характерными для молодежи являются просоциальные стратегии (поиск социальной поддержки и вступление в социальный контакт). Активные, просоциальные стратегии преодолевающего поведения у молодежи являются конструктивными, в связи с тем, что в ситуации стресса и неопределенности студенты и молодые специалисты склонны обращаться за поддержкой к друзьям, коллегам, семье, имея возможность конструктивно отреагировать негативные эмоции, получить поддержку и помощь, новый опыт в процессе коммуникации. Особенностью небольшой части данной

выборки молодежи является использование импульсивных действий для преодоления стресса, что не относится к конструктивной стратегии совладания со стрессом, данная особенность может соотноситься с возрастом испытуемых и с особенностями их личности. В целом, для данной выборки молодежи не характерно использование неконструктивных стратегий: агрессивные, осторожные действия, однако, отмечаются испытуемые с преобладанием такой копинг-стратегии, как манипулятивные (непрямые) действия, что является неконструктивной особенностью при совладании со стрессом, так как непрямые стратегии часто не приводят к преодолению стрессовой ситуации, а, напротив, осложняют процесс разрешения стрессовой ситуации. Интересной особенностью копинг-стратегий молодежи является низкая выраженность асертивности и уверенности в себе в контексте совладания со стрессом, что может соотноситься с недостаточно конструктивным копингом в случае стресса в процессе обучения и профессиональной деятельности. Анализ особенностей копинг-стратегий в подгруппах молодежи разного возраста, пола, с различным семейным положением, обучающихся и работающих, разных профессий и направлений подготовки (с использованием U -критерия Манна-Уитни) показал следующие различия:

- у юношей более выражена импульсивная копинг-стратегия, чем у девушек ($p < 0,05$), а у девушек более выражена манипулятивная копинг-стратегия, чем у юношей ($p < 0,05$), значимых различий в проявлении просоциальных стратегий не выявлено;
- выраженность импульсивной копинг-стратегии статистически значимо выше у молодежи младшей подгруппы (в возрасте 20 – 25 лет), чем у молодежи старшей подгруппы (от 31 до 36 лет) ($p < 0,01$), статистически значимо выше показатели просоциальных стратегий у молодежи средней по возрасту подгруппы (26 – 30 лет) ($p < 0,01$);
- интересно, что между подгруппами молодежи с разным семейным положением не выявлено значимых различий в копинг-стратегиях, это говорит о гибкости в проявлении поиска социального контакта и социальной поддержки в родительской семье, в собственной семье, в кругу коллег и друзей.

В результате диагностики компонентов жизнеспособности было получено, что для молодежи характерны высокие уровни всех компонентов жизнеспособности. В профиле жизнеспособности у молодежи преобладает внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные и социальные взаимосвязи, менее выражены в целом такие компоненты, как самооэффективность, настойчивость и духовность (что соотносится с особенностями копинг-стратегий – низкой выраженностью асертивности). Особенности жизнеспособности молодежи выражаются в преобладании представления о том, что они являются ответственными за происходящее в их

жизни, могут влиять на окружение и ход жизни в будущем, оптимистичности по поводу способности находить позитивные решения для самих себя и других людей, обладают когнитивными и поведенческими стратегиями для управления потребностями в неблагоприятных условиях, приспособлением к изменяющимся или неблагоприятным обстоятельствам; уверенностью в том, что он может успешно совладать с неблагоприятными условиями; использованием эмоционально-ориентированных и направленных на решение проблем стратегий; оценки межличностных связей, как важного источника эмоциональной поддержки, являющегося основанием жизнеспособности, способности индивида использовать семью, социальную и любую внешнюю систему поддержки для лучшего совладения со стрессом. Получено что, для молодежи не характерна вера в высшие силы, однако, свойственны проявления духовности, как внутреннего регулятора жизнедеятельности, снижающего уровень неудовлетворенности собой и делающего более осмысленной жизнь. У молодежи достаточно развиты такие компоненты жизнеспособности, как самоэффективность и настойчивость, так, для молодежи характерны ожидания и представления, вера в свою способность мобилизовать мотивацию, когнитивные ресурсы, и действия для оказания влияния на то или иное событие, адекватная самооценка, вера в свою эффективность, тогда как несколько ниже показатели настойчивости, что выражается в средних показателях упорства, живучести, самодисциплины, желания продолжить борьбу за восстановление баланса после воздействия неблагоприятных событий жизни. Анализ различий компонентов жизнеспособности в подгруппах молодежи разного возраста, пола, с различным семейным положением, обучающихся и работающих, разных профессий и направлений подготовки (с использованием U-критерия Манна-Уитни) показал следующие различия:

- у юношей более выражена настойчивость, чем у девушек ($p < 0,05$), а у девушек более выражены самоэффективность, семейные и социальные взаимосвязи, чем у юношей ($p < 0,05$), значимых различий в проявлении внутреннего локуса контроля, адаптации и совладания, духовности не выявлено;
- выраженность совладания и адаптации статистически значимо выше у молодежи старшей подгруппы (в возрасте 31 – 36 лет), чем у молодежи младшей подгруппы (от 20 до 25 лет) ($p < 0,05$), статистически значимо выше показатели настойчивости у молодежи средней по возрасту подгруппы (26-30 лет) ($p < 0,05$);
- между подгруппами молодежи с разным семейным положением выявлены различия в проявлении семейных и социальных взаимосвязях, духовности, так у молодежи, живущей в родительской семье и имеющих свою семью данные показатели статистически значимо выше ($r < 0,01$).

В результате анкетирования молодежи при помощи авторской анкеты анализа особенностей ментальности получено, что все испытуемые выборки родились в городе Севастополе и живут в нем на протяжении всей жизни, относятся к разным профессиональным группам, таким, как: инженеры, военнослужащие, педагоги, торговые работники, социальные работники, менеджеры, переводчики, спасатели, медицинские работники, психологи, журналисты, студенты различных направлений подготовки. Испытуемые отметили, что считают себя севастопольцами, для которых характерны такие качества личности, как небезразличие, активность, умение терпеть, закрытость, смелость, решительность. По мнению респондентов, к хорошим людям относятся те люди, которые обладают пониманием и состраданием, умеющие помогать, умеющие хранить тайны и верные своим идеалам, имеющие свои принципы, верные, честные, не склонные к предательству. По мнению респондентов, к плохим людям относятся предатели, злые люди, люди, не имеющие принципов, безразличные, ленивые, жестокие люди. Большинство испытуемых считают, что могут влиять на ход событий в жизни, могут управлять своей жизнью, что соотносится с результатами диагностики компонентов жизнеспособности. Из предложенных в анкете качеств испытуемые наиболее высоко оценили (соотнесли со своей личностью): готовность прийти на помощь, порядочность, добросовестность, доброжелательность, целеустремленность, стремление быть с родными людьми, осуществление смысла в жизни (стремление к пониманию смысла), стремление к достижению успеха, достижения блага для окружающих, стремление понимать других, умение сочувствовать, сострадать, потребность делать добро, замкнутость, смелость, трудолюбие. А окружающих людей оценили, как общительных, оптимистичных, целеустремленных, но стремящихся жить сегодняшним днем, склонных рисковать, любящих праздники, настойчивых, предприимчивых. Расхождение в списках качеств, описывающих себя и других, может отражать конфликт в сфере ценного и доступного, своих стремлений и ожиданий от других людей, так, себя респонденты описывают, как более замкнутых, сдержанных, готовых прийти на помощь, надежных и целеустремленных, а окружающих, как более общительных и открытых, склонных к риску, предприимчивых, любящих праздники. Респондентам характерно некоторое недоверие людям, больший процент группы молодежи отмечает, что, не зная человека, не доверяет ему, не верит в то, что может повлиять на него, тогда как 1/3 выборки отмечает, что, не зная человека на работе, считает, что ему можно доверять, верит в то, что может влиять на его отношение. Среди ценностей респонденты отметили: здоровье, развитие, свободу, время, помощь, дружбу, семью, любовь, духовное удовлетворение, материальный достаток. Респонденты отметили, что будут стремиться хорошо работать, если будут знать, что, то, что они делают на работе нужно людям, интересно окружающим и им

самим, может быть полезно окружающим, сформирует новый опыт и будет оплачиваться. Анализ мотивации и ценностей выборки молодежи Севастополя показал, что у респондентов преобладают духовные ценности над материальными и среди мотивов преобладают внутренние над внешними. Только 6% группы представителей молодежи города Севастополя отмечают, что, когда им плохо (грустно, страшно), они стремятся остаться наедине с собой для того, чтобы осмыслить ситуацию и поведение, тогда как 74% респондентов отмечают, что стремятся разделить свои переживания с окружающими, получить поддержку у семьи, друзей, коллег, в некоторых случаях, знакомых людей, и 30% респондентов отмечают, что стремятся разделить свое состояние и поделиться с крайне узким кругом людей – любимым человеком, мужем (женой), мамой или папой, сестрой или братом, одним другом (подругой). Некоторые респонденты отмечают, что если им предложили дело, о котором они не знают ничего, они возьмутся за него, так как им сложно отказать людям (12%), большая часть группы отмечает, что если им предложили дело, о котором они не знают ничего, возьмутся за него, так как во всем можно разобраться (52%); 20 % респондентов отмечают, что если им предложат дело, о котором они не знают ничего, то они не возьмутся за него, так как не любят ситуации неопределенности и недостатка информации; 16% респондентов отмечают, что, если им предложат дело, о котором они не знают ничего, они не возьмутся за него, пока им подробно не расскажут о нем, не покажут необходимую документацию. Большинство респондентов не склонны к прокрастинации при выполнении большого объема работы, однако, немногие склонны и планировать дела, небольшой процент испытуемых стремятся выполнять большой объем работы весь сразу перед самым сроком сдачи. Анализ корреляционных связей показателей копинг-стратегий, компонентов жизнеспособности, особенностей ментальности при помощи r-Пирсона показал, что интегральный показатель жизнеспособности связан с такими качествами личности молодежи, как

готовность прийти на помощь ($r=0,6, p<0,01$), оптимизм ($r=0,5, p<0,01$), уверенность в себе ($r=0,6, p<0,01$), порядочность ($r=0,7, p<0,01$), целеустремленность ($r=0,6, p<0,01$), умение ограничивать себя ($r=0,4, p<0,05$), решительность ($r=0,6, p<0,01$), смелость ($r=0,7, p<0,01$), трудолюбие ($r=0,6, p<0,01$), замкнутость ($r= - 0,7, p<0,01$). Жизнеспособность связана с ценностями свободы ($r=0,6, p<0,01$), здоровья ($r=0,6, p<0,01$), развития ($r=0,7, p<0,01$), семьи ($r=0,7, p<0,01$). Жизнеспособность связана с представлениями молодежи о хорошем человеке, как о том, который обладает пониманием и состраданием ($r=0,7, p<0,01$), умеет помогать ($r=0,6, p<0,01$). Жизнеспособность связана с поиском социальной поддержки ($r=0,7, p<0,01$), вступлением в социальный контакт ($r=0,7, p<0,01$), манипулятивными действиями ($r= - 0,5, p<0,01$), осторожными действиями ($r= - 0,5, p<0,01$).

Таким образом, жизнеспособность – индивидуальная способность к управлению в контексте культурных норм, условий среды и социума своими ресурсами, развитие человека вопреки трудностям и проблемам. К компонентам жизнеспособности относятся самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные и социальные взаимосвязи, духовность, культура и ментальность. У молодежи города Севастополя при развитых компонентах жизнеспособности, преобладают конструктивные копинг-стратегии, а среди коррелятов жизнеспособности выделяются готовность прийти на помощь, оптимизм, уверенность в себе, порядочность, целеустремленность, умение ограничивать себя, решительность, смелость, трудолюбие, ценности свободы, здоровья, развития, семьи. Жизнеспособность связана с представлениями молодежи о хорошем человеке, как о том, который обладает пониманием и состраданием, умением помогать, с поиском социальной поддержки, вступлением в социальный контакт. Таким образом, существует связь компонентов жизнеспособности, копинг-стратегий и особенностей ментальности у молодежи города Севастополя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер. 2010. 288 с.
2. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений [Текст]. М.: МГУ, 1987. 175 с.
3. Гурьянова М.П. Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1. С. 12-18.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства [Текст]. 2-е изд. СПб.: Питер, 2013. 783 с.
5. Курсыкова Я.А. Менталитет как многогранная психологическая характеристика индивида // Ежегодник РПО: Материалы Третьего Всероссийского съезда психологов, 25-28 июня 2003 г.: в 8 тт. Т. 4. СПб., 2003. С. 576-579.
6. Лактионова А.И. Жизнеспособность в структуре психологических понятий [электронный ресурс]: URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/2642> (дата обращения 01.06.2020)
7. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник ТГУ, выпуск 3 (71), 2009. С. 111-117
8. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: «Институт психологии РАН», 2016. С.135-204.
9. Ментальность как групповое сознание: учебное пособие по курсу «Психология ментальности»: для магистратуры по психологическим направлениям / Г.В. Акопов, Л.В. Давыдкина, Т.В. Семенова. Самара: ПГСГА, 2015. 76 с.

10. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. - М.: Педагогика, 1986. 256 с.
11. Наличаева С.А. Самоактуализационный потенциал личности как детерминанта профессионального выгорания педагогов: диссертация ... кандидата психологических наук. Москва, 2011. 247 с.
12. Нестик Т.А. Жизнеспособность социальной группы: основные подходы к изучению // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. С. 176-192.
13. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001.
14. Проблема ментальности: Межфедеральный сборник научных трудов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. 134 с.
15. Рьльская Е.А. Психологические детерминанты жизнеспособности человека: онтологический контекст // Вестник ЧГПУ. 2009. № 8. С. 87–96

© Наличаева София Александровна (espritsn@yandex.ru), Ткаченко Анастасия Александровна (anastasiyaderzhavina93@mail.ru),
Борисенко Зинаида Викторовна (bzyvpost@gmail.com), Терентьев Богдан Игоревич (tbogdan@mail.ru),
Лукина Екатерина Максимовна (lookinaketrin21@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ТРЕВОЖНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ¹

Новикова Мария Сергеевна

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

masha.n1997@mail.ru

Щербакова Наталья Евгеньевна

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный

университет»

stenyakova-n@mail.ru

ART THERAPY AS A METHOD OF CORRECTING HIGH SCHOOL STUDENTS' ANXIETY IN PREPARATION FOR THE UNIFIED STATE EXAM

**M. Novikova
N. Shcherbakova**

Summary: The article presents material on the study of the possibility of art therapy as a method of correcting the anxiety of high school students before the unified state exam. The characteristic of youth age is given, since the youth period itself acts as a critical difficult stage in the life of every high school student. They are faced with a lot of difficult tasks: successfully passing exams, choosing and entering a higher education institution, which entails drastic changes in life - a change of the team and the beginning of the path to independent life.

The influence of exam anxiety on the mental state of a high school student, as well as on the overall success of exams, is considered. It is shown that during this period, the level of stress and anxiety of high school students increases significantly, which can lead to harmful consequences. And in order for a student to successfully pass all the exams, he needs support and help from others. This is the only way a high school student can be self-confident, be motivated to work, and not feel a constant sense of fear and anxiety. The experiment conducted in the course of the study proves that the method of art therapy in training is effective for high school students to correct anxiety during the exam period.

Keywords: anxiety, school anxiety, correction, unified state exam, high school student, art therapy.

Аннотация: В статье представлен материал по исследованию возможности арт-терапии как метода коррекции тревожности старшеклассников перед единым государственным экзаменом. Дана характеристика юношескому возрасту, так как юношеский период сам по себе выступает в роли переломного сложного этапа в жизни каждого старшеклассника. Перед ними ставится множество трудновыполнимых задач: успешная сдача экзаменов, выбор и поступление в высшее учебное заведение, что влечет за собой кардинальные изменения в жизни - смена коллектива и начало пути к самостоятельной жизни.

Рассмотрено влияние экзаменационной тревожности на психическое состояние старшеклассника, а также в целом на успешность сдачи экзаменов. Показано, что в этот период уровень стресса и тревоги старшеклассников в разы возрастает, что может привести к пагубным последствиям. А для того, чтобы ученик успешно сдал все экзамены, ему необходима поддержка и помощь со стороны окружающих. Только так старшеклассник сможет быть уверенным в себе, быть мотивированным к деятельности и не испытывать постоянное чувство страха и тревоги. Проведенный в ходе исследования эксперимент доказывает, что метод арт-терапии в тренинге является эффективным для старшеклассников по коррекции тревожности в период сдачи экзамена.

Ключевые слова: тревожность, тревога, школьная тревожность, коррекция, единый государственный экзамен, старшеклассник, арт-терапия.

В настоящее время в психологии и педагогике большое внимание уделяется изучению личности подростка, его возрастным и личностным особенностям, так как данный возрастной период несет в себе множество изменений, как внутренних, так и внешних. Но не стоит забывать о том, что за этапом подросткового возраста следует этап юношества, не менее важный и серьезный этап в жизни каждого человека. Когда мы слышим слово «юноша», то многие из нас представляют себе уже повзрослевшую и самостоятельную личность. Но в большинстве своем это бывает совсем не так. Ведь юноша еще «вчера» был тем подростком, который имел множество противоречи-

вых личностных качеств и относился ко всему критично. Только теперь на плечи юноши возлагается большая ответственность и повышается требовательность к нему. В большинстве случаев старшеклассники не готовы к таким переменам. В 11 классе для них остро встает вопрос о дальнейшем обучении, самоопределении, то есть о поступлении в вуз. А для того, чтобы поступить, старшеклассникам необходимо сдать единый государственный экзамен (ЕГЭ). В выпускном классе почти для всех учеников это является главной причиной их переживания и тревоги. Этому способствует множество факторов. Такие, как давление и большая требовательность со стороны родителей, негативный

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса «Ректорские гранты», договор № 7/ПГ от 08.04.2020

настрой учителей (зачастую учителя преувеличивают важность и сложность данных экзаменов и негативно настраивают учеников), а также неуверенность в собственных силах.

В этот возрастной период особенно важным для старшеклассников является поддержка и понимание со стороны родителей и близких. Старшеклассники должны быть уверены в том, что они не одни, что в них верят и поддерживают. Иначе их уровень тревоги может возрасти до очень высокого, неконтролируемого. Именно поэтому на данном возрастном этапе необходимым является проведение различного рода занятий, тренингов, особенно арт-терапевтических, направленных на коррекцию тревожности старшеклассников перед ЕГЭ.

Метод арт-терапии направлен на гармонизацию психического состояния путем развития способности самовыражения и самопознания. В повседневной жизни мы все ограничены строгими рамками, действуем по какому-либо заданному плану. И порой нам трудно бывает разобраться в самих себе, понять, что происходит внутри нас, чем вызвано то или иное состояние, например, той же самой тревоги. Но стоит нам попробовать метод арт-терапии, как сразу же все раскладывается по полочкам. Мы даем волю нашему бессознательному, волю нашим чувствам и действиям. Что в свою очередь приводит нас в состояние гармонии и умиротворенности. Теперь уже человек способен взглянуть на свою проблему с другой стороны и понять, что ее решение и преодоление ему по силам.

Для проверки гипотезы о том, что специально разработанная коррекционная программа, которая содержит в себе методы арт-терапии, способствует снижению уровня тревожности старшеклассников перед ЕГЭ, было проведено исследование на базе МБОУ СОШ №63 г. Пензы. В исследовании приняли участие 58 учеников 11 класса в возрасте 16-17 лет. Исследование проводилось с полного согласия испытуемых.

На первом этапе исследования изучались школьный, самооценочный и межличностный уровни тревожности старшеклассников с помощью методики «Шкала тревожности» Кондаша.

Цель методики: диагностика уровня тревожности по школьной, самооценочной и межличностной шкале.

На втором этапе исследования выявлялись реактивный и личностный уровни тревожности с помощью опросника Спилбергера-Ханина для определения ситуативной и личностной тревожности.

Цель методики: определение уровня реактивной и личностной тревожности.

На следующем этапе диагностики было проведено анкетирование учащихся с целью выявления их уровня знакомства с процедурой, уровня тревоги, вызванной предстоящими экзаменами, а также был выявлен уровень владения навыками самоконтроля.

Для того, чтобы определить уровень готовности учеников выпускного класса к ЕГЭ по нескольким параметрам, испытуемым было предложено заполнить анкету, где они должны были оценить свое согласие или несогласие с некоторыми утверждениями по 10-балльной шкале.

Данная анкета позволила нам определить уровень готовности учащихся к ЕГЭ по нескольким параметрам. Она имеет ориентировочный характер, позволяет оценить готовность к ЕГЭ глазами самих выпускников и имеет следующие составляющие: способность к самоорганизации (познавательный компонент), уровень тревоги (личностный компонент) и знакомство с процедурой экзамена (процессуальный компонент). Анкета может проводиться для скрининговой диагностики в выпускных классах, а также для оценки результативности деятельности психолога (в этом случае она проводится до и после занятий). Опыт работы с анкетой показывает, что во втором случае показателем эффективности не обязательно будет являться рост показателей. Напротив, зачастую в результате занятий дети осознают дефицит знаний по той или иной проблеме, что и найдет отражение в снижении показателей.

Затем, после первичной диагностики, была проведена коррекционная работа с помощью метода арт-терапии с учащимися, чей уровень тревожности оказался высоким.

Цель социально-психологического тренинга: снижение уровня тревожности старшеклассников перед ЕГЭ.

Задачи тренинга: создание доверительной обстановки в группе; отработка умения выражать свои эмоции и чувства, а также обсуждение их в группе; развитие образного мышления; активизация процесса самопознания; развитие навыка работы в команде; снижение уровня тревожности; закрепление полученных навыков.

Программа тренинга включает в себя следующие приемы: методы арт-терапии; работа с метафорическими картами; групповая дискуссия; игры (психогимнастические, целевые); приёмы саморегуляции.

Формы работы: групповая работа, работа в парах, работа в микро-группах.

Ожидаемым результатом социально-психологического тренинга является: снижение уровня тревожности

старшеклассников.

Было проведено 8 тренинговых занятий, каждое из которых длилось 1 час.

На заключительном этапе исследования была осуществлена повторная диагностика учащихся, принимавших участие в тренинговых занятиях, а также были сравнены результаты до и после проведения коррекционной работы. Математическая обработка была выполнена с помощью t-критерия Стьюдента.

Ключевыми понятиями нашего исследования являются тревожность, юношеский возраст и метод арт-терапии для коррекции тревожности. Вначале проанализируем понятия «тревога» и «тревожность» в зарубежной и отечественной психологии.

В психологии тревожность понимается, как некое нервно-психическое напряжение, при котором обычная нейтральная ситуация воспринимается человеком, как угрожающая, вызывающая переживания. При этом данное состояние может сопровождаться такими чувствами, как страх, гнев и вина [1, с. 432].

Анализ современных психологических исследований тревожности приводит к заключению, что они исходят в основном из четырех основных источников: классических теорий эмоций, психоанализа, неофрейдизма и теории научения.

Дж. Тейлор был первым, кто дал определение тревожности, которое и на сегодняшний день используется многими специалистами. Тревожность в понимании автора - это переживание нейтральной ситуации как угрожающей и соответствующее этому поведенческое стремление избегания воображаемой угрозы.

Тревожность в отечественной психологии различается, как некое устойчивое свойство и как эмоциональное состояние, черта темперамента и личности. Эти различия соответствуют таким понятиям, как «тревога» и «тревожность». По мнению Ю.Л. Ханина, тревога как состояние - это реакция на социально-психологические факторы, вызывающие стресс. Данная реакция сопровождается беспокойством, напряжённостью, озабоченностью, а также активизацией вегетативной нервной системы. А тревожность характеризуется, как склонность индивида к переживанию тревоги. В этом случае у человека имеется большая вероятность возникновения реакции тревоги [2, с. 143].

Для дальнейшего исследования нам необходимо дать характеристику юношескому возрасту. Некоторые психологи в своей возрастной периодизации определяют подростковый возраст вплоть до 17-18 лет, кто-то счита-

ет этот возраст ранним юношеством. Но в любом случае семнадцатилетний школьник ещё имеет общие черты с подростком. В своей работе мы ориентировались на возрастную периодизацию Д.Б. Эльконина, где границы ранней юности определены в возрасте 15-17 лет [3, с. 379].

Находясь в возрасте 16 лет, школьнику ещё сложно освободиться от своей подростковой односторонности в своих оценках и категоричности. Лица юношеского возраста чувствуют свою внутреннюю самостоятельность, их мысли устремлены в будущее, они стараются быть более уравновешены и общительны. Но при этом есть и обратная сторона. Старшеклассникам, окружающая их действительность порой кажется мрачной, негативной. Из-за этого уровень их мотивации в разы падает, в них начинает проявляться отчаяние и пессимизм. Здесь необходимо активное привлечение и включение лиц юношеского возраста в решение конкретной проблемы, вызывающей негативные переживания [4, с. 39].

В этот период необходимо отметить значимость ЕГЭ в жизни старшеклассников, поскольку экзамены оказывают на лиц юношеского возраста немалое психологическое влияние. Считается, что данное нововведение является эффективным в системе образования. Ведь ЕГЭ дает возможность ученикам сдать экзамены только в школе, не сдавая вступительные в институте. При этом выпускники могут подать свои документы сразу в несколько вузов. Но при этом существует мнение, что эта модернизация не способна в полной мере проверить истинные знания школьников. Помимо прочего ЕГЭ является причиной возникновения тревожности и других отрицательных проявлений у лиц юношеского возраста. Ведь для них это является очень важным. Поскольку от успешности сдачи экзаменов зависит их дальнейшая судьба. Данный вопрос волнует не только выпускников, но и их родителей, учителей и психологов. Ведь то, насколько успешно ученик сдаст экзамен, зависит не только от уровня его знаний, но и от его психоэмоционального состояния [6, с. 197-203].

Экзаменационную тревожность также называют ситуационной тревожностью, поскольку она проявляется только в определенной ситуации, в данном случае перед и во время экзамена. Выпускники лишены психологической поддержки во время экзамена, проверяют их работы и принимают решение совершенно незнакомые для них люди.

Необходимым является проводить адаптацию учащихся к сдаче ЕГЭ на протяжении всего обучения в школе. Но особенно стоит уделить внимание учебному году перед сдачей экзаменов. Все участники образовательного процесса должны способствовать благоприятному психологическому настрою выпускников. Поскольку частыми являются случаи стрессового состояния, нервно-

го срыва и неадекватного поведения перед и вовремя ЕГЭ. Период юношеского возраста - очень важное время в жизни каждого молодого человека. На этом этапе лица юношеского возраста приобретают самостоятельность в некоторых решениях, выбирают свой дальнейший профессиональный путь, сдают ЕГЭ для поступления в ВУЗ. Иными словами говоря - переживают состояния тревоги и стресса. Именно поэтому требуется комплексная коррекция состояния тревоги, поддержка и помощь всем лицам юношеского возраста [7, с. 28-34]. В настоящее время арт-терапия является эффективным методом коррекции и используется как самостоятельная или дополнительная техника.

Адриан Хилл ввел термин «арт терапия», что означает «терапия искусством». Впервые он применил этот термин, когда проводил терапевтическую работу с детьми больными туберкулезом. Под этим понятием он подразумевал любую коррупционную работу, в которой присутствуют элементы искусства.

З. Фрейд и К.Г. Юнг были первыми, кто написал об арт-терапии в своих теоретических идеях. В дальнейшем К. Роджерс и А. Маслоу продолжили развивать данную идею в своих гуманистических моделях развития личности [8, с. 64].

Главная цель метода арт-терапии - гармонизация развития личности путем развития способности самовыражения и самопознания. З. Фрейд считал, что самым главным механизмом воздействия на человека в процессе коррекции методом арт-терапии является механизм сублимации. По мнению же К. Юнга, данный метод помогает человеку установить зрелый баланс между бессознательным и сознательным «Я» [9, с. 220].

Необходимо отметить, что одно из важных в методе арт-терапии, это столкновение между собой сознательного и бессознательного, а в дальнейшем их примирение. Все это осуществляется благодаря технике

активного воображения.

Когда арт-терапия только начинала развиваться, считалось, что любой продукт творческой деятельности отражает бессознательную сторону человека, его неосознаваемые психические процессы [10, с. 256].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метод арт-терапии является благоприятным и подходящим для старших школьников, поскольку в процессе рисования учащийся способен реализовать себя, познать и выразить весь свой негатив в рисунке, с целью избавления от своих переживаний.

После первичной диагностики, нами было выявлено количество учащихся, имеющих высокий уровень тревоги по какому-либо из показателей методики (одной, двух или всех трех). Из 58 человек оказалось 18 учащихся с высоким уровнем тревоги, причем из них 17 девушек и всего лишь 1 юноша. Это может быть связано с тем, что для девушек характерны такие личностные особенности, как ответственность, исполнительность, более высокая критичность. Именно эти характеристики и способствуют более высокому развитию уровня тревожности.

После проведенной нами коррекционной работы, была осуществлена повторная диагностика участников тренинга.

Результаты, полученные по итогам методики «Шкала тревожности» Кондаша до и после коррекционного воздействия, представлены в таблице 1.

До тренинговых занятий для 40% испытуемых было характерно «чрезмерное спокойствие» по общему уровню тревожности, после занятий этот процент понизился до 30%. Но при этом данный результат будет являться положительным, так как «чрезмерное спокойствие» может негативно сказываться на результатах деятельности. Также при первичной диагностике

Таблица 1.

Результаты исследования по методике «Шкала тревожности» Кондаша до и после коррекционного воздействия

Уровень тревожности	Общий уровень тревожности		Школьная тревожность		Самооценочная тревожность		Межличностная тревожность	
	До	После	До	После	До	После	До	После
«Чрезмерное спокойствие»	40%	30%	0%		40%	40%	0%	10%
Нормальный	60%	70%	80%	90%	60%	50%	60%	80%
Несколько повышенный	0%		10%	10%	0%	10%	30%	10%
Высокий	0%		10%	0%	0%		10%	0%
Ср. знач.	42,5	34,125	11,4	8,25	13,2	11,75	17,9	14,125

было обнаружено, что у 60% учеников общий уровень тревожности достигает нормального. После проведения тренингов данный процент учеников оказался равным 70%. С помощью математической обработки данных не было выявлено различий ($t_{\text{эмпирическое}} = 0,9$).

До проведенных тренингов у 10% учащихся был выявлен высокий уровень школьной тревожности. При повторной диагностике данный показатель оказался равным 0%. Можно сказать о том, что имеется тенденция к снижению уровня тревожности. В случае проведения дальнейшей коррекционной работы с данной выборкой результаты будут более заметны. Но при математической обработке данных не было выявлено различий ($t_{\text{эмпирическое}} = 2,1$).

До коррекционных занятий у 60% старшеклассников уровень самооценочной тревожности оказался нормальным. После проведения коррекции этот процент снизился до 50%. С помощью математической обработки данных не было выявлено различий ($t_{\text{эмпирическое}} = 2,1$).

Также стоит отметить, что при первичной диагностике 30% старшеклассникам был характерен несколько повышенный уровень межличностной тревожности. После же проведения нами коррекционной работы, данный процент снизился до 10%. Высокий уровень межличностной тревожности был обнаружен у 10% испытуемых при проведении диагностики до тренинговых занятий. При повторной диагностике этот показатель снизился до 0%. Математическая обработка данных подтвердила выявленные различия на однопроцентном уровне значимости ($t_{\text{эмпирическое}} = 7,8$).

Результаты, полученные по итогам опросника Спилбергера-Ханина до и после коррекционного воздействия, представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты испытуемых по опроснику Спилбергера-Ханина для определения ситуативной и личностной тревожности до и после коррекционного воздействия

Уровень тревожности	Реактивная тревожность		Личностная тревожность	
	До	После	До	После
Низкий	80%	90%	0%	50%
Умеренный	20%	10%	10%	40%
Высокий	0%	0%	90%	10%
Ср. знач.	27	26,6	49,3	27,7

Низкий уровень реактивной тревожности был обнаружен у 80% учащихся до тренинговых занятий. После проведения тренингов данный процент увеличился до

90%. Математическая обработка данных не подтвердила выявленные различия ($t_{\text{эмпирическое}} = 0,5$).

Умеренный уровень личностной тревожности был свойственен до коррекционной работы 10% испытуемым, после – 40%. 90% старшеклассникам был свойственен до проведения тренингов высокий уровень личностной тревожности. После же проведения коррекционной работы данный процент учеников понизился до 10%. Математическая обработка данных подтвердила выявленные различия на однопроцентном уровне значимости ($t_{\text{эмпирическое}} = 9,1$).

Результаты анкеты до и после коррекционного воздействия, представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты анкеты «Готовность к ЕГЭ» М.Ю.Чибисовой до и после коррекционного воздействия

Уровень Готовности	Параметры готовности					
	Знакомство с процедурой		Уровень тревоги		Самоконтроль и самоорганизация	
	До	После	До	После	До	После
Низкий	10%	0%	40%	90%	30%	10%
Высокий	90%	100%	60%	10%	70%	90%
Ср. знач.	8,5	8,5	6,5	4,3	7,4	8,8

По такому параметру, как «знакомство с процедурой» 10% учеников имели низкий уровень готовности, после проведения тренинговых занятий этот процент понизился до 0%. Стоит отметить, что есть тенденция к повышению результатов по данному показателю. Но при этом с помощью математической обработки данных не было выявлено различий ($t_{\text{эмпирическое}} = 1,4$).

При первичной диагностике 60% учащихся был характерен высокий уровень тревоги, вызванный предстоящими экзаменами. После коррекционной работы данный процент уменьшился до 10%. Математическая обработка данных подтвердила выявленные различия на пятипроцентном уровне значимости ($t_{\text{эмпирическое}} = 2,7$).

70% старшеклассникам изначально был свойственен высокий уровень готовности по параметру «самоконтроль и самоорганизация». При повторной диагностике этот процент возрос до 90%. Как мы видим, имеется тенденция к повышению результатов по этому параметру. При дальнейшей коррекции результаты учащихся могут повыситься. Математическая обработка данных не подтвердила выявленные различия ($t_{\text{эмпирическое}} = 2,2$).

Проведенное исследование подтверждает, специ-

ально разработанная коррекционная программа, которая содержит в себе методы арт-терапии, способствует снижению уровня тревожности старшеклассников перед ЕГЭ.

В настоящее время все чаще обостряется проблема повышения уровня тревожности школьников. Особенно старшеклассников в период подготовки к экзаменам. Поэтому необходимым является проводить коррекционные работы с учащимися с целью снижения уровня тревожности и ее профилактики.

Нами было проведено исследование, в ходе которого осуществлялась диагностика общего уровня тревожности старшеклассников, а также уровня тревожности, вызванной предстоящими экзаменами.

Было выявлено, что большая часть класса имеет высокий уровень тревожности по какому-либо показателю. С данным процентом учеников была проведена коррекционная программа, состоящая из 8-ми занятий продолжительностью в один час. Основной метод, ис-

пользующийся в тренингах - метод арт-терапии.

По завершению тренинговых занятий было осуществлено повторное диагностирование с целью сравнения результатов. С помощью t-критерия Стьюдента было выявлено, что практически для всех учеников данная коррекционная программа оказалась эффективной, поскольку уровень их тревожности по различным показателям снизился.

Мы считаем, что необходимым является осуществлять психолого-педагогическое сопровождение старшеклассников на протяжении подготовки к ЕГЭ. Ведь в этот период уровень их стресса и тревоги в разы возрастает, что может привести к пагубным последствиям. А для того, чтобы ученик успешно сдал все экзамены, ему необходима поддержка и помощь со стороны окружающих. Только так старшеклассник сможет быть уверенным в себе, быть мотивированным к деятельности и не испытывать постоянное чувство страха и тревоги. По нашему мнению, метод арт-терапии в тренинге является интересным и эффективным для старшеклассников и может быть использован в работе педагога-психолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий психологический словарь / под ред. Петровского А.В., Ярошевского М.Г. М.: Академия. 2009. – 432 с.
2. Тревога и тревожность. Хрестоматия / сост. В.М. Астапов. — СПб. 2010. – 143 с.
3. Аверин В.А. Психология детей и подростков. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 379 с.
4. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. – СПб.: Речь, 2010. – 39 с.
5. Андреева И.Н. Взаимосвязь личностной тревожности и социально-психологических характеристик подростков: автореферат дисс. канд. психол. наук. – Минск, 2012. – 21 с.
6. Чибисова М. Методический инструментальный психологической подготовки к ЕГЭ // Народное образование. 2009. № 9. с.197-203.
7. Меттус Е.В. Памятки для подготовки учащихся к ЕГЭ // Справочник классного руководителя. 2014. № 4. – С. 28-34.
8. Киселева М.В. Арт-терапия в психологическом консультировании: учебное пособие / М.В. Киселева, В.А. Кулганов. - СПб.: Речь, 2014. – 64 с.
9. Психологическое консультирование в школе. Хрестоматия / Сост. Н.В. Коптева. – Пермь: Западно-Уральский учебно-научный центр, 2010. – 220с.
10. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб. Речь, 2013. – 256с.

© Новикова Мария Сергеевна (masha.n1997@mail.ru), Щербакова Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

MODEL OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

**O. Polenova
S. Leshchenko
N. Peshkova**

Summary: The article reveals the relevance of studying psychological and pedagogical support of interpersonal relationships of students with disabilities in the educational environment of the University. The features of interpersonal relations development in students of this category are considered. The model of psychological and pedagogical support is described in detail, as well as an assessment of the productivity of its implementation. This article will be of interest to specialists working with students with disabilities.

Keywords: model of psychological and pedagogical support, interpersonal relationships, students with disabilities, educational environment of the University.

Поленова Ольга Анатольевна

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
olechka.polenova.96@mail.ru

Лещенко Светлана Геннадьевна

К.псих.н., доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
svet-lanal@mail.ru

Пешкова Наталья Александровна

К.псих.н., доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
na_peshkova@mail.ru

Аннотация: В статье раскрыта актуальность изучения психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза. Рассмотрены особенности развития межличностных отношений у студентов данной категории. Подробно описана модель психолого-педагогического сопровождения, а также представлена оценка продуктивности ее реализации. Данная статья будет интересна специалистам, работающим со студентами с инвалидностью.

Ключевые слова: модель психолого-педагогического сопровождения, межличностные отношения, студенты с инвалидностью, образовательная среда вуза.

Введение

Важным средством развития человека с инвалидностью в обществе является инклюзивное образование. В связи с этим право на получение высшего образования становится все более доступным и востребованным для лиц с инвалидностью, что выражается в увеличении в последние годы численности таких студентов в российских вузах [8].

Умение выстраивать личностные и профессиональные межличностные отношения с окружающими является важным качеством любого человека. Как показывают исследования, у студентов с инвалидностью имеются трудности по выстраиванию межличностных отношений. Это связано с тем, что у них снижена потребность в общении с окружающими, нарушена социально-психологическая адаптация в целом. Это, в свою очередь, мешает быть студенту с инвалидностью конкурентоспособным выпускником при устройстве на работу. Все вышесказанное подтверждает актуальность

изучения данной проблемы на сегодняшний день.

Особенности психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью отражены в работах О.И. Купреевой, О.А. Козыревой и др. [6, 5]. Изучением межличностных отношений внутри студенческой группы занимаются такие ученые, как: Е.Л. Данилова, Е.Л. Козуб [2, 4]. Специфика выстраивания межличностных отношений студентов с инвалидностью раскрыты в работах Д.А. Фатеевой, Т.В. Климовой, М.Л. Скуратовской, Л.М. Кобриной [8].

Несмотря на широкий выбор работ, направленных на изучение психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью, исследований, направленных на изучение развития межличностных отношений студентов данной категории в образовательной среде вуза, на сегодня недостаточно.

Исходя из всего вышесказанного, проблема исследования определяется противоречием: с одной сто-

роны, необходимости психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью для успешного трудоустройства студентов данной категории, с другой стороны, недостаточной разработанности данной проблемы в психолого-педагогической и специальной литературе.

Одной из главных задач сопровождения студентов с инвалидностью является организация конструктивного сотрудничества, которое, в свою очередь, открывает перспективы для личностного развития, а также автоматически запускает процессы социальной адаптации и успешной социализации.

Обязательными направлениями процесса сопровождения студентов с инвалидностью являются [5]: диагностическая работа; коррекционно-развивающая работа; консультативная работа; разработка программы всестороннего сопровождения; выбор формы работы по сопровождению; определение индивидуального образовательного маршрута; отслеживание продуктивности реализации модели сопровождения; разработка адаптированной образовательной программы.

Наше исследование проходило в ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» на базе факультета психологии. Выборку составили студенты с инвалидностью в возрасте от 18 до 21 года.

Основная часть

Психолого-педагогическое сопровождение межличностных отношений студентов с инвалидностью в вузе – это целостная комплексная, системно-организованная деятельность, в которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного развития межличностных отношений со стороны специалистов различного профиля, действующих согласовано.

Цель модели психолого-педагогического сопровождения – создание оптимальных психолого-педагогических условий для развития межличностных отношений студентов с инвалидностью в вузе.

Объект сопровождения – межличностные отношения студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Предмет сопровождения – разработка структуры и содержания психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Участники модели сопровождения: педагог-психолог,

куратор учебной группы, родители студента с инвалидностью, одногруппники студента с инвалидностью, студент с инвалидностью.

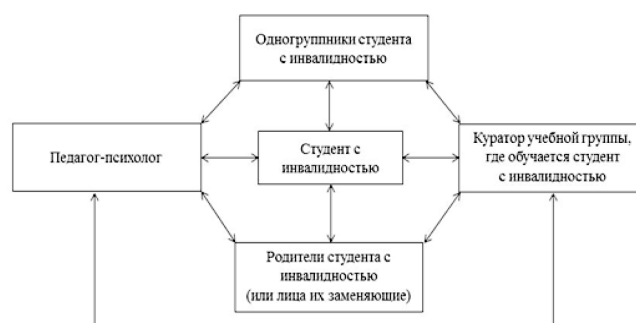

Рис. 1. Схема взаимодействия участников модели психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза

Предлагаемая нами модель психолого-педагогического сопровождения включает в себя несколько этапов:

1. Диагностический этап.

Цель: диагностика показателей развития межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Задача: составление и реализация диагностической программы, направленной на изучение показателей развития межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

2. Организационный этап.

Цель: разработка коррекционно-развивающей программы, направленной на развитие межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Задачи:

- определение направлений, цели и задач коррекционно-развивающей программы;
- проектирование и построение коррекционно-развивающей программы, основанной результатах диагностического этапа;
- написание рекомендаций для кураторов групп, преподавателей, одногруппников студентов с инвалидностью, а так же для родителей студентов с инвалидностью (или лиц их заменяющих);
- распределение обязанностей среди участников психолого-педагогического сопровождения.

3. Формирующий этап.

Цель: реализация коррекционно-развивающей программы.

Задачи:

- проведение коррекционно-развивающей работы;
- согласованная работа всех участников психолого-педагогического сопровождения.

4. *Контрольный этап.*

Цель: диагностика сформированности показателей развития межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Задача: проведение повторного диагностического исследования с применением тех же методик, что и на

диагностическом этапе.

5. *Аналитический этап.*

Цель: анализ продуктивности проведенной коррекционно-развивающей работы.

Задачи:

- сравнительный анализ полученных данных на диагностическом и контрольном этапе;
- оценка продуктивности проведенной специалистами психолого-педагогического сопровождения работы.

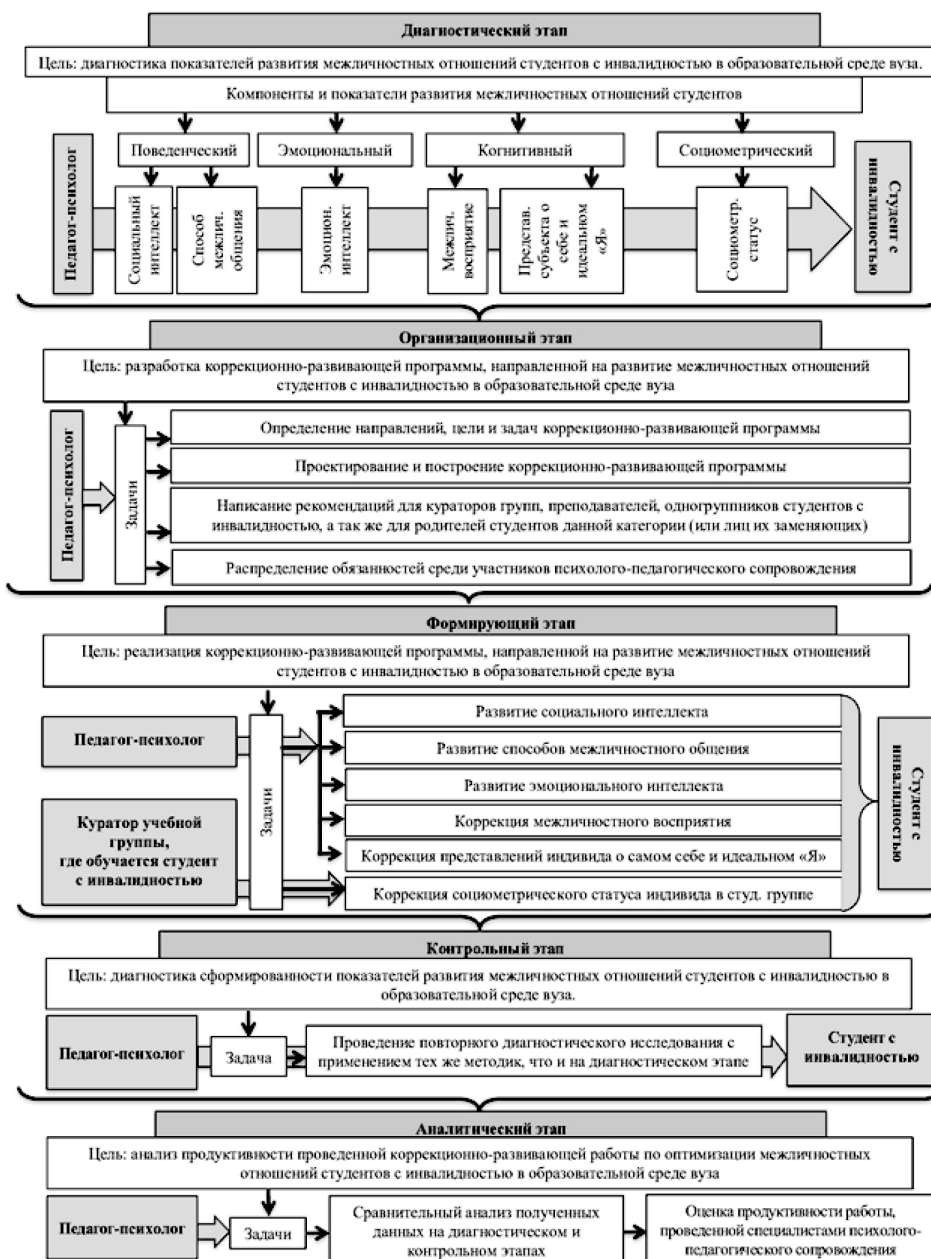

Рис. 2. Схема модели психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза

Схема модели психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза представлена на рисунке 2.

Методы исследования

Психолого-педагогической литературе понятие «межличностные отношения» определяют как субъективно переживаемые взаимоотношения между людьми, которые проявляются во взаимных влияниях людей друг на друга. (А.А. Бодалев) [1].

На основании проведенного контент-анализа понятия «межличностные отношения», мы выделили компоненты и показатели развития межличностных отношений, которые легли в основу разработки диагностической программы изучения данного феномена у студентов с инвалидностью в вузе:

- Поведенческий компонент. Показатели: социальный интеллект (Тест Дж. Гилфорда «Социальный интеллект»); способ межличностного общения (Тест коммуникативных умений Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха)).
- Эмоциональный компонент. Показатель: эмоциональный интеллект (Тест на эмоциональный интеллект (Тест EQ) Н. Холла).
- Когнитивный компонент. Показатели: межличностное восприятие (Методика «Исследование восприятия индивидом группы» Е.В. Залюбовской); представление субъекта о себе и идеальном «Я» (Методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири).
- Социометрический компонент. Показатель: социометрический статус (Методика социометрических измерений Дж. Морено).

Ход эксперимента и его результаты

Результаты диагностического этапа исследования показали, что межличностные отношения студентов с инвалидностью характеризуются низким уровнем развития социального и эмоционального интеллектов, преобладанием зависимого и компетентного способов общения, в межличностном восприятии у них наблюдается индивидуалистическая и прагматическая направленность, представления о себе и реальном «Я» имеют качественные различия, в студенческой группе преимущественно они имеют социометрический статус «отверженные» или «непринятые». Следовательно, для данной выборки студентов необходимо провести коррекционно-развивающую работу, направленную на развитие всех показателей развития межличностных отношений.

На организационном этапе реализации модели психолого-педагогического сопровождения межличност-

ных отношений студентов с инвалидностью в вузе нами была разработана коррекционно-развивающая программа.

Цель коррекционно-развивающей программы: развитие межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза.

Задачи коррекционно-развивающей программы:

1. Развитие социального интеллекта посредством психогимнастики и анализа конкретных ситуаций;
2. Коррекция способов межличностного общения посредством ролевых игр и групповых дискуссий;
3. Развитие эмоционального интеллекта посредством психогимнастики и рефлексии;
4. Коррекция межличностного восприятия через ролевые и групповые игры;
5. Коррекция представлений индивида о самом себе и идеальном «Я» посредством бесед и аутотренинга.

На занятиях по данной программе мы внедряли следующие методы работы: беседа, групповая дискуссия, парная форма работы, метод игры (психотехника, имитационная и ролевая игры), аутотренинг, рефлексия.

Форма коррекционно-развивающих занятий: групповая.

На формирующем этапе реализации модели психолого-педагогического сопровождения нами была апробирована коррекционно-развивающая программа, состоящая из 13 занятий, длительность каждого из которых один час. Программа проводилась 1 раз в неделю в специально оборудованном помещении для тренинга.

Параллельно реализации педагогом-психологом коррекционно-развивающей программы, на учебных занятиях куратор группы, где обучается студент с инвалидностью, использует специальные приемы «ситуации успеха» для коррекции социометрического статуса студента с инвалидностью в студенческой группе (это студенты с социометрическим статусом «отвергнутые», «непринятые» и «принятые»). Сюда относятся следующие приемы: «неожиданная радость», «ожидаемая радость», «снятие страха», «коллективная похвала», «авансирование успеха», «персональная исключительность».

После апробации коррекционно-развивающей работы, нами был проведен контрольный этап исследования, на котором осуществлялось повторное диагностическое исследование для оценки продуктивности проделанной работы. С этой целью применялись те же методики, что и на констатирующем этапе.

Изучение социального интеллекта показало, что

процентное количество испытуемых, имеющих низкий уровень его развития, на контрольном этапе уменьшилось на 70%. У данных студентов все еще не способны выделять из контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения, они плохо понимают отношения. Среднеслабый уровень увеличился на 30%. У испытуемых способности к познанию поведения ниже среднего. Процентное количество испытуемых имеющих средний уровень развития социального интеллекта увеличилось на 30%. Студенты легко находят общий язык с окружающими, имеют поддерживать благоприятный психологический климат в группе, проявляют больше интереса, изобретательности и находчивости в работе. Среднесильный уровень увеличился на 10%. Испытуемые выражают интерес к познанию себя, способны выделять экспрессию поведения, легко уживаются в коллективе. Высокий уровень развития социального интеллекта на констатирующем и контрольном этапах имеют 0% испытуемых.

Изучение способов общения показало, что процентное количество испытуемых, имеющих низкий показатель зависимого способа общения, на контрольном этапе увеличился на 20%, пониженный – уменьшился на 10%. Средний показатель зависимого способа общения имеют 30% испытуемых, повышенный – уменьшился до 0%. Высокий показатель зависимого способа общения на контрольном имеют 0% испытуемых. Низкий показатель компетентного способа общения уменьшился до 0%. Процентное количество испытуемых имеющих пониженный показатель компетентного способа общения 20%, средний – увеличился на 10%. Повышенный показатель компетентного способа общения уменьшился на 30%, а высокий показатель увеличился до 30%. Агрессивный способ общения у 100% испытуемых находится на низком показателе.

Изучение эмоционального интеллекта показало, что процентное количество испытуемых имеющих низкий уровень его развития на контрольном этапе уменьшился на 30%, у данных студентов все еще имеются трудности в осознании и понимании своих эмоций, в распознавании эмоций других людей, они плохо управляют своими эмоциями. Процентное количество испытуемых, имеющих средний уровень развития эмоционального интеллекта, увеличился на 10%, это говорит нам о том, что данные студенты испытывают некие трудности в управлении своими эмоциями, в распознавании и понимании эмоций других людей. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта увеличился до 20%, т.е. испытуемые осознают и понимают свои эмоции, умеют управлять ими и своим поведением.

Изучение межличностного восприятия показало, что процентное количество испытуемых, имеющих индивидуалистическую направленность восприятия

группы, на контрольном этапе уменьшилось на 10%, это говорит нам о том, что для данных студентов группа является средством для достижения индивидуальных целей, они воспринимают группу с точки зрения ее «полезности». Процентное количество испытуемых, имеющих коллективистическую направленность восприятия группы, на контрольном этапе увеличилось до 40%, т.е. для студентов на первый план выступают проблемы группы или отдельных ее членов, они воспринимают группу как самостоятельную ценность, в совместной деятельности у них проявляется потребность в коллективных, совместных формах работы. Процентное количество испытуемых, имеющих прагматическую направленность восприятия группы, на контрольном этапе уменьшилось на 20%, для данных студентов группа – это помеха своей деятельности, они уклоняются от коллективных совместных форм деятельности с коллективом.

При изучении представлений субъекта о себе и идеальном «Я» мы рассматривали два основных параметра «Доминирование» и «Дружелюбие». Результаты диагностики показали, что в реальном «Я» по формуле «Доминирование», процентное количество испытуемых, имеющих положительный результат, уменьшилось на 30%. В идеальном «Я» на диагностическом и контрольном этапах 100% испытуемых имеют положительный результат по формуле «Доминирование». Это свидетельствует о том, что у них проявляется выраженное стремление к лидерству в общении, к доминированию. Процентное количество испытуемых, имеющих отрицательный результат по формуле «Доминирование», увеличилось на 30%, т.е. студенты склонны к подчинению, они открыто демонстрируют отказ от ответственности и позиции лидерства. В идеальном «Я» отрицательный результат по формуле «Доминирование» имеют 0% испытуемых. По формуле «Дружелюбие» в реальном «Я» процентное количество испытуемых, имеющих отрицательный результат, уменьшилось на 40%, а в идеальном «Я» – на 10% испытуемых. Это говорит нам о том, что студенты демонстрируют агрессивную и конкурентную позицию, которая мешает успешному сотрудничеству и совместной деятельности в группе. Положительный результат по формуле «Дружелюбие» в реальном «Я» увеличился на 40%, а в идеальном «Я» – на 10%, т.е. студенты стремятся к установлению дружелюбных отношений и сотрудничеству с окружающими.

По результатам изучения социометрического статуса, было выявлено, что социометрический статус «звезды» не получил ни один из испытуемых. В числе «предпочитаемых» в своей группе оказалось 20% испытуемых. Социометрический статус «принятые» в своей группе получили 40% испытуемых. В числе «непринятых» в своей группе оказалось 20% испытуемых. Социометрический статус «отвергнутые» в своей группе получили 20% испытуемых.

На аналитическом этапе для статистического анализа полученных данных нами был выбран t-критерий Стьюдента [3], результаты которого показали, что полученные эмпирические значения $t_{\text{эмп}}$ во всех расчетах по всем методикам оказались больше имеющегося $t_{\text{крит}}$, что указывает на нахождение полученных результатов в зоне значимости.

Заключение

Таким образом, по итогу проведенного статистического анализа, мы можем сделать вывод о том, что разработанная нами модель психолого-педагогического сопровождения межличностных отношений студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза показала свою продуктивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
2. Данилова Е.Л. Особенности межличностных отношений в студенческой группе [Текст] // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 70-72. URL <https://moluch.ru/conf/psy/archive/81/3474/> (дата обращения 06.01.2019)
3. Ермолаева О.Ю. Математическая статистика для психологов. 4-е издание испр. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://www.psychol-ok.ru/statistics/student/>. (Дата обращения: 06.05.2020)
4. Козуб Е.Л. Особенности взаимосвязи общения и межличностных отношений в студенческих группах педагогического вуза: дис. к.п.с.н.: 19.00.07. Москва, 1994. 183 с.
5. Козырева О.А. Организация комплексного сопровождения студентов инвалидов и студентов с ограниченными возможностями здоровья в процессе обучения в вузе [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27266505> (дата обращения 08.06.2019)
6. Купреева О.И. Особенности психологического сопровождения студентов с ограниченными возможностями здоровья. М: МПГУ, 2011. С. 210-211
7. Фатеева Д.А., Климова Т.В., Скуратовская М.Л., Кобрина Л.М. КиберЛенинка: (2018). Межличностное взаимодействие в условиях инклюзивного образования студентов с ограниченными возможностями здоровья. Российский психологический журнал, 14(3), С. 13-29. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnoe-vzaimodeystvie-v-usloviyah-inklyuzivnogo-obrazovaniya-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения 10.10.2019)

© Поленова Ольга Анатольевна (olechka.polenova.96@mail.ru), Лещенко Светлана Геннадьевна (vet-lanal@mail.ru),
Пешкова Наталья Александровна (na_peshkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Распопин Евгений Владимирович

К.псх.н., доцент, Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург)
ev73@mail.ru

A STUDY OF THE CAUSES THAT HINDER SUCCESSFUL RESOCIALIZATION OF PERSONS RELEASED FROM PRISON

E. Raspopin

Summary: The purpose of this work is to study the reasons that prevent successful resocialization of persons released from prison. The work was based on the study of reports of convicts, as well as their relatives and friends. According to the results of the study, three main groups of causes were identified. The first group – negative features of behavior of the former convict (laziness, idleness, bad habits, irresponsible behavior, etc.). The second group consists of negative behaviors of people around them that the former convict contacts (incorrect social circle, old connections and acquaintances, lack of support, etc.). The third group – unfavorable socio-economic conditions (difficulties in employment, difficult financial situation, etc.). The identified reasons can be considered as “targets” for organizing psych corrective work aimed at helping convicts to successfully re-socialize after their release from prison.

Keywords: resocialization, convicted, criminal behavior, repeat criminality, the psychology of prisoners.

Аннотация: Целью работы выступило изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Работа строилась на основе изучения отчетов осужденных, а также их родных и близких. По результатам исследования были выделены три основные группы причин. Первая группа – негативные особенности поведения самого бывшего осужденного (лень, праздность, вредные привычки, безответственное поведение и т. п.). Вторая группа – негативные особенности поведения окружающих людей, с которыми контактирует бывший осужденный (неправильный круг общения, старые связи и знакомые, отсутствие поддержки и т. п.). Третья группа – неблагоприятные социально-экономические условия (трудности трудоустройства, тяжелое материальное положение и т. п.). Выявленные причины могут рассматриваться как «мишени» для организации психокоррекционной работы, направленной на помощь осужденным в ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденные, криминальное поведение, повторная преступность, психология осужденных.

Введение

Одной из основных проблем пенитенциарной системы в частности и общества в целом является повторная и рецидивная преступность. Так, за последние пять лет наблюдается сокращение общего числа зарегистрированных преступлений и числа выявленных лиц, совершивших преступления, но удельный вес повторных преступлений неуклонно растет [4]. Люди, отбывшие наказание в исправительных учреждениях, по выходу из мест лишения свободы в силу разных причин вновь совершают преступления и получают новый «срок». Эта проблема требует углубленного изучения психологии осужденных, причин их криминального поведения, а также тех личностных и социально-психологических предпосылок, которые затрудняют процесс ресоциализации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе.

В связи с этим **целью** работы выступило изучение причин, которые препятствуют успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Процедура и методы проведения исследования

В исследовании приняли участие следующие группы испытуемых:

1. осужденные, повторно отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях ФСИН России в количестве 135 человек;
2. близкие и родственники осужденных – участники специализированных Интернет-форумов, посвященных проблеме ресоциализации осужденных, в количестве 200 человек.

Таким образом, общий объем выборки исследования составил 335 испытуемых.

Для изучения причин и факторов, препятствующих успешной ресоциализации осужденных, были использованы следующие методы.

Методы сбора данных:

- а) анализ продуктов деятельности (архивный метод) [2]. С помощью этого метода изучались причины, которые препятствуют успешной ресоциализации осужден-

ных, по мнению их родных и близких. Для этого анализировалась переписка родных и близких осужденных, опубликованная в открытых Интернет-источниках, на специализированных форумах, где они делились своим опытом, наблюдениями, мыслями и переживаниями о проблеме;

б) интервью [5]. Этот метод применялся для опроса повторно осужденных, чья ресоциализация после предыдущих пребываний в местах лишения свободы была неуспешной. В интервью выяснялось, какие конкретные причины помешали им адаптироваться к жизни на свободе после того, как они отбыли свой предыдущий срок.

Методы обработки данных:

а) для обработки письменных сообщений родственников и опроса осужденных применялся метод контент-анализа [1];

б) для математической обработки результатов исследования применялся частотный и сравнительный анализ. Сравнительный анализ проводился с помощью χ^2 критерия Фишера [3].

Исследование включало в себя следующие этапы:

1. на первом этапе проводился сбор данных: собирались результаты интервьюирования осужденных и переписки их близких;
2. на втором этапе при помощи контент-анализа устанавливались основные причины, препятствующий успешной ресоциализации осужденных, как по мнению самих осужденных, так и их близких;
3. на третьем этапе проводился сравнительный анализ частот упоминания причин, препятствующих успешной ресоциализации, в отчетах родственников и осужденных.

Результаты исследования

Итак, после сбора все полученные эмпирические данные (текстовые сообщения родных и близких и результаты опроса осужденных) были подвергнуты процедуре контент-анализа. Качественные единицы (категории) контент-анализа определялись по результатам прочтения отчетов испытуемых, путем установления основных тем, к которым испытуемые регулярно обращались в своих отчетах. Количественными единицами контент-анализа выступали отдельные высказывания, законченные суждения. Количественная оценка результатов контент-анализа сводилась к подсчету частоты упоминания категорий в отчетах испытуемых.

Было установлено, что в отчетах регулярно поднимаются следующие темы.

1. Сам человек: в рамках этой темы причины и факторы, затрудняющие процесс ресоциализации, рассматриваются как зависящие от самого осуж-

денного. Эта категория встречалась в отчетах осужденных в 41,1 % случаев, в отчетах родных и близких – в 49,5 %. В свою очередь, внутри этой категории были выделены более частные и конкретные подкатегории.

В отчетах осужденных упоминались следующие подкатегории:

- 1) вредные привычки: алкоголь и наркотики (эта подкатегория упоминалась в отчетах осужденных в 47,8 % случаев);
- 2) безответственность, внешний локус контроля (17,4 %);
- 3) лень, праздность, разгульная жизнь, нежелание работать, а желание жить на всем готовом, рентная ориентация (15,2 %);
- 4) проблемы саморегуляции, эмоциональная неустойчивость, агрессивность, вспыльчивость и конфликтность (9,8 %);
- 5) отсутствие страха перед наказанием, чувство безнаказанности (3,3 %);
- 6) психологическая травма, последствия пережитого стресса после отбывания наказания в местах лишения свободы (3,3 %);
- 7) сохранение тюремных привычек, уголовный сценарий жизни (совершение незначительных правонарушений, тяга к «приключениям», уголовный сленг, жаргон и т.п.) (2,2 %);
- 8) снижение самооценки, чувство несостоятельности, никчемности, отсутствие веры в себя (1,1 %).

В отчетах родных и близких были выявлены следующие подкатегории:

- 1) лень, праздность, нежелание работать (эта подкатегория встречалась в отчетах родных и близких в 26 % случаев);
- 2) манипулирование окружающими (давление на жалость или на страх, показное самобичевание, перекладывание чувства вины и ответственности на своих близких), лживость, изворотливость, болтология, пустые обещания (14 %);
- 3) сохранение тюремных привычек, уголовный сценарий жизни (12,7 %);
- 4) проблемы саморегуляции, агрессивность, вспыльчивость и конфликтность (12,7 %);
- 5) неадекватно завышенная самооценка, завышенные притязания, самомнение (10,7 %);
- 6) вредные привычки: алкоголь и наркотики (10 %);
- 7) безответственность, внешний локус контроля (9,3 %);
- 8) снижение самооценки, чувство несостоятельности, никчемности, отсутствие веры в себя (2 %);
- 9) проблемы самоорганизации, неумение планировать свою жизнь и свое будущее (1,3 %);
- 10) отсутствие страха перед наказанием, безнаказанность (1,3 %).

2. Другие люди: эта тема касается поведения окружающих людей, которые оказывают негативное влияние на процесс ресоциализации. Эта категория встречалась в отчетах осужденных в 21,4 % случаев, в отчетах родных и близких – в 29,7 %. Внутри этой категории также были выделены отдельные подкатегории.

В отчетах осужденных упоминались следующие подкатегории:

- 1) несправедливое, предвзятое отношение со стороны окружающих, обман, провоцирование с их стороны (эта подкатегория упоминалась в отчетах осужденных в 47,9 % случаев);
- 2) неправильный круг общения, старые связи и знакомые (27,1 %);
- 3) отсутствие поддержки, ненужность, отсутствие семьи (22,9 %);
- 4) сомнения и страхи у близких, отсутствие доверия к бывшему осужденному (2,1 %).

В отчетах родных и близких были выявлены следующие подкатегории:

- 1) неопределенность, сомнения, чувство страха, отсутствие доверия к бывшему осужденному, чувство бессилия и выгорания («опустились руки») (эта подкатегория была отмечена в отчетах родных и близких в 45,6 % случаев);
- 2) чувство жалости к бывшему осужденному, оправдание его неправильного поведения, потакание его слабостям (28,9 %);
- 3) принятие на себя ответственности за бывшего осужденного, решение за него проблем, с которыми он должен учиться справляться сам (13,3 %);
- 4) неправильный круг общения, старые связи и знакомые (8,9 %);
- 5) бесконтрольность, некритичность, желание пустить все на самотек, неоправданная надежда, что осужденный исправится сам по себе (2,2 %);
- 6) отсутствие поддержки, ненужность, отсутствие семьи (1,1 %).

3. Внешние, социально-экономические условия: эта тема касается препятствий на пути успешной ресоциализации, которые носят «обезличенный» характер, т.е. зависят не от конкретных людей, а обусловлены неблагоприятными социальными и экономическими факторами. Эта категория встречалась в отчетах осужденных в 37,5 % случаев, в отчетах родных и близких – в 20,8 %. Здесь также были установлены отдельные подкатегории.

В отчетах осужденных упоминались следующие подкатегории:

- 1) проблемы с трудоустройством, нет работы или не принимают (эта подкатегория была отмечена в от-

четах осужденных в 42,9 % случаев);

- 2) трудное материальное и социально-экономическое положение, проблемы с жильем и деньгами (23,8 %);
- 3) стигматизация, попадание под стереотип бывшего осужденного (17,9 %);
- 4) власть, закон, общество, государство (обезличенные) (9,5 %);
- 5) изменение окружающего мира, «выпадение» из жизни, непонимание уклада жизни за пределами мест лишения свободы (3,6 %);
- 6) проблемы с оформлением документов (2,4 %).

В отчетах родных и близких были выявлены следующие подкатегории:

- 1) изменение окружающего мира, непонимание уклада жизни за пределами мест лишения свободы (эта подкатегория была отмечена в отчетах родных и близких в 61,9 % случаев);
- 2) стигматизация (17,5 %);
- 3) проблемы с трудоустройством (9,5 %);
- 4) проблемы с оформлением документов (7,9 %);
- 5) проблемы с жильем и деньгами (3,2 %).

Как видно из полученных результатов, осужденные, за редким исключением, в своих отчетах обращаются к тем же темам, что и их близкие. Различия между ними носят, главным образом, количественный характер. Это обусловило возможность проведения сравнительного анализа результатов между этими группами. Сравнительный анализ проводился с помощью F^* критерия Фишера. В итоге были получены следующие результаты.

1. Различия по категории «Сам человек».

Осужденные отмечают, что им в большей степени затрудняют процесс ресоциализации такие особенности собственного поведения, как вредные привычки ($p \leq 0,01$), а также безответственность и внешний локус контроля ($p \leq 0,05$).

Родные и близкие в большей степени обращают внимание на такие причины, как лень и праздность ($p \leq 0,05$), сохранение тюремных привычек и уголовный сценарий жизни ($p \leq 0,01$).

Наконец, в целом по категории родные и близкие чаще считают, что основная причина, по которой бывшие осужденные испытывают трудности ресоциализации, лежит в них самих, т.е. успех ресоциализации зависит, прежде всего, от самих осужденных ($p \leq 0,05$).

По остальным подкатегориям значимых различий обнаружено не было. Но это не означает, что эти подкатегории не имеют значения; это значит, что и осужденные, их близкие дают им одинаковую оценку. Так, пред-

ставители обеих групп оказались единодушны в своем мнении о том, что процесс ресоциализации затрудняют такие причины, как проблемы саморегуляции; снижение самооценки, отсутствие веры в себя; чувство безнаказанности и отсутствие страха перед наказанием.

2. Различия по категории «Другие люди».

Осужденные чаще указывают на следующие особенности поведения окружающих людей, которые, по их мнению, негативно влияют на процесс ресоциализации: неправильный круг общения ($p \leq 0,01$), отсутствие поддержки, ненужность, отсутствие семьи ($p \leq 0,01$).

Близкие в большей степени обращают внимание на такую причину, как утрата доверия к бывшему осужденному ($p \leq 0,01$).

Также необходимо обратить особое внимание на то, что близкие упоминали ряд специфических причин, таких, как: чувство жалости к бывшему осужденному, оправдание его неправильного поведения; принятие на себя ответственности за бывшего осужденного, решение за него проблем; не критичность, неоправданная надежда, что осужденный исправится сам по себе. По сути, эти причины касаются неправильного поведения самих родных и близких, и они осознают это, что позволяет рассматривать эти факторы как «мишени» для организации психокоррекционной работы с родными и близкими осужденных.

Наконец, в целом по категории родные и близкие чаще считают, что трудности ресоциализации обусловлены негативным поведением окружающих людей, чем осужденные ($p \leq 0,05$).

3. Различия по категории «Внешние условия».

Осужденные отмечают, что со стороны социально-экономических условий процессу их ресоциализации в большей степени мешают такие причины, как проблемы с трудоустройством ($p \leq 0,01$), а также трудное материальное положение, проблемы с жильем и деньгами ($p \leq 0,01$).

Родные и близкие осужденных в большей степени указывают на такую причину, как изменение окружающего мира, «выпадение» бывших осужденных из обычной жизни ($p \leq 0,01$).

Наконец, в целом по категории осужденные чаще считают, что трудности ресоциализации обусловлены негативными внешними условиями и обстоятельствами, чем их родные и близкие ($p \leq 0,01$).

Таким образом, в целом можно отметить, что осуж-

денные в своих проблемах, препятствующих успешной ресоциализации, в большей степени винят внешние условия, условия окружающего мира. Близкие в качестве основных причин трудностей ресоциализации рассматривают, прежде всего, неправильное поведение самих бывших осужденных, а также негативное влияние окружающих людей, в том числе свое собственное поведение, которое, с одной стороны, потакает слабостям и безответственности бывших осужденных, с другой стороны – отражает собственное бессилие и неверие в то, что они могут исправиться. Хотя, справедливости ради необходимо признать, что последнее обстоятельство обусловлено поведением самих бывших осужденных, которые вместо того, чтобы заслужить доверие своими поступками, ведут себя безответственно по отношению к своим близким.

Выводы

Таким образом, по результатам исследования могут быть подведены следующие итоги и сделаны выводы:

1. Причины, затрудняющие процесс ресоциализации осужденных, могут быть разделены на три основные группы:
 - а) сам человек: в качестве причин, затрудняющих процесс ресоциализации, выступают негативные особенности поведения самого бывшего осужденного;
 - б) другие люди: здесь в качестве причин, затрудняющих процесс ресоциализации, выступают негативные особенности поведения окружающих людей, с которыми контактирует бывший осужденный;
 - в) внешние условия: здесь в качестве причин выступают неблагоприятные социальные и экономические условия.
2. В целом, осужденные в своих проблемах, препятствующих успешной ресоциализации, в большей степени винят неблагоприятные социально-экономические условия. Близкие в качестве основных причин трудностей ресоциализации рассматривают, прежде всего, неправильное поведение самих бывших осужденных, а также негативное поведение других людей. При этом в качестве негативного поведения окружающих близкие часто рассматривают свое собственное поведение.
3. Среди конкретных причин, затрудняющих процесс ресоциализации, на первый план выступают:
 - 1) по мнению осужденных:
 - а) со стороны поведения самого осужденного: вредные привычки; безответственность и внешний локус контроля; лень, праздность, нежелание работать;
 - б) со стороны поведения окружающих людей: несправедливое, предвзятое отношение со стороны окружающих, провоцирование с их стороны;

неправильный круг общения, старые связи и знакомые; отсутствие поддержки, ненужность, отсутствие семьи;

в) со стороны социально-экономических условий: проблемы с трудоустройством; проблемы с жильем и деньгами; стигматизация; власть, закон, общество, государство (обезличенные);

2) по мнению родных и близких:

а) со стороны поведения самого осужденного: лень, праздность, нежелание работать; манипулирование окружающими, лживость, изворотливость, пустые обещания; сохранение тюремных привычек, уголовный сценарий жизни; проблемы саморегуляции, вспыльчивость и конфликтность; неадекватно завышенные самооценка и притязания; вредные привычки; безответственность, внешний locus контроля;

б) со стороны поведения окружающих людей: сомнения и страхи у близких, отсутствие у них

доверия к бывшему осужденному; чувство жалости к бывшему осужденному, оправдание его неправильного поведения; принятие на себя ответственности за бывшего осужденного, решение за него проблем; неправильный круг общения, старые связи и знакомые;

в) со стороны внешних, социально-экономических условий: изменение окружающего мира, непонимание уклада жизни за пределами мест лишения свободы; стигматизация; проблемы с трудоустройством.

4. Выявленные в ходе исследования причины, затрудняющие процесс ресоциализации, могут рассматриваться в качестве диагностических критериев оценки потенциала ресоциализации осужденных. Кроме этого, они могут рассматриваться как «мишени» для организации психокоррекционной работы, направленной на помощь осужденным в ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2002. – 528 с.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
3. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2007. – 350 с.
4. Сырейщиков Д.В. Рецидив и повторность в преступлениях, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации // Академическая мысль. – № 4 (9). – 2019. – С. 131-134.
5. Худяков А.И. Экспериментальная психология в схемах и комментариях. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.

© Раслопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА

MORAL BEHAVIOR OF YOUTH IN A CRISIS SITUATION

*N. Trofimova
E. Goncharenko*

Summary: In the context of the COVID-19 pandemic, society is in the stage of alostatic overload - the stressor exceeds individual coping capabilities. Global crisis conditions become a kind of moral test for young people on the stability of their worldview system. The authors of the article systematized in seven groups the specific mechanisms of loosening the psychological construct of moral values in a pandemic; substantiated that moral qualities are the foundation of the triad of psychological health of young people (psychosomatic, mental and spiritual); found that selfish motivation can cause a regression of moral values, but further conclusions require more extensive research, the urgency of which is extremely urgent due to the fact that the rehabilitation of society after a pandemic will depend on the stability of moral values of young people.

Keywords: COVID-19 pandemic, crisis conditions, moral qualities, morality, selfish motivation, psychological health.

Трофимова Наталья Борисовна

*Д.псих.н., профессор, Воронежский государственный педагогический университет
n_trofimova@mail.ru*

Гончаренко Елена Семеновна

*Старший преподаватель, Воронежский государственный педагогический университет
elena_sg@inbox.ru*

Аннотация: В условиях пандемии COVID-19 социум находится в стадии аллостатической перегрузки - стрессор превышает индивидуальные возможности coping. Глобальные кризисные условия становятся своеобразным моральным тестом для молодых людей на устойчивость их системы мировоззрения. Авторы статьи систематизировали в виде семи групп специфические механизмы расшатывания психологического конструкта нравственного поведения в условиях пандемии; обосновали, что нравственные качества - это фундамент триады психологического здоровья молодых людей (психосоматического, психического и духовного); выяснили, что эгоистическая мотивация может стать причиной регресса моральных ценностей, однако для дальнейших выводов требуются более масштабные исследования, насущность которых крайне актуализирована ввиду того, что от устойчивости нравственного поведения молодых людей будет зависеть эффективность реабилитации социума после пандемии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, кризисные условия, нравственное поведение, моральные качества, эгоистическая мотивация, психологическое здоровье.

Введение

Человеку в ситуации кризиса присуща иерархическая неорганизованность эндогенных психических процессов, возможен регресс нравственного поведения, как ключевого системообразующего фактора мотивационной сферы. Однако, наличие внешнего стрессора является лишь одним из многих факторов, вызывающих появление внутренних кризисных состояний. Важно понимать, что существует некая предопределенная готовность субъекта к деструктивному восприятию кризисных условий и трансформации их влияния на внутреннее состояние, которое способствует модификации нравственного поведения. Именно поэтому, если на определенном этапе психологического онтогенеза личности наблюдается пренебрежение воспитанием морально-этических ценностей, наступает момент, когда у молодых людей становится невозможным усвоение и закрепление новых духовных ценностей, которые особо необходимы для формирования объективной картины мира в условиях внешних кризисных явлений и рисков [1].

Пандемия COVID-19, которая начала оказывать ощутимое психологическое воздействие на население мира в 2020 году - это очередное значительное испытание для молодых людей, которые на стыке веков уже и так столкнулись со стремительной (и потому, деструктивной) цифровизацией, недоступным жильем и финансовым дефицитом, студенческими долгами, политической нестабильностью, экономическим кризисом. Thakur V., Jain A. (2020) в своем исследовании количества самоубийств молодых людей, ассоциированных с пандемией пишут, что этот стрессор стал последней каплей в деструкции психического здоровья некоторой части населения [7].

Цель данной работы - исследовать риски регресса системы моральных ценностей молодых людей в ситуации пандемии.

Сейчас мы находимся в стадии аллостатической перегрузки - стрессор превышает индивидуальные возможности coping, а это означает, что дистресс может начать оказывать влияние на нравственное поведение. Психологические стрессоры при изоляции:

1. разочарование, связанное с потерей привычного режима (социальные ограничения);
2. недостаток или отсутствие дохода; отсутствие доступа к регулярной медицинской помощи;
3. недостаточная информация (отсутствие или необъективность информации от учреждений здравоохранения, непонятные указания, отсутствие прозрачности);
4. страх за свое здоровье, карьеру (обучение), будущее (будущее своей семьи);
5. большая длительность карантина [5].

Реакция на данные стрессоры нашла свое отображение в исследовании Е.В. Федосенко (2020): по результатам анкеты «Психологические ресурсы человека в ситуации вынужденной изоляции» на вопрос: «Отметьте те реакции, которые вы испытывали в связи с текущей ситуацией пандемии (анкетирование проводилось во время первого срока карантина: с 30 марта по 5 апреля 2020 года, n=784)» в первую тройку вошли следующие реакции: страх у 47,3% (372 из 784 респондентов), апатия у 22,2 % (174 из 784) и ступор у 14,5 (114 из 784) [10].

Мы считаем, что такие результаты получены из-за того, что молодые люди ощущают институциональную неспособность государства удовлетворить их базовые потребности, поэтому все чаще только социальные сети создают видимость единого сообщества, в реальности же социальные коммуникации отличаются разрозненностью и отсутствием моральной основы. В условиях пандемии изолятивные меры масштабны, что позволяет легко избегать людей, которые считаются неудобными. Это условие приводит к окончательному разрушению общественных связей; кроме того, создание курируемого электронного мира искажает восприятие реальности, поведения других людей и того, что важно для общества в данный кризисный период [4].

Важно понимать, что нравственные качества есть фундамент триады психологического здоровья молодых людей. Сегодня мы можем наблюдать по всему миру колоссальное психическое напряжение в обществе, связанное с пандемией коронавируса. Чтобы в таких условиях быть способным к конструктивной самореализации, человек должен быть физически и психологически здоровым, иметь духовный иммунитет для противостояния разрушительным внешним факторам. Однако, в последние годы произошли серьезные изменения в социокультурной ситуации, в экологической, экономической жизни общества, что бесспорно отражается на психологическом климате России и на психическом здоровье молодых людей.

По нашему мнению, именно полноценная сформированность конструктивных нравственных качеств у молодых людей, определяет соответствующие типы их

психологического здоровья, которые могут демонстрировать стабильность или нестабильность в кризисных условиях: психосоматическое, психическое и духовное здоровье. Мы бы дополнили данную триаду отдельным экзистенциальным уровнем, который функционирует посредством обретения смысла жизни с помощью урегулирования смысловой и моральной составляющей внутреннего и внешнего мира.

Ключевым критерием психологического здоровья выступает именно нравственное поведение, так как личность может иметь все признаки психического здоровья, но быть деформированной, как личность [2]. По нашему мнению, именно ценностные ориентации следует рассматривать как индивидуальные формы репрезентации надындивидуальных ценностей, так как понятие «ценности» и «ценностные ориентации» различаются и по параметру «общее - индивидуальное», и по параметру «реально действующее - рефлексивно сознательное» в зависимости от того, признается ли наличие индивидуально-психологических форм существования ценностей, отличных от их присутствия в сознании.

Важным моментом, оказывающим давление на систему моральных ценностей молодых людей в ситуации пандемии стал информационный стресс (который бывает двух типов: информационная недостаточность и информационная избыточность) в виде переизбытка негативной информации [9].

В современных условиях пандемии, СМИ нагнетают массовое психическое напряжение относительно карантина и его последствий и наиболее восприимчивы к данной информации именно молодые люди, так как их возрастной категории свойственны оптимистичные надежды на будущее, которые в нынешней реальности оказываются под угрозой. Формируется негативная установка: молодые люди начинают враждебно относиться к больным и другим людям в целом (как потенциальным носителям вируса) [6].

Отметим специфические механизмы расшатывания системы моральных ценностей молодых людей в условиях пандемии. Коронавирус стал своеобразным моральным тестом для молодых людей на человечность, на любовь к ближним и склонность к взаимопомощи. Глобальные риски и кризисные условия воспринимаются молодежью несколько особенно, поэтому их реакцию (в лонгитюдном измерении последствий для личностной целостности) тяжело спрогнозировать. Мы предлагаем выделить 7 специфических механизмов, способных пошатнуть сформированные нравственные ценности у молодых людей в условиях пандемии.

Во-первых, глобальные риски, связанные с сегодняшней пандемией, не подтверждаются повседневным опы-

том, не обнаруживаются органами чувств. Исследования свидетельствуют, что редкость или отсутствие тех или иных событий в личном опыте приводят к недооценке их вероятности (именно поэтому, молодые люди размышляют о коронавирусе не так, как индивиды старшего возраста). Стоит заметить, что скоротечность развития нынешних событий не оставила времени на его осмысление и организацию противодействия. Поэтому возник психологический парадокс: для подготовки к таким кризисам молодежи не хватает опыта и воображения, а при их возникновении - наиболее вероятны шаблонные реакции без возможности их корректировки, либо рационального обучения на собственных действиях [5].

Во-вторых, кризисы и риски, сопровождающие пандемию, воспринимаются как отдаленные во времени, что приводит к ряду когнитивных искажений у молодых людей: осмысление в абстрактных категориях, нечувствительность к масштабу потенциальных жертв, неготовность личности включать кризисные события в свои жизненные планы (например, помогать пожилым людям в условиях карантина). Карантин часто является неприятным опытом для тех, кто проходит через него: разлука с близкими, потеря свободы, неуверенность в отношении состояния болезни и скука могут иногда вызывать драматические последствия (самоубийства, агрессию, судебные процессы, дисгармоничные семейные отношения, конфликты, увеличение случаев семейного насилия и пр.) [2].

В-третьих, переживание глобальных рисков, связанных с пандемией, затрудняет поиск способов предотвращения их последствий, что парадоксальным образом повышает угрозу всеобщей безопасности, ведь именно молодые люди на сегодняшний день формируют значительную часть системы здравоохранения, волонтерской, социальной и политической деятельности.

В-четвертых, защитные механизмы при глобальных кризисах у молодежи характеризуются противоположностью (биполярность) в той же мере психической силы, в которой находятся полярные эмоции, которые лежат в их основе (радость - печаль, страх - гнев, принятие - отвращение, ожидание - удивление). Таким образом, восемь базисных механизмов можно свести к четырем биполярным парам: реактивное образование - компенсация, подавление - замещение, отрицание - проекция, интеллектуализация - регрессия. Поскольку защитные механизмы являются производными эмоций, то они, по аналогии с эмоциями, при длительном существовании могут приводить к формированию новых черт характера и трансформации нравственного поведения [4].

В-пятых, биологический источник глобальных рисков пандемии способен к самовоспроизведению (цепная реакция, прогрессирующее саморазвитие), то есть проис-

ходит нарастание, интенсификация кризисных условий. С психологической точки зрения это означает, что в процессе проявления риска усиливаются фаталистические установки.

В-шестых, глобальные риски пандемии имеют негативные последствия в аспекте актуализации деструктивного пути развития защитных механизмов молодежи, которые заключаются в следующем:

1. они мешают личности осознать свои ошибки и увидеть со стороны собственные черты характера, проанализировать изменившиеся мотивы нравственного поведения;
2. они могут искажать содержание событий и переживаний, чтобы не нанести вред психике личности;
3. они лишают человека возможности активно влиять на ситуацию и быть в состоянии устранить источник переживаний путём рационального мышления и образования логических цепочек.

В-седьмых, ход восприятия внешнего кризиса молодежью, характеризуется наличием микроизменений, которые аккумулируются личностью в предыдущем стабильном периоде и распределяют его на фазы: предкритическую, критическую и посткритическую. Предкритическая - обусловлена возникновением определенных противоречий между составляющими социального развития личности и его нравственным поведением. Критическая - когда противоречия обостряются и достигают своей кульминации. Посткритическая фаза наступает когда личность переходит к новому типу поведения, которое адаптировано под ситуацию кризиса и его последствий. Именно в посткритической фазе важно, чтобы моральные ценности укрепились, а не обратились в регрессивное состояние.

Важно понимать, что эгоистическая мотивация, как правило, является причиной регресса нравственных качеств молодежи. Для определения актуальной ситуации проявления эгоистической мотивации в условиях пандемии лиц молодого возраста, мы провели исследование эгоизма как ключевой черты, которая в нынешней ситуации подрывает фундамент нравственных ценностей. Данная психологическая категория была исследована при помощи трех инструментов: опросник Г. Кеттелла; опросник «Свойства характера» (Т. Лири); методика «свободного эгоизма» (К. Муздибаева). Было проведено исследование на произвольной выборке молодежи (17 - 25 лет) - 27 человек, среди которых 13 - женского пола и 14 - мужского.

Результаты показали, что исследуемым лицам молодого возраста не присуща эгоистическая направленность как базовая черта («Свойства характера» Т. Лири), однако по индивидуальным результатам уровень эгои-

стической тенденции составляет - 35,9 %, что может быть вызвано текущими жизненными кризисами в условиях пандемии. Специфика результатов по трем методикам заключается в том, что по опроснику Г. Кеттелла есть всеобщая направленность к ненормативному поведению, однако, мы лишь можем сделать предположение, что так происходит из-за того, что всем исследуемым на данном этапе присущ профессиональный кризис, который провоцирует некоторый регресс нравственных ценностей и в связи с этим затруднено внимание к нуждам других (так как под угрозой находится удовлетворение собственных). По шкале «свободного эгоизма» К. Муздибаева характерно крайнее проявление эгоизма, однако, даже в условиях пандемии, это лишь подчеркивает специфику данного возраста.

По нашему мнению, эгоизм оказывает значимое влияние на нравственные ценности, однако, ключевым регулятором поведения является мораль, способная контролировать и подавлять эгоистичные проявления. Мораль ограничивает свободу бесконтрольного эгоизма, свободу пагубных социальных влияний и даже политического воздействия (именно поэтому политика часто стремится освободиться от нее с помощью высоконравственных лозунгов, которые скрывают ее настоящую цель). Мораль опирается на «санкции» совести, которая разделяет мораль на этику убеждений и этику ответственности. Если этика убеждения ближе к морали, то этика ответственности предполагает совсем другое - реакцию на конкретные кризисные обстоятельства и их последствия, внутреннюю ответственность за результаты своих действий, готовность предотвратить страдания окружающих людей. При этом, существует огромный индивидуальный разброс в способности молодых людей справляться с последствиями пандемии, учитывая раз-

личный уровень психического здоровья и сформировавшегося нравственного поведения. Тот, кто уже имеет проблемы с социальной тревогой, депрессией, одиночеством, токсикоманией или другими проблемами - будет особенно уязвим и гораздо легче трансформируется в негативном аспекте нравственности.

Заключение

Итак, все те изменения, которые происходят в условиях пандемии, непосредственно влияют на ценностные приоритеты молодежи, инициируя тенденцию к развитию эгоистической мотивации, так как новые социально-экономические условия требуют от данной социальной группы совсем других качеств, новых мировоззренческих и нравственных ориентиров. Кроме того, в условиях переходного трансформационного общества актуализация дальнейшего изучения ценностных предпочтений молодых людей вызвана, прежде всего, практической необходимостью, ведь от того, с какими ценностями молодежь будет жить в будущем, будет зависеть реабилитация нашего общества после пандемии.

Несмотря на пандемическую угрозу, молодые люди могут реализовывать свои лучшие нравственные ценности путем участия в мероприятиях по оказанию необходимой социальной, психопрофилактической и психогигиенической помощи уязвимым группам населения; важное значение имеет психологическая подготовка молодых людей к волонтерской деятельности. Для организации оптимального поведения молодых людей в условиях пандемии COVID-19, важно опираться на этические основы рационального гуманизма, базис которого формирует нравственные ценности в кризисных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arden M.A., Chilcot J. Health psychology and the coronavirus (COVID-19) global pandemic: A call for research //British Journal of Health Psychology. – 2020. – 320 с.
2. Conway L.G., Woodard S.R., Zubrod A. Social psychological measurements of COVID-19: Coronavirus perceived threat, government response, impacts, and experiences questionnaires. – 2020. – 418 с.
3. Graham A. et al. Faith in Trump, Moral Foundations, and Social Distancing Defiance During the Coronavirus Pandemic //Moral Foundations, and Social Distancing Defiance During the Coronavirus Pandemic (April 22, 2020). – 2020. – 298 с.
4. Harper C.A. et al. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic //International journal of mental health and addiction. – 2020. – 177 с.
5. Shi W., Hall B.J. What can we do for people exposed to multiple traumatic events during the coronavirus pandemic? //Asian Journal of Psychiatry. – 2020. – 200 с.
6. Sood S. Psychological effects of the Coronavirus disease-2019 pandemic //Research & Humanities in Medical Education. – 2020. – Т. 7. – 529 с.
7. Thakur V., Jain A. COVID 2019-suicides: A global psychological pandemic //Brain, behavior, and immunity. – 2020. – 740 с.
8. Ключникова Т.Н. Технологии формирования ценностей молодежи в пространстве социальных сетей //Проблемы научной мысли. – 2019. – Т. 1. – №. 2. – 465 с.
9. Кулина Н.А. Пандемия коронавируса: метафорическое освоение новой реальности //Аксиологические аспекты современных филологических исследований. - Екатеринбург, 2020. – 2020. – 350 с.
10. Федосенко Е.В. Жизнь после карантина: психология смысла и коронавирус COVID-19 //Психологические проблемы смысла жизни и акме. – 2020. – №. XXV. – 388 с.

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Усольцева Виктория Владимировна

К.псх.н., доцент, Омский государственный педагогический университет, г. Омск
Vikitory@yandex.ru

MOTIVATION FOR CHOOSING A PROFESSION BY REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE EDUCATION SECTOR)

V. Usoltseva

Summary: The article analyzes the features of motivation when choosing a profession by representatives of four generations of Russia. This is a modern study of the motives for choosing a profession in different conditions of professional self-determination in the country during 1965-2015. The results of the research presented in the article allow us to see the similarity and difference of internal and external, social and personal motives for choosing a profession, as well as trends in changes in the imposed choice of young men in different time periods.

Keywords: generation, choice of profession, motives for choosing a profession, factors for choosing a profession.

Аннотация: В статье анализируются особенности мотивации при выборе профессии представителями четырех поколений России. Это современное исследование мотивов выбора профессии в разных условиях профессионального самоопределения в стране на протяжении 1965-2015 гг. Результаты исследования, представленные в статье, позволяют увидеть схожесть и различие внутренних и внешних, социальных и личностных мотивов выбора профессии, а также тенденции изменения навязанного выбора юношам в разные временные периоды.

Ключевые слова: поколение, выбор профессии, мотивы выбора профессии, факторы выбора профессии.

Выбор профессии один из важнейших этапов в самоопределении каждого человека. В определенный возрастной период каждый представитель любого поколения сталкивался с вопросами о своем профессиональном выборе. Выбор профессии определяется группой факторов, как правило подразделяемых на два типа: объективные и субъективные. Реальные условия, в которых находится человек составляют группу объективных факторов (состояние здоровья, условия обучения или их отсутствие, наличие учебного заведения или выбираемой специальности). Индивидуально-психологические особенности человека составляют субъективные факторы выбора профессии. К данной группе факторов относится мотивация профессионального выбора.

«Выбор профессии довольно сложный и порой долгий мотивационный процесс: ведь от правильного выбора профессии во многом зависит удовлетворенность человека своей жизнью» [1, с. 271]. В соответствии с одним из рассматриваемых пониманием мотива как побуждения к осуществлению деятельности, мотив выбора профессии необходимо рассматривать как желание человека по осуществлению деятельности в профессиональном самоопределении. Мотивы выбора профессии – предпочитаемые человеком основания для ее выбора. Основания могут быть крайне разнообразными.

В большинстве случаев их в психологии разделяют на внешние (появляющиеся и воздействующие со стороны) и внутренние (вытекающие из собственных побуждений и целей) [1]. А.И. Зелинченко и А.Г. Шмелёв к внешним мотивам относят: давление, притяжение-отталкивание, бессодержательную мотивировку и социально-экономические факторы. [5]. Говоря о внутренних факторах, влияющих на мотивацию выбора профессии, можно выделить факторы социального и индивидуального характера. К внутренним индивидуальным факторам можно отнести явления, связанные с индивидуально-психологическими особенностями старшеклассника. Внутренними социальными факторами являются мотивы, побуждающие человека работать ради общества, которые являются отчасти альтруистическими. Примером подобных мотивов может служить желание помочь обществу, стране в целом или какой-либо её части.

С точки зрения прикладной психологии, практики психологической диагностики профессионального выбора, необходимо рассмотреть типологию мотивов выбора профессии, предложенную Кибиревым А.А. Основной принцип классификации А.А. Кибирева - формирование навязанной мотивации. Это выбор профессии, при котором человек не осознаёт собственных желаний и стремлений, а ориентируется лишь на факторы, кото-

рые влияют на него. Такими факторами влияния могут являться наследственность, родственники, близкие друзья, одноклассники или же средства массовой информации (интернет, телевидение) [2].

Кибиревым А.А. на основе работ Тихомирова А.В. были выделены следующие мотивы: родительский сценарий, династический выбор, родительское завещание, консультационный выбор, компенсаторный выбор, стадный выбор, социально-инфраструктурный выбор, ситуационно-прагматический выбор, предметный выбор, инфантильный выбор, антипрофессия. Первые три навязанных мотива выбора профессии представляют собой навязывание данного выбора со стороны семьи и близких родственников. Четвёртым навязанным видом мотивации – является «консультативный выбор» - выбор под влиянием специалиста по профориентации. Компенсаторный выбор основывается на желании человека выбрать профессию, благодаря которой он сможет компенсировать свои недостатки. Стадный выбор – вместе с друзьями [3]. Социально-инфраструктурный навязанный мотив подразумевает под собой навязывание со стороны страны и региона. Социально-экономическая обстановка в различных регионах страны имеет различные особенности, которые вызывают необходимость в наличии определённых профессиональных кадров. Ситуационно-прагматичный мотив выбора включает в себя желание и стремление найти работу, которая – в первую очередь – будет приносить много денег и давать особые привилегии [5]. Мотив предметного выбора складывается исходя из предпочитаемых учебных дисциплин, которые представляют большой интерес или проще усваиваются. Инфантильный выбор - проявление нежелания человека принимать на себя в полной мере ответственность за свой выбор. Антипрофессия – это мотив, который побуждает не к стремлению к какой-то профессии, а к отторжению от других. Представленные типы мотивов выбора профессии позволяют определить основные цели их исследования у разных поколений.

Актуальность исследования заключается в определении приоритетов мотивации профессионального самоопределения у представителей разных поколений нашей страны. Поколение – это социальное понятие, предназначенное для объединения людей в группу по критерию времени, в котором данная группа людей проживала. Мирошкиной М.Р. представлена периодизация поколений с

точки зрения Российского государства [4]. В данном подходе главная роль уделяется историческим событиям, в контексте которых жили данные поколения. Поколение революции - 1903-1924 гг., поколение победителей, поколение оттепели - 1923-1940 гг., первое послевоенное поколение, поколение холодной войны - 1941-1964 гг., последнее послесоветское поколение, поколение перестройки - 1965-1973 гг., первое несоевское поколение - 1974-1985 гг., цифровое поколение - 1986-2014 гг.

Исследование мотивации выбора профессии в юношестве у разных поколений было проведено с помощью методики «Мотивы выбора профессии» Овчаровой Р.В. для выявления внутренних индивидуально и социально-значимых мотивов и внешних положительных и отрицательных мотивов, а также опросника Кибирева А.А. для выявления доминирующих мотивов выбора профессии. В исследовании принимали участие представители четырех поколений (140 человек): поколение перестройки - 27 человек, первое несоевское поколение – 20 человек, старшее-цифровое поколение – 42 человека и младшее-цифровое поколение – 51 человек. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Результаты исследования при помощи методики Овчаровой Р.В.

Виды мотивов	Поколения			
	Поколение перестройки	Первое несоевское	Старшее-цифровое	Младшее-цифровое
ВИЗ	85	85	71	75
ВСЗ	52	30	62	57
ВнешП	11	15	14	25
ВнешО	11	5	19	4

Внутренние индивидуально-значимые мотивы являются доминирующими у большинства представителей всех поколений: поколение перестройки и первое несоевское – 85%, старшее-цифровое – 71%, младшее-цифровое – 75%. Это говорит о том, что большинство людей всех обследуемых поколений в юношеском возрасте опирались (опираются) на собственные желания, способности и задатки при выборе профессии.

Результаты исследования доминирующих мотивов выбора профессии представлены в виде двух таблиц: таблица 2 и таблица 3.

Таблица 2.

Результаты исследования мотивов выбора профессии по методике Кибирева А.А. в соотношении с внутренними мотивами по методике Овчаровой Р.В. (%)

Виды мотивации		Поколение перестройки	Первое несоевское	Старшее цифровое	Младшее цифровое
Овчарова Р.В.	Кибирев А.А.				
Внутренние мотивы	Свободный выбор	89	95	86	100
	Предметный выбор	67	55	31	16
	Компенсаторный выбор	4	10	24	4

Таблица 3.

Результаты исследования мотивов выбора профессии по методике Кибирева А.А. в соотношении с внешними мотивами по методике Овчаровой Р.В. (%)

Виды мотивации		Поколение перестройки	Первое несоветское	Старшее цифровое	Младшее цифровое
Овчарова Р.В.	Кибирев А.А.				
Внешняя мотивация	Родительский сценарий	22	25	24	10
	Династический выбор	15	10	5	2
	Родительское завещание	7	5	7	2
	Консультационный выбор	19	5	19	0
	Стадный выбор	7	10	2	6
	Социально-инфраструктурный выбор	11	20	14	24
	Ситуационно-прагматический выбор	4	10	31	47
	Инфантильный выбор	0	10	17	12
	Антипрофессия	7	5	17	16
	Телевизионный фактор	7	5	14	8
	Книжный фактор	30	10	5	8

Мотивация свободного выбора является доминирующей у большего количества представителей всех поколений, что говорит о восприятии выбора профессии как собственного, личностного выбора, который зависит только от собственных взглядов и умений. Предметный выбор предпочитают представители поколения перестройки (67 %) и первого несоветского поколения (55 %), а компенсаторный выбор характерен в большей степени для старшего цифрового поколения (24 %).

Анализируя результаты исследования внешних мотивов, необходимо отметить, что для поколения перестройки ведущим являются факторы книжного выбора, родительского сценария и консультативного выбора. Первое несоветское поколение схоже с поколением перестройки наличием родительского сценария, но отличаются социально-инфраструктурным выбором. Для старшего цифрового поколения также характерно наличие родительского сценария. От предыдущих поколений старшее цифровое поколение отличает приоритетный ситуационно-прагматический выбор. Данная характеристика в еще более выраженной степени присуща и последующему поколению – младшему цифровому.

Результаты исследования мотивов выбора профессии и их анализ позволил сделать следующие выводы. В группе внутренних мотивов, доминирующих над внешними мотивами, наблюдается приоритет индивидуально-значимых мотивов над социально-значимыми. Мотивация свободного выбора является доминирующей у большего количества представителей всех поколений. Мотивация предметного выбора уменьшает свою значимость с течением смены поколений. Представители старшего-цифрового поколения в большей степени руководствовались компенсаторным выбором.

Внешние положительные мотивы в разной степени характерны всем поколениям. Большее значение в профессиональном выборе в группе внешних мотивов имеют родительский выбор для поколений перестройки, первого несоветского и старшего цифрового. Старшее цифровое поколение и поколение перестройки объединяет консультативный выбор. Социально-инфраструктурный выбор характерен в большей степени для первого несоветского и младшего цифрового поколений. А также интересными и логичными представляются результаты общего ситуационно-прагматического выбора старшего и младшего цифровых поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2011. - 512 с.
2. Кибирев А.А. Активные методы обучения и профконсультирования. Практикум по профориентации школьников старших классов: методические рекомендации. – Хабаровск: ХК ИППК ПК, 2005. - 75 с.
3. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 318с.
4. Мирошкина М.Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник - 2017 - №6. – С. 30-35.
5. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда: Учебное пособие к курсу «Психология труда и инженерная психология» - М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 352 с.

© Усольцева Виктория Владимировна (Wikitory@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Евсюк Александр Владимирович

*К.псх.н., с.н.с., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва
avev2020@bk.ru*

ABOUT SOME PROBLEMS OF USING ELEMENTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC ACTIVITIES IN MODERN RUSSIA

A. Evsouk

Summary: This article argues why one should define intelligence not as an Essence, but as a property inherent in the Subject. A robot, a computer, like any other technical device, cannot be a subject of cognition in itself; artificial intelligence is not *cosa in se*, since it acts only as a consequence, a product of human existence. That is why, the constant dynamism, unpredictability of intelligence, the fundamental right to creative activity and mental errors, makes the study of the issue of artificial intelligence in the context of scientific research controversial in view of the fact that the reproduction of existing cognitive knowledge, and even the likely patterns of its production, cannot be considered a complete analogy of human scientific potential. The author of the article departs from comprehension of the obvious promise of progress that follows the globalization of artificial intelligence and focuses on the study of its relationship with the Personality and philosophical problems in a single conglomerate technology-science-educatio-man.

Keywords: artificial intelligence, science, education, personality, cognitiveness, existence.

Аннотация: В данной статье аргументируется, почему следует определять интеллект не как Сущность, а как свойство, присущее Субъекту. Робот, компьютер, как и любое другое техническое устройство, не могут быть субъектом познания сами по себе; искусственный интеллект не является *cosa in se*, так как выступает лишь следствием, продуктом человеческого бытия. Именно поэтому, постоянная динамичность, непредсказуемость интеллекта, принципиальное право на творческую деятельность и ментальные ошибки, делают изучение вопроса искусственного интеллекта в контексте научных изысканий и сферы образования спорным ввиду того, что воспроизведение имеющегося когнитивного знания, и даже вероятных схем его продуцирования, не может считаться полноценной аналогией человеческого научного потенциала. Автор статьи отходит от осмысления очевидной перспективности прогресса, который следует за глобализацией искусственного интеллекта и концентрируется на исследовании его соотношения с Личностью и имеющихся философских проблемах в экзистенции единого конгломерата техника-наука-образование-человек.

Ключевые слова: искусственный интеллект, наука, образование, личность, когнитивность, экзистенция.

Введение

Как известно, «единого доктринального подхода к определению понятия искусственный интеллект и сущности этого явления пока не выработано» [1].

Затронутые в настоящем исследовании вопросы и предоставленная авторская оценка являются дискуссионными и открытыми для конструктивной критики и широкого обсуждения, учитывая их актуальность и важность для обеспечения устойчивого развития информационного общества. Исследования, посвященные конкурентоспособности и предотвращению интеллектуальной деградации человека в среде существования с искусственным интеллектом (далее - ИИ), имеют значение для сохранения и развития будущей эволюции научного знания и образовательной среды. Мы относим себя к сторонникам оптимистического сценария и не видим повода для ментальной паники, так как окружающий мир автоматизируется

непрерывно: исчезновение одной части рабочих мест в сфере образования и науки, будет происходить одновременно с возникновением новых вакансий по другим профессиональным и секторальным направлениям.

Работа может приобрести иной, не рутинный характер - стать креативнее; будет формироваться не противостояние людей и машин, а их взаимопомощь. Подобная дискуссия уже сегодня инициирует высшие учебные заведения и предпринимателей искать образовательные решения и таланты для новых цифровых ролей; становится ясно, что значительное количество современных образовательных учреждений готовит «ненужных» в будущем специалистов, то есть тех, чьи знания и умения будут довольно успешно заменены системами, связанными с ИИ. Наряду с этим, «в настоящее время существует множество программ ИИ, помогающих в образовании, благодаря которым студенты, школьники и учителя получают огромную пользу» [2].

Именно поэтому модернизация системы образования должна осуществляться в новых направлениях, которые выйдут за рамки формирования узких компетенций и перейдут к модели планомерной адаптации к цифровизации, поставив задачу оптимизации путей нивелирования потенциальных рисков от масштабирования ИИ. Ведущие специалисты в данной области должны сконцентрироваться на том, чтобы результаты функционирования ИИ были научно, экономически и социально обоснованными, а не деструктивно-неконтролируемыми.

Как верно подмечают Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С., «результаты внедрения ИИ в образовательную (и научную) среду неоднозначны, существуют свои плюсы и минусы, и большинство плюсов можно рассматривать как минусы, так и наоборот» [3, с. 620], поэтому в настоящей работе мы будем описывать исключительно собственное мнение, практически не ссылаясь на разрозненные дискуссии современности.

Основная часть. По нашему мнению, несмотря на темпы внедрения ИИ во все сферы, будущее образования и науки находится исключительно в руках человека, ведь любое знание, даже генерируемое искусственно, интерпретируется как результат осмысления человеческого опыта; наряду с перспективами, существует и проблемная сторона, так как ИИ дает не только положительные возможности в сфере образования и науки, но и такие, согласиться и смириться с которыми крайне трудно.

Те разработки в сфере ИИ и экспертных баз данных с чрезвычайно мощными возможностями, которые имеются на сегодняшний день, уже поставили под угрозу существования целый ряд профессий, однако, как уже было сказано выше, это не повод для паники, так как спектр проблем гораздо шире, чем банальная и вполне прогнозируемая замена человека в ряде практических и теоретических усилий. В контексте данной темы важно не осмысление перспективности прогресса, который следует за глобализацией ИИ, а исследование соотношения ИИ и личности, которые пока ещё неразрывно связаны в едином конгломерате техника-наука-образование-человек.

Философия науки определяет личность как познавательный субъект, однако, по нашему мнению, экзистенция человека не ограничивается когнитивной функцией. Только комбинация всех проявлений человеческих атрибутов (психико-психологических) может объективизировать существование интеллекта. Следует определять интеллект не как Сущность, а как свойство, присущее субъекту. Робот, как и любое техническое устройство, не могут быть субъектами познания сами по себе; ИИ не является *cosa in se*, так как выступает лишь следствием, продуктом человеческого бытия.

Если рассматривать данный вопрос через призму философского осмысления, то интеллект может быть определен в соответствии с наличием базовых признаков, которые описаны в соответствующей психологической литературе. Однако, даже наличие всех признаков интеллектуальности, не может быть достаточным основанием для подтверждения и аргументации способности разумного существа претендовать на полноценность того аспекта интеллекта, который может быть перспективен в плане эволюции научного знания. «Научная искра», «азарт учёного» и даже случайная ошибка (как и множество других чисто человеческих факторов) много раз за всю историю эволюции науки, приводили к смене научной парадигмы.

Сегодня же обоснована необходимость закономерного поддержания ускоренного развития ИИ, но только фрагментарно возможно предсказать, как оно в дальнейшем повернёт ход эволюции, не говоря уже о сегодняшнем влиянии на обычный уклад жизни, экономику, политику, образование и иные сферы.

Образование и научные изыскания неразрывно связаны. Нам импонирует классическое мнение, которое гласит, что профессия преподавателя требует творческого подхода, незаурядных психологических способностей и умения реагировать на вызовы времени и модификацию поведения новых поколений. Однако, в 2017 году в Военной академии США, известной также как Вест-Пойнт (U. S. Military Academy, West Point), уже успешно проведен эксперимент: человекоподобный робот «BINA48» выполнял функции преподавателя философии, прочитав несколько лекций, посвященных этическим суждениям и теории справедливой войны [4].

Анализ ряда отечественной литературы 2018-2020 годов, описывающей опыт деятельности российских вузов показал, что в «некоторых из них в качестве помощников и ассистентов активно используются более новые и технологичные инструменты. Это роботы телеприсутствия, роботы-учителя (Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Московский технологический институт, Томский политехнический университет и ряд других), системы для конструирования роботов (Festo Didactic Mechatronics, Control Kit и LEGO Mindstorms)» [5].

Так, например, активно используются:

- учебные системы Festo Didactic Mechatronics, Control Kit и LEGO Mindstorms, представляющие собой набор программных блоков, моторов и датчиков для конструирования роботов;
- механические и электронные обучающие конструкторы для учебных лабораторий: fischertecnik, роботрек «Инженер»;
- роботы телеприсутствия: Romo, Double, Даша, R. Bot, Webot, Promobot;

- роботы-учителя: «Пушкин» и SAYA; южнокорейские роботы Roboem, позволяющие педагогу удаленно вести уроки английского языка; роботы VANI, предназначенные для автономного обучения иностранным языкам, математике, физике, химии; роботы Edison - помощники учителей информатики (разработка австралийской компании Microbric);
- ассистент-преподаватель онлайн-курсов Джил Уотсон (США); российские роботы-учителя информатики, разработанные в вузах Казани и Томска; робот Алантим, используемый в качестве заместителя заведующего кафедрой робототехники Московского технологического института;
- помощники для людей с аутизмом (роботы Nao, Russel, KASPAR), роботы-посредники для обучающихся с ОВЗ (VGo for Remote Students, США) [6].

Очевидно, что единичные случаи не отражают будущую закономерность и в ближайшие десятилетия вряд ли роботизированная техника заменит преподавателей, однако эти примеры четко демонстрируют нам то, что ИИ имеет претенциозные намерения вторгнуться в образование и научную деятельность.

Неоспорим тот факт, что на студентов в образовательном процессе во многом оказывает влияние не сухой научный текст, а харизма преподавателя и совокупность его невербальных человеческих проявлений. Ранее область применения роботов в образовании была ограничена их использованием в качестве педагогических инструментов для сферы технических и математических наук, однако в 2018 году вышел обзор накопленного опыта применения роботов способных на социальное взаимодействие с учащимися. В обзоре выделена ключевая проблема: преподаватели-роботы должны уметь не только правильно интерпретировать ответы учащихся на предлагаемый образовательный контент, но также распознавать быстрые и невербальные социальные сигналы, которые указывают на вовлеченность в работу, замешательство и внимание [7]. Это говорит о том, что робот не сможет заменить преподавателя в ряде социогуманитарных наук, так как студенту, молодому учёному, важна обратная, живая связь и эмоции от взаимодействия с преподавателем.

Касательно вторжения в научную деятельность, ещё рано утверждать наверняка, но уже понятно, что ИИ повлияет на традиционные концепции интеллектуальной собственности. Если сегодня ИИ создаёт изобретения, пишет литературные обзоры и обрабатывает массивы научной информации, то философское осмысление слова «автор» и «авторство» в корне может трансформироваться в ближайшем будущем.

Как бы там ни было, ИИ обладает рядом важных в

контексте науки и образования когнитивных функций, которые нужно учитывать всем учёным, берущимся анализировать данную тематику (таблица 1).

Исходя из таблицы видно, что сегодняшней ИИ - это венец машинной эволюции, который ориентирован на решение всех задач, которые могут возникнуть перед человеком, и осуществление всех когнитивных функций; современное поколение ИИ по ряду параметров является более жизнеспособным и мощным, чем интеллект человека.

В данном аспекте важно найти смысловой баланс и не выискивать экзистенциальные парадоксы - необходимо помнить, что основополагающими целями системы ИИ всегда было стимулирование создания новых технологий и творческих произведений, формирование устойчивой научной базы для изобретательства и творчества. С позиции философии финансов, если не принимать во внимание латентные цели системы ИИ, у нас нет причин не использовать его для стимулирования новых направлений научных изысканий, генерируемых искусственным интеллектом.

Бесспорно, широкое применение технологий ИИ в науке изменит сущность имеющихся понятий: патенты, промышленные образцы, научные произведения и т.д. На сегодняшний день этот процесс уже запущен, однако причина не только в ИИ, но и в целом в цифровизации экономики знаний. Например, в биологических науках генерируются огромные массивы данных, которые имеют значительную научную ценность, но по своей сути они не являются изобретениями в классическом понимании, поэтому важно выяснить, какие права и обязанности к ним прилагаются; именно поэтому, данная тематика является мультидисциплинарной и находится на стыке философии, психологии, права, этики, социологии и ряда смежных наук.

Важно понимать, что для активного внедрения ИИ в научную деятельность, нужна смена информационной парадигмы: именно данные являются фундаментом ИИ, поэтому они должны находиться в открытом доступе для возможности их обработки и использования в процессе генерации информации. В научном обществе по этому поводу уже сложились неоднозначные убеждения. В частности, движение за «открытость» науки, данных и публикаций пропагандирует позицию о том, что в «мире Данных» не должны применяться вещественно-правовые категории, которые носят ограничительный характер и тормозят внедрение ИИ в науку. Сторонники же разумных ограничений опасаются, что ИИ заменит научный труд неполноценным симулякром.

По нашему мнению, для того, чтобы наглядно продемонстрировать напрасность опасений, касающихся

Таблица 1.

Преимущества искусственного интеллекта (составлено автором)

Преимущества ИИ	Недостатки человеческой когниции
Восприятие, распознавание и классификация любых сигналов окружающего мира, а также информации в любом виде, наличие памяти без пробелов, обмен, анализ, сопоставление, оценка определенных данных, объективная их интерпретация.	ИИ способен воспринимать сигналы, которые не способен обработать мозг человека; память человека не сохраняет целостные воспоминания, каждый раз припоминания извлекаются заново; память может подвергаться процессу деменции.
Обобщение и использование информации для решения задач или принятия решений, обработка значительных объемов информации; объективная, беспристрастная оценка ситуации; выбор стратегии и тактики наиболее оптимальной формы поведения, заблаговременное планирование и ситуативная переориентация; генерирование новых знаний.	Беспристрастная оценка ситуации человеком порой невозможна из-за эмоциональной реакции, гормональных колебаний.
Способность самостоятельно формировать цели своего функционирования, динамически изменять содержание цели в результате изменения внутренних и (или) внешних обстоятельств (например вследствие ограничения доступа к необходимым вычислительным, энергетическим, сырьевым, финансовым и другим ресурсам, изменения окружающей среды, отказа человека от сотрудничества и т.д.).	Вследствие ограничения доступа к необходимым вычислительным, энергетическим, сырьевым, финансовым и другим ресурсам человек может потерять жизненный потенциал (недостаток пищи, воды, сна).
Полная осведомленность о принципах своего построения и работы; самообучение, саморазвитие, самоперестройка, самосовершенствование (версия ИИ отыскивает ошибки внутри себя, исправляет их, образует усовершенствованную версию самой себя и так переписывает сама себя до бесконечности), то есть способность выйти за пределы своей начальной программы.	Самосовершенствование доступно не всем людям; анализ собственных ошибок порой возможен только спустя длительное время.
Скорость принятия решения (секунды и миллисекунды); накопление опыта, обобщение, отыскание неочевидных связей и построение логических цепочек; концентрация внимания на протяжении любого необходимого времени; построение ценностных суждений; самостоятельность принятия решений и самостоятельное их выполнение, автономность от человека; адаптация – способность адаптироваться к изменяющимся требованиям окружающего мира (аккомодация) и воспроизводить во время познавательной активности отдельные характеристики объекта познания (ассимиляция).	Человеку необходимо время на осмысление и обдумывание; неочевидные связи могут быть не обнаружены; концентрация внимания ухудшается с уставанием и истощением мыслительных процессов по прошествии времени работы.
Творчество, то есть открытие новых аспектов знания и преобразование окружающего мира (ИИ пишет музыку, дирижирует оркестром, рисует картины, публикует статьи); наличие самоорганизации.	Человек превосходит ИИ только в данном аспекте.

замены Учёного или Преподавателя искусственным интеллектом, приведём пример из другой сферы: музыкальные произведения, которые генерируются ИИ, не создаются на пустом плацдарме, то есть, на определённом этапе данного процесса, в алгоритм обязательно закладывается цифровое выражение музыки, которую уже в прошлом составил человек (Вольфганг Амадей Моцарт, Людвиг ван Бетховен, современный композитор и т.д.). Поэтому в любом случае признаётся ценность человеческого происхождения данных.

Если переложить всё это на научную деятельность, то становится очевидно, что ИИ является результатом попытки синтеза, воспроизведения тех проявлений когнитивно-интеллектуальной человеческой природы, которые уже были исследованы. Однако полнота и многогранность человеческого существования, постоянная динамичность, непредсказуемость интеллекта и принципиальное право на творческую деятельность и

ментальные ошибки, делает изучение вопроса искусственного интеллекта в контексте научных изысканий спорным ввиду того, что воспроизведение имеющегося когнитивного знания, и даже вероятных схем его продуцирования, не может считаться полноценной аналогией человеческого научного потенциала.

Главная проблематика заключается в том, что ход науки обычно построен на случайностях; событие с высокой степенью неопределенности содержания и дальнейшего течения, но со значительной вероятностью наступления, N. N. Taleb именуется «черным лебедем» [8]. Последним в борьбе за научную действительность и будущее может оказаться ИИ, но объект влияния такого события - наука, способна эффективно ему противостоять и выходить из-под вероятного столкновения парадигм с положительными изменениями. То есть, по нашему мнению, наука обладает признаком антихрупкости (по N.N. Taleb) - «способностью к извлечению выгоды из неудач,

потерь, ошибок; умением закаляться, развиваться и становиться сильнее при столкновении с хаосом».

С философской точки зрения важен тот лишь факт, что ИИ не имеет человеческих принципов, на которых строится социум и в котором происходит эволюция эмотивной сферы личности. Если брать за основу тезис, что двигатель правильного вектора человеческой эволюции - не разум, а интрапсихическое ядро с обширным спектром чувств и переживаний, то можно спрогнозировать, что научно-техническая эволюция может оказаться в сенситивном тупике.

8 июня 2019 базовые принципы, регламентирующие этические проблемы в сфере ИИ были приняты на заседании министров стран G-20 (Koizumi, 2019) [9].

Базовым условием выполнения этих принципов является соблюдение человекоцентричности в применении искусственного интеллекта, что повысит доверие к нему и позволит в полной мере реализовать его потенциал. Вопрос правосубъектности ИИ также был поставлен на повестку дня, ввиду того, что уже активно аргументируются тезисы о том, что ИИ имеет все проявления когнитивных процессов, поэтому он обладает сознанием, которое подобно человеческому и нуждается в защите.

Помимо всего вышесказанного, внедрение ИИ в научную сферу невозможно без успешной реализации этапа, который предшествует любым научным изысканиям - образовательного. В контексте данного факта, необходимо провести цифровизацию всех учебных заведений - от начальной школы до университетов; средства, выделенные на образовательный сектор, должны идти на переобучение преподавателей, внедрение соответствующих классов и факультетов. Занятость и образовательная политика в эпоху искусственного интеллекта и робототехники должны перейти на новый этап развития, чтобы подготовить будущие кадры к планомерному переходу к глобальному ИИ. Программирование, робототехника и основы ИИ, создание онлайн-платформ для индивидуального обучения, привлечение инвесторов для переоборудования учебных заведений - всё это должно активно предшествовать масштабизации ИИ.

По нашему мнению, вполне реальна опасность не заметить развитие новой сингулярности: сначала человечеству лишь немногим помогал дружественный и подконтрольный слабый искусственный интеллект, но затем мозг каждого человека стал буквально совмещенным с глобальным ИИ, так как уже сегодня многие люди не могут ориентироваться в окружающей реальности без помощи цифровых технологий и интернета, что превращает личный интеллект каждого в некую мутационную структуру и способствует появле-

нию виртуального неокортексного облака.

Утверждение «человек - высшее звено эволюции и другого быть не может», опирается на подобное спорное философское утверждение «только человек имеет душу и сознание» (хотя с выявлением и анализом последних тоже возникают проблемы, например, «концепция сознания, имеющая нефизическую природу, открывает новые возможности для интерпретации квантовой механики и конструирования сознательных роботов» [10, с. 441]). Но правда заключается в том, что технологический мир и не пытается воспроизвести душу, а вот превзойти интеллект человека по ряду параметров, - является задачей уже давно достигнутой.

Нерешенной частью общей проблемы остается отсутствие надлежащего научного обоснования последствий применения искусственного интеллекта в образовании и науке в контексте этики его использования, а также влияния на общественные отношения. Указанное может стать определяющим этапом дальнейшего развития ИИ в истории образования и науки.

Исследовать ИИ в контексте всего вышесказанного важно своевременно, так как в настоящее время происходит активное развитие научного знания. Наука, обогащаясь эмпирическими данными, формирует новые идеи, концепции, гипотезы, теории, парадигмы. Во время размышлений человек может удерживать в своем сознании не больше семи или девяти объектов и учитывать не более трех или четырех параметров для выводов. Это выглядит очень примитивно по сравнению с алгоритмами, которыми оперирует ИИ с неограниченным их количеством. Поэтому рассматривать искусственный интеллект с антропоморфной точки зрения является безосновательным.

Выводы

1. Важно найти смысловой баланс и не выискивать экзистенциальные парадоксы - необходимо помнить, что основополагающими целями системы ИИ всегда было стимулирование создания новых технологий и творческих произведений, формирование устойчивой научной базы для изобретательства и творчества.
2. На сегодняшний день нет причин не использовать ИИ для стимулирования новых направлений научных изысканий, генерируемых искусственным интеллектом.
3. В любом случае, воспроизведение имеющегося когнитивного знания и даже вероятных схем его продуцирования, не могут считаться полноценной аналогией человеческого научного потенциала.
4. Безстрессовое внедрение ИИ в научную сферу возможно без успешной реализации этапа, кото-

рый предшествует любым научным изысканиям - образовательного. В контексте данного факта, необходимо провести цифровизацию всех учебных заведений - от начальной школы до университетов. Занятость и образовательная политика в эпоху искусственного интеллекта и робототехники должны перейти на новый этап развития, чтобы подготовить будущие кадры к планомерному переходу.

5. Нерешенной частью общей проблемы остается отсутствие надлежащего научного обоснования последствий применения ИИ в образовании и науке в контексте этики его использования, а также влияния на общественные отношения, их эмоциональные и нравственные устои, которые могут быть поставлены под угрозу; указанное может стать определяющим этапом дальнейшего развития ИИ в истории образования и науки.

6. Для науки и образования Российской Федерации нам видится единственно возможный положительный сценарий в рамках исследуемой темы: будет продолжаться развиваться научно-ориентированная интерактивная среда обучения всех уровней (от дошкольного до ВУЗовского и последипломного), позволяющая учащимся и молодым учёным получать опыт научно-исследовательской деятельности с использованием ИИ, путем использования инновационных методов обучения, только лишь как вспомогательных; преподавателям же ИИ поможет организовать процесс обучения оптимальным для них образом и будет способствовать перераспределению рабочего времени - переходу от многочасовой рутинной работы к более плодотворному личностному взаимодействию со студентами, без которого невозможен образовательный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-pravovaya-kategoriya-doktrinalnyy-podhod-k-razrabotke-definitsii> (дата обращения: 05.06.2020).
2. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii> (дата обращения: 07.06.2020).
3. Пичужкина Д.Ю., Смекалова Е.С., Сулима И.И. Искусственный интеллект: возможности в системе образования // Наука и образование: новое время. 2019. №. 1. С. 619-623.
4. Cadets introduced to the future of Artificial Intelligence // Pointer View. The serving the U.S. Military Academy and the Community of West Point. September 21, 2017. Vol. 74. No. 37. P. 2.
5. Тихонова Л.П. Моделирование функциональных возможностей цифрового ассистента и условий его реализации в вузовском учебном процессе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. №4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-funktsionalnyh-vozmozhnostey-tsifrovogo-assistenta-i-usloviy-ego-realizatsii-v-vuzovskom-uchebnom-protseesse> (дата обращения: 18.06.2020).
6. Тихонова Л.П. Об актуальности внедрения современных цифровых технологий в образование // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. №1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnosti-vnedreniya-sovremennyh-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obrazovanie> (дата обращения: 18.06.2020).
7. Belpaeme T. et al. Social robots for education: A review. Science robotics. 2018. Т. 3. No. 21. P. 1.
8. Taleb N. N. The black swan: The impact of the highly improbable. Random house, 2007. Т. 2. P. 210.
9. IPQUORUM 10-12 апреля 2019 (Москва). «Ipchain Legaltech Review» 2019. URL: https://ipchain.ru/docs/legal_review_june.pdf (дата обращения: 06.06.2020).
10. Белокопытов Ю.Н., Панасенко Г.В. Сознание за гранью искусственного интеллекта? // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. 2019. С. 440-444.

© Евсюк Александр Владимирович (avev2020@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НА «ПУТИ К ЯЗЫКУ» (М. ХАЙДЕГГЕР): ANTI-LINGVISTIKA

«THE PATH TO LANGUAGE» (M. HEIDEGGER): ANTI-LINGUISTICS

V. Kostetckii

Summary: The article is based on the well-known thesis that the language cannot be understood from the language. However, the measures taken to understand language through semiotics and social relations must be recognized as completely insufficient. As a starting point for the philosophy of language to go beyond language, we should accept the fact of excessive complexity of language for the purposes of interpersonal communication, especially in comparison with the fact of excessive human sexuality. Heidegger's calls to understand language through poetry, and to see in poetry the intentionality of the gods, should be developed into an ontology of the gods, in relation to which the ontology of language will be secondary. Ethnographic materials on trance rituals of primitive culture and modern research on «altered states of consciousness» clearly contribute to the latest research on the «path to language».

Keywords: language, theory of meaning, Aristotle, ontology of language, ontology of look, prescription knowledge, subject, sacred, shamanism, poetry, Heidegger.

Костецкий Виктор Валентинович

Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, kostavictor@yandex.ru

Аннотация: В основу статьи положен известный тезис о том, что язык невозможно понять из языка. Однако, предпринимаемые меры понимания языка через семиотику и социальные отношения надо признать совершенно недостаточными. В качестве исходного начала выхода философии языка за пределы языка следует принять факт избыточной сложности языка для целей межчеловеческого общения, особенно в сопоставлении с фактом избыточной сексуальности человека. Хайдеггеровские призывы понимать язык через поэзию, а в поэзии усматривать интенциональность богов, следует развить до онтологии богов, по отношению к которой онтология языка окажется вторичной. Этнографические материалы по трансовым ритуалам первобытной культуры и современные исследования «измененных состояний сознания» явно способствуют новейшим исследованиям на «пути к языку».

Ключевые слова: язык, теория значения, Аристотель, онтология языка, онтология взгляда, рецептурное знание, субъект, сакральное, шаманизм, поэзия, Хайдеггер.

«...мир всевидящ...»

Ж.Лакан

«жизнь вселенной – это вечный
тысячеустный разговор»

Новалис

Философия языка, казалось бы, не может угрожать каким-либо образом философии культуры, особенно в её привычном гуманитарно-гуманистическом понимании, поскольку культура, вроде бы, и начинается с языка. Но из этого в общем-то верного факта не следует, что язык можно понять через культуру. Между тем, за последние два столетия сложилась «научная» практика понимания языка через культуру и понимания культуры через язык и языки. В этом замкнутом круге всё становится самосогласованным по принципу «рука руку моет». Симуляция научного понимания языка и понимания культуры осуществляется благодаря понятию «семиотика», посредством которого язык интерпретируется как одна из знаковых систем, а культура, в свою очередь, как множество «языков», множество знаков и «символических форм».

Второй координатой той плоскости, на которой теоретизируются язык и культура, является «система социальных отношений» («коммуникация»), в рамках кото-

рой и появляются знаковые системы семиотики. Теории семиотики и коммуникации оказываются настолько координированными между собой, что любая попытка понять язык и культуру приводит всегда к тому, что все дороги теоретического осмысления ведут либо через семиотику к социальным отношениям, либо через социальные отношения к семиотике. И других вариантов, вроде бы, нет, а, возможно, и быть не может.

Попыткой, причем достаточно робкой и непоследовательной, можно считать выдвинутый М. Хайдеггером лозунг «язык – дом бытия», причем этот лозунг то признавался автором за «фундаментальную онтологию», то переводился в метафору. В рамках этих колебаний, соответственно, появляется выражение «путь к языку», о котором М. Хайдеггер утверждал, что «...путь к языку как языку длиннейший из всех, какие можно помыслить» [Хайдеггер 1993, 259]. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что великий немецкий мыслитель XX века не видел направления и изгибов этого «пути к языку», но точно знал, что столбовая дорога к нему заказана, на которой - как в то время, так и до сих пор, - бал правят лингвистика, семиотика, социология, психология и весь набор социально-гуманитарных наук с «междисциплинарным подходом» во главе. М. Хайдеггера не устраивала семиотическая методология языка, о чем он

прямо писал: «...язык...никогда и не удастся сущностно осмыслить ни из его знаковости, ни, пожалуй, даже из его семантики» [Хайдеггер 1993, 199]. Осторожно сомнения в знаковой-де природе языка высказывал еще В. Гумбольдт: «...сравнение (языков – В.К.) привносит своеобразный смысл, отличающий язык от простых условных знаков, хотя в обиходе и проявляется склонность к такому отождествлению...Но, что еще важнее, такое изучение приучает дух видеть в словах нечто большее, нежели случайные звуки и условные знаки» [Гумбольдт 1985, 365-366].

Я попытаюсь в своей статье придать определенность тому, что В. Гумбольдт обозначил как «нечто большее» в языке, то есть не случайное и не условное, в направлении которого и держал свой «путь к языку» М. Хайдеггер.

Надо заметить, что научное сообщество, провозглашая о том, что «в науке нет широкой столбовой дороги», очень не любит, когда с неё сворачивают на иные пути. И «путь к языку» не является исключением, поскольку столбовая дорога философии языка давно проложена: во-первых, знаки-символы, во-вторых, отношения между людьми. Но, возможно, что «путь к языку» и начинается, и проложен не в этой, «профанной», реальности. В наших гуманитарных науках «сакральное» имеет значение чего-то этнографического или, в лучшем случае, трансцендентально-экзистенциального. М. Хайдеггер не очень владел этнографическим материалом (и это, по моему мнению, отрицательно сказалось на его философии), а от литературного экзистенциализма держался на расстоянии. Поиски своего «пути к языку» вне этнографии и экзистенциального психологизма вывели М. Хайдеггера на иной путь – на поэзию в её сакральном (и не субъективном) измерении. О том, что настоящая лирическая поэзия не субъективна, писал ещё Ф. Ницше. Как только в лирике появляется дух вместо чувственности, так индивидуализм и субъективность уходят на второй план. Соответственно, М. Хайдеггер на пути к языку обнаруживает онтологический мотив поэзии, открывая тем самым иное направление в философии языка, нежели семиотика и социальность, - поэзию в её внесубъективной духовности. Координата поэзии ортогональна плоскости семиотики и социальности, это совсем другая координата теоретического понимания языка. Под поэзией немецкий философ понимает, конечно, не стихотворчество, а форму вдохновенного пророчества, хотя и абстрактного. Таков у него Гёльдерин – «поэт поэтов». Как писал М. Хайдеггер при анализе поэзии Гёльдерлина, «поэзия есть праязык всякого исторического народа. Таким образом, наоборот, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии» [Хайдеггер 2003, 85].

Довольно любопытно наблюдать над тем, с каким сарказмом филологи способны воспринимать мысли философа о языке: «Понятно, - пишет Н.Б. Мечковская,

- что хайдеггеровский Язык «с большой буквы» - это, в сущности, уже не язык, а поэтический символ «всего высокого и прекрасного», может быть, и лестный для «традиционного языка с его грамматикой», но и уводящий проблему «язык и познание» в область поэзии и мифологии» [Мечковская 1988, 306]. Для филолога, автора монографии «Язык и религия», никаких философских проблем осмысления сущности языка и религии не существует, поскольку есть уже раз и навсегда найденная точка зрения: «С точки зрения семиотики (науки о знаках) – пишет Мечковская - язык и религия – это две самобытные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания» [Мечковская 1988, 3].

В том, что в языке и религии есть знаки, никто и не сомневается. Но язык и религия – это не системы знаков, а нечто много большее. Возможно, имеющее отношение к духовности, к духу как иной реальности, трансцендентальной по отношению к собственно человеческим инициативам. Язык и религия в своих знаковых формах (текстах, шифрах) уже, собственно, и не язык и не религия. Как замечал Аристотель, «рука, отделенная от тела, лишь по названию рука». Точно так же язык можно закодировать в звуки, письмена, превратить в средство общения и мышления, в речевую деятельность, но это будет язык на потребу, отделённый от языка как такового. Например, европейская музыка с её набором инструментов, динамических оттенков, системой консонансов не тождественна Музыке (как таковой), поскольку музыка не сводится к музыкальному звуку и акустике. Язык можно сравнивать с музыкой, можно сравнивать с поэзией, но нельзя непосредственно связывать со звуком и словом; язык как таковой не акустичен, не графичен и даже не сигнален.

Язык есть настолько странная реальность, что возникает искушение вообще отказать языку в реальности, то есть представить язык как искусственное изобретение типа географической карты, придуманным учителями для обучения «иностранным языкам». С этой точки зрения, язык – это «контурная карта» говорения, слушания, общения; тогда в реальности нет «языков», реальны только знаки и общение.

Другая точка зрения состоит в том, что знаки и общение потому и существуют, что существует язык, который может иметь различное материальное обеспечение. Не случайно Ф. де Соссюр заявлял о том, что французский язык – это латынь, но в другое время и в другом месте, равно как латынь – это санскрит в другое время и в другом месте. Соответственно, путь к языку идет мимо французского и латыни, латыни и санскрита, вообще мимо «сравнительной грамматики».

Если задаться вопросом о том, куда ведет путь к языку, то ответ на него возможен, но возникает проблема в подборе слов. Язык связан с «знанием», «узнаванием», «пониманием», «прозорливостью», но, возможно, наиболее подходящим термином будет старинное слово «весть», «вести». В этом слове сокрыто субъектное начало знания, податель вестей. Любое слово в речи несёт субъектность вестей. Не случайно в языке вещь всегда не только объект, но и субъект: время бежит, гроза утихла, - и дело отнюдь не сводится к антропоморфизму. Время – это не часы, но активный субъект многих ситуаций, отчего Ф. Соссюр в своей лингвистике писал Время (с заглавной буквы) как обозначение персоны, П. Бомарше шутил о том, что «время – честный человек», а В. Даль приводил редкую поговорку «дураку что ни время, то и пора». Как бы то ни было, но в слове «время» присутствует субъектное начало, нравится это физикам или нет. Слово с присутствием «субъектного начала» есть «весть». Анонимный вестник в вестях слова как раз и представляет особый философский интерес.

Вестник всегда субъект. Субъект реален в конкретной ситуации, в которой он существует как агент этой ситуации. По отношению к человеку субъект (обстоятельств) может демонстрировать себя как вещами (натурой), так и словами в речевом исполнении. Соответственно, вещь для «субъекта обстоятельств» (таким субъектом и было Время у Ф. Соссюра) ровно такой же знак, как и слово для её обозначения в человеческих языках. Приведу простой пример под видом «теории значения». Исходным предметным значением (референтом) слова «волк» является не хищник, а множество историй («вестей») об опасности, связанной с этим хищником. В этих историях «волк» фигурирует в качестве субъекта (даже если этого самого волка никто в глаза не видел). Когда в зоопарке укажут на волка, то видимый хищник презентует собой те же самые «страшные истории», выступает по отношению к ним точно таким же знаком, как и произносимое ранее слово. Дихотомия «вещь-имя», при которой вещь становится «объектом», а слово «знаком», возникает за счет того, что упускается из виду исходная ситуация с множеством рассказов о ней. Между тем, вещь принимает свой иконический образ далеко не сразу; так, волка надо еще научиться (рассказами) отличать от лисы, шакала, росмахи, рыси, медведя. Лишь в итоге образ вещи закрепляется в форме зримой эмблемы, а слово становится фонетическим знаком этой иконической эмблемы (а не «самой вещи»). Когда со временем фонетика слова меняется, а эмблема остается неизменной, возникает бытовое представление о «вещи-самой-по-себе», о вещи-объекте; соответственно, слово предстает как условный знак, этикетка.

Представленная в данном примере «теория значения» впервые появляется в философии Аристотеля, в которой она играет едва ли не главную методологическую роль. В известном аристотелевском примере «человек

– *сказывается* о Сократе» отнюдь не утверждается, что «Сократ есть человек» (так стали говорить стоики уже после смерти Аристотеля). В философии стоиков Сократ рассматривается как один человек из многих людей, количественно. В аристотелевской философии «человек» – это множество историй о людях, объединенных одним словом (наподобие заглавия рассказа); точно так же «Сократ» - это не тело Сократа, а множество историй о нем. Поскольку сведения о людях и Сократе во многом совпадают между собой, постольку возможно утверждение «человек – *сказывается* о Сократе». Причем, уместно задать вопрос: кем или чем одно «сказывается» о другом? У Аристотеля *нет автора этого сказителя*, поскольку «сказываемость» обусловлена множеством тех объективных обстоятельств, которые явились поводом для всех рассказов «О человеке», «О Сократе». У Аристотеля слово образовано рассказами, а не рассказ состоит из слов. В быту все рассказы, положенные в основание слова (как «заглавия»), сокращаются до «имеется в виду», образуя тем самым «смысл». В «смысле» слова смысла не больше того, что представлен в рассказах, озаглавленных соответствующим словом. Что касается Аристотеля, то его «смыслы» слов не занимают вовсе; ему интересны истории о том, кто и как употребляет слова и в каких именно ситуациях. Поэтому «исторические введения», которыми пронизаны все тексты Аристотеля, это, собственно, не «обзор мнений» наподобие доктографии, а материал для «теории значения», на основе которой и строится дальнейший философский текст.

Свою «теорию значения» Аристотель менее всего связывает со словами и знаками вещей. Значение, обозначенное знаками, уходит даже не «к самим вещам» (Э. Гуссерль), а к тем ситуациям-обстоятельствам, которые вызвали существование «самых вещей». Вещь в контексте обстоятельств её появления на свет Аристотель будет называть сконструированным им термином «энтелехия». Вещь-энтелехия обязательно пребывает в напряженном диалоге с обстоятельствами, её породившими (обстоятельства «тестируют» вещь; вещь «несется к своей цели», хотя и поставленной не самой вещью). Диалог ведется по каналам «категорий» (еще одно слово, придуманное Аристотелем). Именно этот диалог энтелехий по каналам категорий образует Язык «сказываемого» (в смысле, близком М. Хайдеггеру) и проявляется как «энергия» в теории языка В. Гумбольдта. После Аристотеля стоики интерпретировали «энтелехию» в качестве «тоноса» (напряженное бытие), а римские стоики перевели греческий «тонос» как «интенция» (в том же значении). В арабо-латинском средневековье термины «интенция», «интенциональность» пользовались большой популярностью в качестве обозначения *одухотворенности бытия* (это именно то «бытие», с которым работал всю жизнь М. Хайдеггер, начиная с Dasain – то есть после диссертации 1915 года о

Дунсе Скотте).

Язык, в отличие от множества слов, то есть как способ представления субъектности бытия (субъектности обстоятельств), существует не для человека и вне человека; человек открывает для себя язык как он открывает для себя полезные ископаемые. То, что получается из полезных ископаемых, совсем не похоже на сами полезные ископаемые. Точно так же и с человеческими языками в их многообразии и своеобразии: они не похожи на язык как таковой, но они существуют на его основе, они «из него сделаны». О «нечеловеческом» в языке писал еще В. Гумбольдт: «Язык коренится в человеке, но всё же не мог быть им выдуман. Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта...» [Гумбольдт 1985, 365]. Люди не создают язык, как не создают они «законы природы» – они его для себя открывают, оформляя через поэзию. Собственно, и про поэзию можно сказать, что поэзия – всего лишь способ открытия языка. Язык открывается человечеству в поэзии, а потом используется где угодно, поскольку в реальности все обстоятельства субъектны. В этом смысле во всём есть язык и всё, что есть в мире, есть нечто типа поэзии, для которой в природе «всё – разговор». При поэтическом восприятии реальности «... горы смотрят на меня, \ Я смотрю на горы, \ И нам это не надоедает» (из китайской поэзии). Или у А. Толстого: «И слышу я, как разговор везде немолчный раздаётся...». Поэтическим признаниям на этот счет нет числа. При поэтическом восприятии реальности субъектность вещей не привносится антропоморфизмом или метафорами и аналогиями, а лишь приоткрывается, узнается. Как писал Н.А. Бердяев: «Некоторый антропоморфизм должен быть утверждаем не стыдливо и робко, а сознательно и смело» [Бердяев 1990, 42]. Поэтому не так уж далек от истины Новалис, утверждая, что чем поэтичнее, тем ближе к истине.

Поэтическое восприятие природы легко обвинять в антропоморфизме, в анимизме, в аниматизме, в гилозоизме, в преувеличении, в образности, в метафоричности; однако, в основе собственно поэтического восприятия заложено личностное восприятие субъектности всего сущего, всего того, что может быть «объектом» мысли, чувства, фантазии. В нашей философской литературе много писано о единстве субъекта и объекта, их «принципиальной координации» или первичности того или другого. Однако, главным в этом вопросе является то, что субъекта не надо связывать с человеком, с сознанием, с органами чувств. Как утверждал М. Хайдеггер, «метафизическое значение понятия субъекта не имеет ближайшим образом никакого подчеркнутого отношения к человеку и тем более к Я» [Хайдеггер 1993, 48]. С другой стороны, хайдеггеровская позиция означает, что свое «я» есть у каждой вещи, так что человек в отношении субъектности не является уникалом. Человека и вещь как субъектов объединяет то, что называется «видени-

ем», причем, безотносительно телесности. Так, например, во сне мы видим не глазами, и слышим не ушами, и говорим не органами речи. Во сне мы остаемся субъектами, но феноменально, вне своей телесной организации. Точно также любой субъект при любой телесной организации (электрон, камень, планета, звезда) «видит» свое окружение, видит трансцендентально. Трансцендентализм в этом случае означает видение вещами друг друга, а если речь идет об отношении человека к вещам, то признание того факта, что вещи видят, как человек их видит. В качестве пояснения можно сослаться на опыт повседневной жизни: женщины всегда видят, как мужчины на них смотрят (причем видят не глазами, а неведомым образом перехватывая взгляд). Язык и существует как сущее именно в реальности трансцендентального видения, это его родная стихия. По этому поводу есть остроумное замечание М. Мерло-Понти: «Послушаем, что говорит Мариво: «Я и не думал называть вас кокеткой. – Это было сказано до того, как об этом подумалось» [Мерло-Понти 2001, 24] Это «сказанное» (неизвестно каким образом) есть та самая реальность, которая занимала Аристотеля (начиная с «Категорий») и у которой после Аристотеля много других названий, таких, как «Geist» Гегеля или «Dasain» Хайдеггера.

Субъектность вещей, фиксируемая в поэзии, означает, что вещи не только «ведут разговор», но видят друг друга, обмениваются взглядами, приемлют или не приемлют друг друга – феноменология этого «общения» существует, но, естественно, вне привычной человеку телесности. Для того, чтобы видеть, необязательно иметь глаза; видеть – это феномен и атрибут субъектности. Об этом догадывался еще Цицерон, ориентируясь на Аристотеля: «А ведь мы воспринимаем видимое не глазами...видит и слышит именно душа, а не части тела, которые служат ей как бы окошками, но которыми ничего нельзя чувствовать без присутствия и участия ума» [Цицерон 1975, 223]. Умопостигаемость видения, трансцендентальность его, имеет свою странную физику, на которой более всех настаивал М. Мерло-Понти: «Видение – это не один из модусов мышления или наличного бытия «для себя»: это данная мне способность быть вне самого себя...и моё «я» завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода во вне» [Мерло-Понти 1992, 51]. Теоретическая позиция М. Мерло-Понти выводит видение из сферы разговорного языка на уровень, представленный в этнографии шаманизмом, - с последующим осмыслением его посредством концепта «измененных состояний сознания».

В философском понимании субъект представляет собой понятие абстрактное и всеобщее. Я попытаюсь конкретизировать это понятие несколькими признаками, «атрибутами» (подобную конкретизацию можно, кстати, найти и у М. Хайдеггера, процеживая его многословие). Во-первых, субъект – это то, что *видит* свое окружение,

имеет свою точку зрения (Blickstand) на окружающее. Во-вторых, субъект всегда предпринимает попытки *зосподствовать над всем, что видит*. В-третьих, субъект капризно волит *быть любимым всеми, кто видит его* (онтологическую «капризность» субъекта одним из первых подметил Ф.М. Достоевский). Когда говорят о том, что любовь правит миром, то в этом есть онтологическая правда. Но точно так можно говорить о том, что воля правит миром (на чем, как известно, настаивал А. Шопенгауэр). Три атрибута субъекта играют в организации миропорядка роль принципа разделения властей. Так, если господство становится чрезмерным, перестают любить. Если любовь переливается через край, то умалывается воля к власти. Если видение становится всевидящим, то меркнет любовь и атрофируется воля. Если в мире и есть некое саморегулирование, то осуществляется оно исключительно субъектными отношениями всего со всем. В отношении субъекта всё сущее едино, от творца до творений. Выражаясь старинным философским языком, можно сказать, что единство мира в его субъектности, а не в чем-либо другом типа материи, бога, абсолюта, субстанции.

Субъектность вещей обладает одной странной особенностью, имеющей для понимания языка принципиальное значение: она может отделяться от самой вещи, превращаясь-перемещаясь в слово, в язык, в картину. Типичным примером может служить такое странное социальное явление благополучной Европы, как «секс по телефону»: вся феноменология секса оказывается в разговоре. Точно так же при вуайеризме феноменология секса оказывается в подглядывании, так что на долю телесности остается нечто подобное целованию деревянными куклами. В той же логике могли бы, например, существовать «драка по телефону» или «ужин по телефону». Это может показаться забавным, но феномен европейской классической музыки и жанры приключенческого романа существуют точно таким же «телефонным способом» – «разговором». Меломаны и книголюбы смещаются из одной реальности в другую, порой выпадая собственным субъектом из реальности вещей. Реальность способна двоиться, позволяя уходить в язык и появляться из языка. Подобное возможно только благодаря тому, что язык как таковой представляет собой не систему знаков, а систему межсубъектных отношений вещей. В поэзии А. Толстого есть такие строки:

*«И вещим сердцем понял я,
Что всё, рожденное от слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова.»*

Вещи вещают о себе, так появляется феноменология бытия отдельно от телесности – «немолчный разговор» (А. Толстой), «сказываемое» Аристотеля. Поэты, прислушиваясь к «сказываемому», начинают вдруг бормотать, завывать, шептать, шевелить губами в поисках фонем –

из чего рано или поздно складывается изначальная «речь». Наглядным примером может служить замечательный поэтический опыт в «Розе мира» Д. Андреева.

Поэтический шаманизм сам по себе вряд ли привел бы к формированию членораздельной речи, если бы в нем не было того, что называется «вестями», «знанием». Нечленораздельная речь «поэтов» сопровождалась вполне содержательными видениями, как это имеет место, к слову сказать, в европейской классической музыке с её прочувственными образами «бури и натиска». Экстатическая экзальтация шаманствующих поэтов (не без влияния растительных галлюциногенов) позволяла вклиниться в разговор вещей между собой, например, организма и ландшафта, что приводило к так называемому «рецептурному знанию», которое в культуре приняло форму сначала знахарства, потом медицины. Рецептурное знание в цивилизации оказывается доступным немногим (жрецам, гениям, пророкам, энтузиастам); между тем все исходные знания цивилизации в области медицины, строительства, математики, геологии, доместикации растений и животных получены рецептурным путем, то есть поэтическим вдохновением жрецов-энтузиастов в их трансовых ритуалах.

Возможности шамано-жреческого познания распространялись не только на технологии медицины, математики, металлургии, транспорта, строительства, сельского хозяйства, но и на ту область, которую стали связывать с религией. Религия – это, собственно, та область реальности, где субъектность представлена в отдаленности от вещей, в персоналистичном виде. Так появляются «этот» мир с людьми и «тот» мир с ангелами, архангелами, чистой и нечистой силой. В философии языка, в филологии и лингвистике про «двоемирие» не вспоминают, стремясь ограничиться этим миром, в котором далее сравнительного языкознания, семиотики и психологии социальных отношений на «пути к языку» продвинуться невозможно.

Но язык – явление не этой реальности, то есть вещной. Человеческие языки, с которыми имеют дело лингвисты, являются поздним продуктом открытия языка и преобразования его под текущие нужды. Если воспользоваться аналогией, то можно говорить об открытии огня (дар Прометея), и отдельно о способах его применения (обогрев, освещение, теплотехника – от кулинарии до металлургии). В продолжение аналогии с огнем можно сделать существенное уточнение: не человек открыл для себя язык, а человеку открыли язык в качестве подарка от каких-либо «прометеев». И не факт, что подарок преподнесен бескорыстно. Не случайно М. Хайдеггер обращает внимание на поэтическое высказывание Гёльдерлина: «...и потому опаснейшее благо – язык дан человеку, чтобы он, творя и разрушая, ...показал, что он есть такое...» [Хайдеггер 2003, 69]

В свое время И. Кант, как известно, обнаружил ограниченность человеческого разума. За пределы дозволенного познания человеку выйти не дано. А всё то, что доступно познанию, оказывается в превращенном виде, наподобие сказок детям об их появлении на свет. Философия истории дополняет кантовский агностицизм малоутешительными заявлениями о том, что человеческая история – не арена счастья, что человек – игрушка, что лучшее для человека – вообще не родиться. В философии языка пессимистичные выводы философии истории почему-то не принимаются во внимание, а зря. Языки человеческие принимают самое активное участие во всей трагедии человеческой истории, при этом люди далеко не являются хозяевами своего языка, ни один народ не является автором того языка, на котором он говорит. Максимум того, что доступно человеку в отношении языка – это перейти на язык другого народа. Человек, рождаясь, при всей своей активности остается ведомым (языком). Если игнорировать религию, то язык начинает казаться средством общения и сознания, системой условных знаков, системой рефлексов. Если не игнорировать религию с её тысячелетним опытом, то язык получит другое концептуальное содержание. А именно: человеческие языки выстроены на границе «двоемирия»; это место встречи персонажей этой и той реальностей; с одной стороны, людей и, с другой стороны, персонажей трансцендентной реальности, – как бы их не называли: духи, боги, демоны, пенаты, архангелы, шайтаны, гении, бесы. Так что за трагедийные события человеческой истории ответственность несут не только люди. Историкам и культурологам никогда не объяснить «человеческим фактором» бесчеловечные ужасы мировых войн с участием самых культурных наций, забывая сакраментальное «бес попутал».

Существует такой детский вопрос: где живут боги? В философии на него можно дать, допустим, такой ответ: где постоянно живут боги – конечно, неизвестно, но иногда они живут в языке. У М. Хайдеггера было выражение «язык – дом бытия»; в этом философско-поэтическом высказывании есть та правда, в которой образ дома верен буквально: язык – это дом, только не абстрактного «бытия», а реальных персонажей из трансцендентной реальности. Кстати, дом – это не здание, а то место уютного бытия, где, как писал В. Высоцкий, «Пусть ночью, днем, \ Всегда твой дом. \ И здесь не смотрят на тебя с укором». Человеческий язык сформирован под уютный храм для общения людей и богов. Пожалуй, метафора «храма» как места встречи людей и богов более всего выражает суть языка.

Человек в родном языке является всего лишь «прихожанином». Он входит в «дом бытия» (язык) местоимением «я». «Я» гарантирует место в языке. «Я» – это не знак-дубликат имени, а нечто типа «абонемента», «входного билета», «должности». Человек-в-языке всегда «на долж-

ности» (говорящего). Человека-в-языке видно насквозь, потому что он говорит, кажет себя, сказывается, являясь тем самым зрелищем. Человек и «про себя» мыслит языком, оставаясь зрелищем, иногда посмешищем для тех, кто видит его в тайных помыслах. По-настоящему религиозные люди, особенно из монахов, знают это и следят за чистотой мыслей, помыслов, желаний.

Человек во всех разговорных языках всегда не свободен и всегда под взглядом, порой недобрый. Гениальность человека начинается с того, что своим языком для него лично оказывается не родной язык, а тот сущий язык, на котором вещи видят друг друга и, соответственно, видят того, кто видит их. Если человек остается только в человеческом языке – агрессивном по отношению к вещам, то не стоит удивляться тому, что говорящий человек становится несимпатичным всему окружению, и вещи перестают говорить с ним, казаться собой. В результате к композитору не приходят чарующие мелодии, к поэту не приходят благозвучные строфы, писатель остается без чувства языка, полководец остается без победоносных планов, а к женщине не приходит суженый. «Сущий язык» в философии озадачивает многих: так было, например, с творчеством Аристотеля или Гегеля, по поводу языка которых прозвучало немало проклятий. Аль-Фараби жаловался на то, что «Категории» Аристотеля перечитал сорок раз, причем, без толку. Гегелевский стиль изложения У. Джеймс называл «боркотанием визионера», Л. Фейербах – «пьяными спекуляциями», А. Шопенгауэр объявлял «шарлатанством». Между тем, Аристотель с Гегелем говорили на одном языке – языке сущей феноменологии, в отличие, например, от Э. Гуссерля с его «строгой наукой» при игре в философию.

Тезис о том, что «язык – средство общения», затемняет другую сторону языка – как средства разобщения. Способность разобщения людей заложена в вербальном языке изначально. Ф. де Соссюр утверждал, что язык невозможно сохранить в неизменном виде, он постоянно изменяется во времени и пространстве. Можно сказать больше: язык живет своей жизнью на теле человечества, так что человечеству остается только роль технического обслуживания. В результате два соседних народа, обслуживая свои языки, перестают понимать друг друга. Т. Гоббс уподоблял государство огромному и чудовищному левиафану, то же можно сказать о языке. Человечество приручает языки, благодаря чему появляется возможность их пользования, но от этого языки не перестают быть «вещью-в-себе» в своей дикой свободе.

Сама сложность вербального языка, его структурного строения, свидетельствует отнюдь не в пользу тезиса «язык – средство общения». Довольно странным выглядит тот факт, что чем древнее язык, тем сложнее он организован. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, «для морфологии языка Ригведы характерна невероятно раз-

вращенная флексия. У имени насчитываются десятки флексий, у глагола сотни. Существует сложная система противопоставления серий окончаний друг другу...» [Елизаренкова 1989, 509].

Повседневное общение людей, тем более в рамках семьи, племени, рода, совершенно не требует тщательного согласования слов в роде, числе, падеже, лице, времени, залоге; не требуется четкой артикуляции фонем. В живом общении люди понимают друг друга при всех дефектах дикции, телеграфном стиле речи, отсутствии словарного запаса, заикании и даже горячечном бреде. Вербальный язык избыточен для человечества в той же мере, в какой избыточным является либидо для сохранения рода. Родной язык и либидо многократно превышают необходимые и достаточные условия общения человечества в интересах сохранения жизни и ведения хозяйства. Тогда возникает философский вопрос: к чему такая избыточность и где искать её истоки?

В своё время З. Фрейд доказал несоразмерность сексуального влечения человека его возрасту и возможностям, а российский этнограф академик Л.Я. Штернберг при исследовании шаманизма выявил нечеловеческое начало человеческой сексуальности. В так называемой «шаманской болезни» (период полового созревания) возникает тотально-сексуальная проблематика сновидений, по своим картинам соответствующая образам «Кама-Сутры», но не традициям своей семьи и племени. Подросток оказывается задавленным сновиденческими образами чуждой ему сексуальной практики, - как оказывается, ради того, чтобы заключить брачный завет со сновиденческим персонажем под именем «духа предков». «Дух предков» выбирает себе из всей молодежи будущего сексуального партнера для «священного брака» (иерогамии), эротическими сновидениями лишая подростка здорового сна и тем самым общения со сверстниками (в том числе эротического). Сексуальное избранничество в шаманизме, оборотной стороной которого выступают традиции девственности, приводит к тому, что шаман в иерогамии оказывается наложником (наложницей) сновиденческого персонажа, причем с реальным знанием изощренных сексуальных практик. Как пишет Л.Я. Штернберг, «не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана» [Штернберг 1936, 41]. «Здесь, - продолжает этнограф, - с необычайной яркостью раскрываются совершенно своеобразные интимные отношения между шаманом и избравшим его духом, отношения, основанные на сексуальных эмоциях» [Штернберг 1936, 143]

Изощренность строения вербальных языков (в грамматике, морфологии, фонетике) при сопоставлении с историей шаманизма не может не наводить на мысль о том, что человек в языковом отношении точно так же является пленником некоего «духа предков», сонма ду-

хов. Другими словами, надо иметь в виду, что язык, как и сексуальность человека, своими корнями может уходить в шаманизм, а отнюдь не в семиотику и социологию. С этой точки зрения можно говорить о парадоксе языка: родной язык устроен таким образом, как будто он не предназначен родным людям. Сложность структуры вербального языка объясняется тем, что реальное общение людей, на виду друг у друга, оказывается полностью проигнорированным. Соответственно, назначение вербального языка состоит в чем-то другом, не в общении в кругу соплеменников. Если исходить из того факта, что язык и знание в чем-то тождественны, а начальные знания имели рецептурный характер, то придется признать связь языка с проблемой рецептурного знания. В мифологии народов мира не случайно выделяется особый вид мифов, связанных с «культурным героем», который научает человека огню, приручению животных, ткачеству, мореходству и всему множеству видов хозяйствования. Культурный герой в эпоху шаманизма «действовал» посредством либо сна, либо транса. Рецептурное знание возникало как видение в транс-овом состоянии сознания, но реализуемо оно было при переходе к бодрствующему сознанию, в связи с чем и возникает необходимость кодификации видения при переводе в телесную реальность, например, в форме жестов. Жест – это мышечная кодификация видения, которая с точки зрения межличностного общения принимает характер мимики, пантомимы, голоса. Фонетический язык «подсажен» на мышечные реакции взгляда, рук и ног, движение крови; он, собственно, и выполняет функцию их координации при транспонировании видения в поведение. В так называемой «экспрессивной фразеологии» слов минимум, но мышечных реакций максимум. Развитие речи, как известно, пошло в противоположном направлении.

Источник «рецептурного знания» вне опыта человечества, вне логики или «подсознания»; рецептурное знание является внеопытным, внеразумным, нечеловеческим, но истинным в конкретных условиях той или иной «проблемной ситуации». Исторически «проблема» тесно связана с «мольбой», с призывом о помощи. Естественно, что просьба о помощи должна быть корректно сформулированной, иначе можно получить то, чего никто не хотел. Диалог с трансцендентной реальностью в условиях возможности быть неправильно понятым привел к изощренной казуистике структуры «родного языка». Родной язык не предназначался родным людям; он предназначался для диалога с персонажами трансцендентной реальности «вне прямой видимости» (как говорят летчики). Общение «вне видимости» достигается за счет развития технических средств, роль которых и взял на себя «родной язык» с его избыточной оснащенностью в фонетике, морфологии и синтаксисе. Страстные моления с боязнью не быть понятым привели к ритми-

зации речи, к многочисленным повторам, что и нашло свое обозначение под видом поэзии. Трудно не увидеть поэзию в таком, например, «заговоре» от неизвестной болезни (шепотом):

*«Стань ты, Пречиста, з помощами, а я со словами:
Вид твоих очей, вид твоих плечей,
Вид белого тела, вид желтых костей,
Вид червонной крови, вид щирого сердца.
Тут тобі не стояти, билого тела не пусвати,
Червонной крови не питици, жовтой кости не ломати.
Иди себе на очерета, на болота,
Де сонце не сяє, де місяць не свитьє, де люди не ходять»*
[Ветухов 1907, 102].

Вот еще пример заговора (от зубной боли):

*«Заря зорюшка, заря вечерняя!
Как ты утихаешься, как ты улегаешься,
Пускай у (такой-то) зуб желанный утихается, улегается,
С буйной головы, с ясных очей, с черных бровей,
С ретивого сердца, с жил, поджил, с состав, с полустав.
Зубище, зубище, иди ты на дубище...»*
[Ветухов 1907, 102].

Заговор совершенно не обязательно произносить артикулировано, с соблюдением интонации и динамических оттенков. В заговоре важен повтор, настойчивое донесение смысла путем многократного возвращения к одному и тому же, так что рифма является не более чем подтверждением ритма. В заговоре мысль кружится вокруг одной оси, как бы зазывая покружиться вместе. Задача заговора состоит в том, чтобы создать место встречи, обставить это место декорациями и принять в дом званного гостя-покровителя. Слова в заговоре не есть, собственно, слова и предложения; скорее, слова в заговоре есть «мыслеформы» теософии Р. Штайнера, они суть видимые онтосы. «Речь, - писал Д.Н. Овсянико-Куликовский, - можно было – по понятиям древности – видеть, ибо «видеть» и «слышать» были не то, чтобы совсем синонимы, но понятия весьма близкие... сливающиеся в одном основном представлении текущей жидкости...» [Овсянико-Куликовский 1883, 69]. В гимне богине Речи Овсянико-Куликовский находит прямое подтверждение своей мысли:

*«...Мною вкушает пищу тот, кто видит,
кто дышит, кто слышит сказанное,-
(сами того не зная), они при мне состоят
(«они Омне живут!»).
Слушай! Слушайся! Я говорю правду»*
[Овсянико-Куликовский 1883, 118].

Признание сакральности языка имеет важное для философии следствие: философия религии должна предшествовать философии языка и быть не сравнительным религиоведением, а онтологией персонажей, известных по трансовому опыту. По своему происхождению язык связан с трансовым опытом человечества,

через который и проходит, я утверждаю, «путь к языку». Насколько оригинальна эта идея? Во всяком случае, она не настолько нова, чтобы приписывать авторство себе. Еще Ф.де Соссюр, страстный сторонник знаковости языка, иронизировал над «ясновидением»: «Некоторые ясновидцы заявляют: «Язык есть нечто, находящееся совершенно вне человека и имеющее собственную организацию, это некая паразитарная растительность, распространившаяся по поверхности рода человеческого». Другие говорят: «Язык есть нечто человеческое, но он подобен естественным функциям»» [Соссюр 1990, 93]. Для М. Хайдеггера, избравшего для языка путь через поэзию, а не через знаки, ирония Ф. де Соссюра была бы совершенно неуместной. Поэзии немецкий философ придает трансцендентальное значение, обыгрывая упоминание «богов» в литературе романтизма: «...боги сами приводят нас к языку. Как говорят боги? ...намеки – Вот с незапамятных времен язык богов... Сказывание поэта есть улавливание этих намеков...» [Хайдеггер 2003, 91]. Как осуществляется это самое «улавливание»? – Усилиями с двух сторон: «Но боги только тогда могут войти в слово, - уточняет М. Хайдеггер, - когда они сами спрашивают нас и спрашивают с нас» [Хайдеггер 2003, 79]. Можно понять лингвистов, которые отказываются понимать соображения о том, как боги «могут войти в слово». Лингвисты понимают язык через семиотику-для-нас, в то время как возможна семиотика-для-богов, в которой могут быть иные измерения языка, иные виды «значений». Например, боги входят не в слово, а в аромат слова, в аромат фразы или в музыку слова, в музыку имени (любимой женщины, родины); в пространствах музыки или аромата места предостаточно.

В лингвистике нет богов, но тогда нет и того диалога, который предшествует языку и делает его возможным. Для М. Хайдеггера принцип языка ясен однозначно: язык возникает на границе двух реальностей, и возникает он как диалог людей и богов, причем на общей им территории «дома бытия». Чтобы начать говорить, надо войти в язык. Богам тоже надо «войти в слово», но для этого слово должно сопрягаться в своих частях, образуя непрерывность при любой длине этого слова-речи. Неправильная речь не мешает людям двигаться в ней, но является серьезным препятствием для богов: они её просто покидают (так люди покидают транспортные средства, увязшие в дорожной грязи). При правильной речи (сработанной поэтами) боги не только входят в слово, но они плывут в речи по её течению, имея возможность этим течением управлять. Так возникает «сотрудничество» людей и богов, - «синергия», которую мы называем «языком», а наблюдаем в «речи».

Верил ли М. Хайдеггер в теистичную теорию языка, развертываемую им на материале авторской поэзии (минутная этнография)? Скорее всего, нет, иначе не называл бы путь к языку «длиннейшим из всех». Хайдеггер «вычис-

лял» богов подобно тому, как его современник Луи де Бройль вычислял свои «волны». Хайдеггеровские «боги» исключительно математичны, от чего на «пути к языку» возникает серьезное препятствие – онтология не языка, а самих богов. Препятствие было непреодолимым, в чем отдавал себе отчет М. Хайдеггер, полагая для себя достаточным вывести язык за пределы лингвистики и лично сокрывшись в поэзии. Не случайно на вопрос корреспондента (в 1969 году): «Говорят, что есть две темы, по

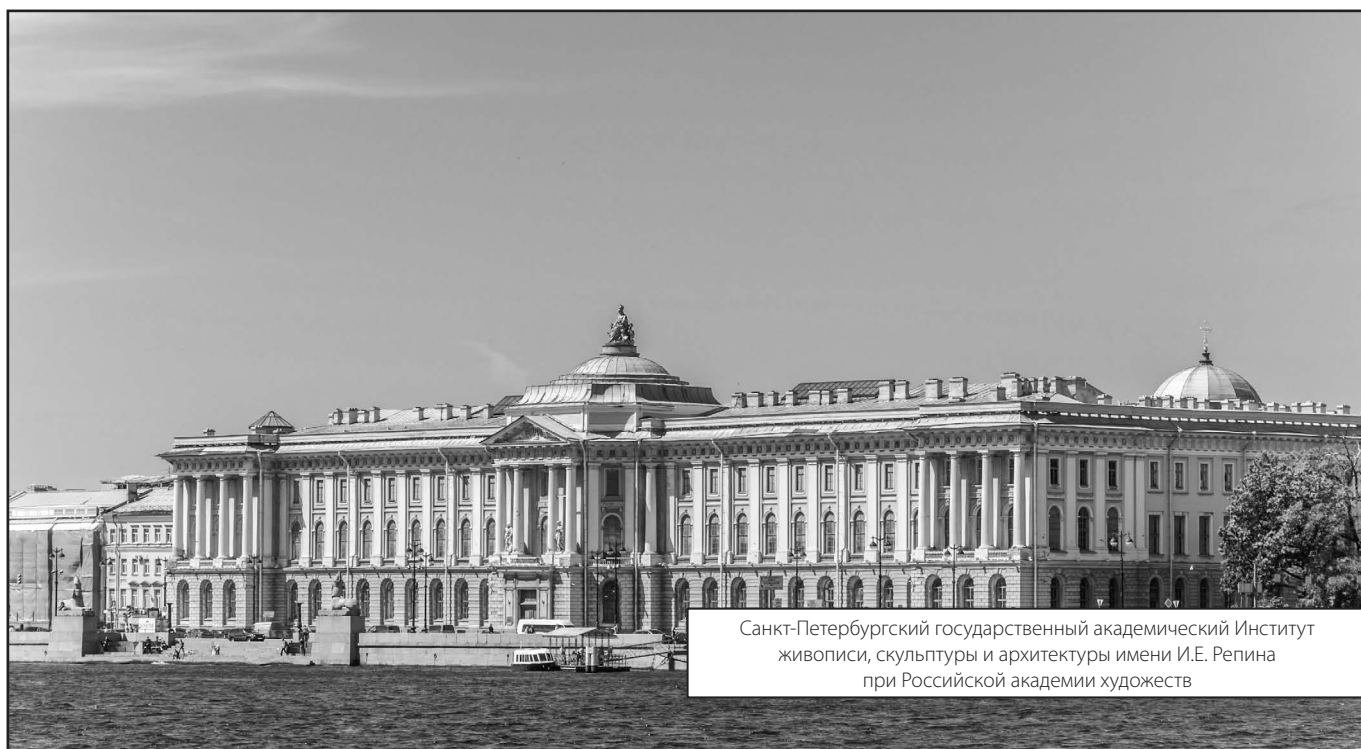
поводу которых Вы отказываетесь отвечать: то, над чем Вы работаете и проблема Бога», - Хайдеггер ответил в очередной раз уклончиво: «Я предпочитаю, чтобы читали мои сочинения» [Хайдеггер 1991, 158]. В философии М. Хайдеггера боги по его воле должны оставаться всего лишь «интенциями», между тем как табуирование темы «онтология богов» не может продолжаться до бесконечности, и «вопрос о языке» лишний раз свидетельствует об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
2. Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания. Вып.1-2. Варшава, 1907.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
4. Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» - великое начало индийской литературы и культуры. \\ Ригведа. Мандалы 1-4. М.: Наука. 1989.
5. Овсянко-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Ч.1. Одесса, 1883.
6. Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001.
7. Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992.
8. Мечковская Н.В. Язык и религия. Минск, 1998.
9. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
10. Цицерон М. Избранные сочинения. М., 1975.
11. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб, 2003.
12. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991
13. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
14. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

© Костецкий Виктор Валентинович (kostavictor@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств

Наши авторы

Akhmetgalieva E. – Plekhanov Russian University OF Economics

Akopova M. – PhD in Psychology, Assistant Professor, branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Budennovsk

Belous O. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir

Belousov M. – Moscow State University of Psychology and Education

Bobrovskaya E. – Graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management

Borisenko Z. – Senior Lecturer, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (branch in Sevastopol) (Sevastopol)

Bukhtoyarov A. – honored artist of Russia, docent, State Musical Institute by Ippolitov-Ivanov

Bulash N. – Lecturer, Financial University under the Government of the Russian

Derevtzova E. – teacher, applicant, Kemerovo State Institute Culture

Evsiouk A. – Candidate of psychological Sciences, Senior Research, Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow

Fursova D. – PhD in Psychology, Assistant Professor, branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Budennovsk

Goncharenko E. – Senior lecturer, Voronezh state pedagogical University

Our authors

Goryunova N. – PhD in Psychology, Senior Researcher, FSFES Institute of psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

He Qiang – Professor, Qiqihar University, China, Qiqihar

Karaseva L. – Nizhny Novgorod state pedagogical University named after K. Minin

Kostetckii V. – DSc in Philosophy, Professor, Saint Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I. E. Repin at the Russian Academy of arts

Kudryavtsev V. – Cand. the course of studies. Sciences, associate Professor, Nizhny Novgorod state pedagogical University named after K. Minin

Leshchenko S. – Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Tula state pedagogical University. L.N. Tolstoy

Lukina E. – Moscow State University named after M.V. Lomonosov (branch in Sevastopol) (Sevastopol)

Maksimova M. – Postgraduate student, Bashkir state university

Nalichaeva S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (branch in Sevastopol) (Sevastopol)

Novikova M. – Penza State University

Peshkova N. – Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Tula state pedagogical University. L.N. Tolstoy

Polenova O. – Tula state pedagogical University.
L.N. Tolstoy

Raspopin E. – Candidate of psychology, associate
Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the
Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)

Shcherbakova N. – Candidate of pedagogical
sciences, associate professor, Penza State University

Terentyev B. – Moscow State University named after
M.V. Lomonosov (branch in Sevastopol) (Sevastopol)

Tkachenko A. – Psychologist, Moscow State
University named after M.V. Lomonosov (branch in
Sevastopol) (Sevastopol)

Trofimova N. – Doctor of psychological Sciences,
Professor, Voronezh state pedagogical University

Usoltseva V. – PhD in Psychology, Associate
Professor, Omsk state pedagogical University, Omsk

Vetrov D. – postgraduate student at GITR Film and
Television School; lecturer, Moscow State University
of Linguistics

Voronin A. – Sc.D. (psychology), leading research
officer, FSFES Institute of psychology, Russian
Academy of Sciences (Moscow)

Zhang Hongli – Professor, Qiqihar University, China,
Qiqihar

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).